

ISSN 0869-3129

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

4. 2023

В начале июня на Красной площади в Москве в рамках просветительской программы Фестиваля национальных литератур народов России Зарина Канукова прочитала лекцию «Адыгские (черкесские) барды – джегуако. Эволюция древнего искусства», посвященную 95-летию со дня рождения учёного, фольклориста Заура Налоева.

Поэт, писатель, драматург и главный редактор газеты «Горянка» З. Канукова также представила поэзию на адыгском языке, принимала участие во встрече с председателем Союза писателей России Н. Ф. Ивановым.

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

**Учредители
(соучредители):**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
«КБР-МЕДИА»

Главный редактор – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Юрий Тхагазитов
Мадина Хакушева
Пётр Хатуев (отв. секр.)
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

4. 2023 ИЮЛЬ–АВГУСТ

*Борис ЗУМАКУЛОВ,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки КБР и КЧР*

ГЕНИАЛЬНЫЙ ПОЭТ КАВКАЗА К 100-летию Расула Гамзатова

100-летие Расула Гамзатовича Гамзатова, уверен, отмечает не только Дагестан, Кавказ, Россия, но и весь поэтический мир. В книге «Завещание» Расул поет гимн своему любимому Дагестану. Его любовь к земле, к горам, к матери, ко всему сущему, переживание за страдания и боль человечества, облеченные в поэтическую форму, близки и аварцу, и индийскому крестьянину, и русскому пахарю.

Расул Гамзатов любил Кабардино-Балкарию. Много раз бывал здесь. К нему и руководители, и простые люди относились с высоким почтением. Его считали своим представителем в Президиуме Верховного Совета СССР, где он заседал многие годы. И сегодня, когда Расула уже нет среди нас, на горских свадьбах и иных событиях звучит имя Гамзатова. Его мудрые стихи освещают путь новым поколениям в жизни и творчестве.

Многие из нас вспоминают Гамзатова, пишут о дружбе с ним. И это естественно, потому что многим приятно приобщиться к имени великого человека, сказав: вот, когда он бывал в Кабардино-Балкарии...

Я один из тех, кто знал Расула Гамзатова, высоко ценил его творчество, пользовался его расположением и всегда этим гордился. И сегодня, с чувством огромного удовлетворения, вспоминаю наши встречи...

Первая моя встреча с Расулом Гамзатовым состоялась в конце 60-х. Я был аспирантом КБГУ. Заведующий кафедрой КБГУ профессор Текуев Анатолий Кушбиевич предложил поехать в Махачкалу к моему научному руководителю – доктору исторических наук, профессору Магомедову Шугаибу Магомедовичу. Он сам любезно встретил нас, сопроводил в гостиницу, где нам оказали теплый прием и предоставили лучшие номера. Когда же мы поднимались на свой этаж, вниз по лестнице спускался Расул Гамзатов, как потом выяснилось, – с переводчиком из Москвы по фамилии Заяц. Гамзатов, увидев профессора Магомедова, по-братски обнял его и спросил: «Кто эти люди?» Профессор представил нас. Узнав, что мы из Кабардино-Балкарии, Гамзатов сердечно поприветствовал и сказал, что у него особое отношение к нашей республике, поэтому мы и его гости тоже. Затем развернулся и пошел с нами на четвертый этаж. Я, как любой аспирант, собираясь

Расул Гамзатов с Алимом Кешоковым на юбилейных мероприятиях, посвященных Дню государственности КБР. 1982 г.

в дорогу, тем более к своему руководителю, прихватил с собой кое-какие «сувениры», в том числе прохладненский коньяк (тогда этот бренд имел достойную славу). Когда я вынул бутылку из кейса и стал ее открывать, Расул произнес: «Я на Коране поклялся бросить пить, но ради наших братьев придется нарушить клятву – наливай». Практически весь тот день Расул Гамзатов провел с нами, во всей искренности и широте осуществляя дагестанское гостеприимство.

Следующая наша встреча состоялась в Москве на XXIV съезде КПСС, это произошло в перерыве между заседаниями. Расул тепло поприветствовал меня, как старого знакомого. Увидев рядом со мной первого секретаря ЦК ЛКСМ Молдавии Петра Кирилловича Лучинского, воскликнул: «Привет, мои комсомольские друзья!» Сцену запечатлел неизвестный фотограф. Это была незабываемая встреча, которая оставила самые приятные воспоминания.

Мне по долгу службы приходилось участвовать в съездах писателей СССР и РСФСР, где, естественно, был и Расул Гамзатов, как всегда находясь в центре внимания делегатов.

В 1982 году, в дни празднования 60-летия государственности Кабардино-Балкарии, Расул Гамзатович в составе делегации Дагестана приехал в нашу республику. Он принял активное участие во всех мероприятиях, посвященных юбилею. Выступал в коллективах, тепло отзывался о Кабардино-Балкарии, ее народах, наших обычаях и традициях. Сердечно и проникновенно говорил о творчестве народных поэтов Кайсына Кулиева, Алима Кешокова, Танзили Зумакуловой, читал стихи, посвященные нашим землякам. Я тогда работал секретарем Кабардино-Балкарского обкома КПСС и, с учетом того, что был дав-

На XXIV съезде КПСС. Справа налево: Гамзатов Расул Гамзатович, народный поэт Дагестана; Лучинский Петр Кириллович, первый секретарь ЦК ЛКСМ Молдавии, Зумакулов Борис Мустафаевич, первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВЛКСМ. Москва, Кремлевский Дворец съездов

ним знакомым Гамзатова, присутствовал на мероприятиях с его участием. В один из дней Расул любезно согласился быть гостем в моей семье. Мои дети до сих пор с восторгом вспоминают, как провели несколько часов в общении с этим великим человеком.

С тех пор прошло много лет, но Расул Гамзатович для меня остается великим и непревзойденным поэтом. Его имя и сегодня высвечивается на небосклоне мировой поэзии как яркая звезда. Расул для всех горцев – человек, олицетворяющий собой многовековую мудрость Кавказа. Я горжусь тем, что был тесно знаком с Расулом Гамзатовым и постоянно ощущал его доброе отношение к себе.

Когда готовилась к изданию книга воспоминаний о Тимборе Кубатиевиче Мальбахове, я позвонил Расулу Гамзатовичу, рассказал об идее написания книги и попросил его поделиться своими воспоминаниями о нем. К моему удивлению, уже на следующее утро Расул позвонил лично и продиктовал статью о Мальбахове, в которой были такие слова: «Говорил тихо – слышали все». Это определение настолько понравилось авторам, что в название книги мы вынесли эти слова Расула – **«Говорил тихо – слышали все»**. Ниже хотелось бы напомнить текст этой значимой для нас статьи:

«Тимбора Кубатиевич Мальбахов – первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии. Он не был похож на секретаря обкома. Когда мы, писатели, познакомились с ним, один из нас сказал: «Первый секретарь обкома и такой худой». Говорят, что, будучи на партийной работе, Мальбахов Т. К. в месяц Рамазана ходил по некоторым аулам и объяснял старикам, как вредно держать уразу. Один старик сказал ему: «Если я даже целый год буду держать пост, таким худым, как ты, не буду». Об этом он рассказал мне. Он любил иронизировать над собой. В истории Кабардино-Балкарии я знал двух руководителей: о первом я слышал – это был Бетал Калмыков. Для людей он был как бы героем романтических произведений. О нем пели песни, поэты слагали стихи, их знали даже в Дагестане. Я не знал, кто был руководителем Кабарди-

но-Балкарии до него и после него, пока не стал первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома партии Тимбора Кубатиевич Мальбахов.

Если Калмыков был романтическим героем, то Мальбахов был для меня реальным человеком – и тоже героем. О нем не пели песен, не писали стихов, не был он

Расул Гамзатов во время посещения Терского района КБР: Справа налево: М. А. Панагов, глава администрации Терского муниципального района; Р. С. Аушев, президент Республики Ингушетия; Б. М. Зумакулов, министр труда и социального развития КБР; Расул Гамзатович Гамзатов, народный поэт Дагестана; О. Л. Шандиров, глава администрации Президента Кабардино-Балкарской Республики

и оратором. Говорил он тихо, почти шепотом. Но в чем же его сила? Он был образованным, умным, мудрым, правильным. И что бы он ни сказал, и как бы ни сказал, было слышно всей Кабардино-Балкарии. Поэтому его уважали и любили многие партийные и непартийные работники, все жители Кабардино-Балкарии. Многие люди к нему относились, как к родному отцу. С ним интересно было говорить по любому вопросу. Он прекрасно знал литературу. С ним дружили писатели Кабардино-Балкарии и других республик. Часто гостили в Кабардино-Балкарии московские писатели. В те годы первым секретарем обкома партии в Дагестане был Даниялов, в Осетии – Кабалоев, Кабардино-Балкарии – Мальбахов. Они, не в пример «сорокиным» и «мазиным», были любимы и уважаемы народом. Они были крупными государственными деятелями. Я близко знал Тимбору Мальбахова. Однажды он принял участие в работе выездного заседания Правления Союза писателей Российской Федерации в Кабардино-Балкарии. В Нальчик приехали писатели, поэты, драматурги, критики со всей России. Они обсуждали проблемы развития национальной литературы. Тимбора Кубатиевич был там от начала до конца все три дня с нами – с писателями.

Нас удивляло его глубокое знание произведений разных писателей. Он выступал на заседании Правления не для того, чтобы подытожить и поставить очередные задачи перед писателями, а он выступал как рядовой читатель. Когда мы анализировали вопросы, поднятые в его выступлении, мы узнали его как большого, умудренного опытом государствен-

Расул Гамзатов в гостях в семье Б. М. Зумакулова

ного деятеля. Он был ровесником того поколения писателей России, всех его народов. Тимбора, конечно, прежде всего, любил цветущую Кабардино-Балкарию и ее народ. Его заботой были происходящие события на Кавказе, в стране. Говорил он мало. Но запомнилось каждое слово, которое он произносил. Я не знаю, как часто он ходил на рынок, но он знал думы и чаяния простых людей. Тимбора Кубатиевич был очень гостеприимным хозяином. Я неоднократно бывал у него дома и постоянно ощущал обаяние хозяина и теплое сердце его супруги – Нины Степановны.

В период пребывания его во главе Кабардино-Балкарии народ успел оценить и полюбить его.

Я беспокоился о его здоровье. Я не был в Махачкале, когда умер Тимбора Кубатиевич. По возвращении я получил печальное известие о его кончине. Я был потрясен, что не удалось попрощаться с моим дорогим Тимборой Кубатиевичем, проводить его в последний путь.

Народы Кабардино-Балкарии, народы Кавказа никогда не забудут этого замечательного человека, достойного гражданина – Тимбору Кубатиевича Мальбахова»¹.

Теплые, искренние и братские отношения связывали Расула Гамзатовича с нашими мэтрами от литературы Кайсыном Кулиевым и Алимом Кешоковым. Подтверждением тому – приведенные ниже их посвящения друг другу:

Автограф Расула Гамзатова на книге, поднесенной Кайсыну Кулиеву

Как лунь, голова моя стала седа,
Не время ль, Кайсын, возвратиться к истокам,
Тебе – в твой Чегем над мятежным потоком,
А мне в мой аул – поднебесный Цада?

¹ «Говорил тихо – слышали все». Б. М. Зумакулов, С. Н. Бейтуганов, В. Ж. Кудиев. Нальчик: Эльбрус, 2005.

Пока еще в седлах мы крепко сидим,
Пока не исчезли мы в суетном мире,
Пока еще сами себе мы визири,
Давай возвратимся к истокам своим.
И, может быть, в силу немногих заслуг,
Познавшим и славу, и горечь кручины,
Отпустят грехи нам родные вершины,
А мы не безгрешны с тобою, мой друг! ²

Алиму Кешокову

Прибыл в Нальчик я, дружбой томим,
И встречавших спросил на вокзале:
«Где кунак мой, Кешоков Алим?» –
«Вдалеке он», – они отвечали.
И окинули кручи вершин,
И печально потупили взоры.
Опроверг я предвзятых мужчин:
«Неразлучны Кешоков и горы!
Гордо горское носит тавро
Зычный стих его, вверенный годам.
И поныне, как прежде, перо
Повествует, откуда он родом.
Смерть грозила ему на войне,
Был он конником и пехотинцем.
И при этом в любой стороне
Оставался всегда кабардинцем.
Были к странствиям приобщены,
Молодыми на свете мы белом.
Но, где б ни были, обращены
Наши помыслы к отчим пределам.
След вам знать, что Алим мой собрат
И, каленная в пламени схваток,
Наша дружба крепка, как булат,
И пошел ей четвертый десяток.
Словно ведая дело свое,
Смог кинжально на радость и слезы
Породнить он стиха лезвие
С лезвием им отточенной прозы.
И вдали от отеческих лоз,

² Гамзатов Расул. Собрание сочинений в 5-ти т. М.: Худож. лит., 1982.

Как поэт настоящего ранга,
Он аульскую речку вознес
Над волнами великого Ганга.
Каждый собственной верен звезде
И в долгу у пожизненной дани.
Я душою всегда в Дагестане,
А Кешоков всегда в Кабарде».³

**Кайсын Кулиев. Письмо
к Расулу Гамзатову**

– Беречь друзей! – ты написал, Расул. –
Вот жить – не зря – единственное средство. –
И, как строку ответа ни рисуй,
Не нарисуешь безутешность сердца.
Во всем ином то я, то ты не прав,
Но прав твой лист, изъятый из тетради.
Не дай нам бог друзей легчайший прах
Оплакивать при черном снегопаде.
Покуда пули, спящие в стволе,
Пеклись во сне о смертоносном деле,
Текли беспечно реки по земле,
Беспечно мы в глаза друзей глядели.
Недолг сон всех пуль во всех стволах,
Недолг срок от дружбы до утраты:
Где этот друг мой или тот стоял,
Теперь то снег, то – ничего, то – травы.
Склонялись мы к тому, кто падал ниц,
Не поровну нас опалило пекло.
Я буду пеплом, буду меньше пепла!
О, лучше ты останься и склонись,
У нас пред ними не было вины,
Кроме войны, в которой неповинны.
Живые мы и мертвые – они.
Но кто разметил эти половины?
Они хотели жить, и я хотел,
И я хочу, но все же не настолько,
Чтоб жить взамен тех юных душ и тел,

³ Гамзатов Р. Г. Завещание: Стихотворение, Махачкала: «Дагестанский писатель», 2009.

Убитых беспощадно и жестоко.
Железный и глухонемой туман
Был нас сильнее и нас разъял с друзьями.
Мы плакали, а он их отнимал, –
Железо не разжалобишь слезами.
Я выбрал риск, но я бы не рискнул
Не заручиться долголетьем друга.
Как трудно уберечь друзей, Расул,
Как трудно уберечь, Расул, как трудно!⁴

Расул Гамзатов с высоким уважением относился к народному поэту Кабардино-Балкарии Танзиле Зумакуловой. Он ей писал: «Я всегда уважал Вас, любил Вашу поэзию и ценил скромность. Как поэту, творческое бессмертие Вам обеспечено». В другой раз, встретив Танзилю, восхищенно воскликнул: «В мире есть Танзиля – и все остальные женщины».⁵

⁴ Кулиев К. Ш. Избранное. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2017.

⁵ См.: Танзиля Зумакулова. Жизнь и Судьба. Нальчик: «Эльбрус». 1994.

*Юрий ТХАГАЗИТОВ,
доктор филологических наук,
с.н.с. сектора кабардино-черкесской литературы КБИГИ*

ВЫСОКОЕ СЛОВО КАВКАЗА

Представители многонациональной семьи народов России, её литературное сообщество отмечают 100-летие со дня рождения выдающегося поэта нашего времени, гражданина, общественного деятеля Расула Гамзатовича Гамзатова.

Юбилей поэта – всего лишь повод, чтобы еще раз засвидетельствовать свою любовь к художнику, свое отношение к его творческому наследию. А причина – постоянная и значимая причина – роль и значение Расула Гамзатова в культурном пространстве Северного Кавказа, всей нашей многонациональной родины, в том послыле к развитию эстетического сознания, которое нам дают произведения стихотворца.

Дагестан присвоил Расулу звание народного певца, это – высшая честь, которую смогли оказать земляки. Но творчество Расула Гамзатова перешагнуло границы его родного края. Оно давно завоевало прочную известность, как в нашей стране, так и за ее пределами. Около двух сотен его книг изданы почти на всех языках народов Российской Федерации и на многих языках мира.

Гамзатов «пишет» нашу повседневность, превращая ее в поэзию. И эта поэзия делает жизнь по-особому «читаемой». Отсюда необыкновенная популярность творчества Расула.

Ещё в самом начале пути Расул Гамзатов понял, что не бывает литературы местной, областной, периферийной. Что литература, какой бы народ – большой или малый – она ни представляла, не может считаться таковой, если не стремится к общезначимому уровню художественного развития.

«Слово дороже коня» – гласит древняя народная мудрость горцев. Расул строго придерживается в своем творчестве этого чеканного

правила. Его стихи не терпят суеты, верны традициям, идущим из глубины веков. Яркость образов, возвышенность и глубина мысли, благозвучие лада сливаются у поэта воедино, создавая удивительно цельную гармонию духовного проникновения в

жизнь. Расулу чужды и легковесная лирика, и напыщенная многословная риторика. Он ненавидит ложь и пошлость, глупость и злобу. Смелость и широта взглядов, независимость суждений, внутренняя убежденность – вот характерные черты поэзии и прозы Гамзатова.

Творческое наследие Расула Гамзатова по праву входит в сокровищницу многонациональной литературы Российской Федерации. Крупнейший мастер художественного слова, он убедительно продемонстрировал всем своим талантливым творчеством, каких успехов можно достичь неустанным трудом, поисками, желанием принести пользу своему народу и Отечеству. Расул воспел Родину-Россию и свой отчий край. В книге «Мой Дагестан» он писал, что каждый человек смолodu должен понимать: он пришел на землю для того, чтобы стать представителем своего народа, и должен быть готовым принять на себя эту роль. Сам Расул жил думами о Родине и земле отцов, где бережно хранятся народные предания древности и традиции.

Родина, родной язык, отчий дом – эти темы доминируют в текстах поэта и неизменно интерпретируются в свете ярко выраженной этнической идентификационной позиции, в связи с многовековым опытом народа, его духовной культурой и социальным бытием. И сегодня очевидно, что моральные и нравственные ценности, выработанные коллективным интеллектом нации, как никогда, нужны сейчас, в наш непростой век.

Рассуждая о поэзии Расула, нельзя умолчать о его любви к женщине-хранительнице домашнего очага.

Мать – вечная тема поэзии. Но Расул нашел новые необыкновенные слова. Он не побоялся повториться. И оказалось, что его гимн Матери зазвучал в общем резонансе мировой лирики. В том, с какой потрясающей силой, в какой совершенной форме он изложил свои переживания, – непреходящая современность искусства в целом. Расул не стесняется признаваться в любви. И мы благодарны ему за это. Он славит Мать как первородный источник и начало всего сущего, как надежду и веру в бессмертие всего человечества.

Что же касается родного очага, то для горцев это не только символ материнского покоя, теплоты, семейного счастья. Это олицетворе-

ние Родины, края, где прошли детство и юность. Она навсегда оставила в душе первые ощущения счастья. «Дом, – утверждал Гамзатов, – символ родного очага; того кровного, что единит нас с землей наших предков. Потеряв его, человек превращается в перекасти-поле, лишается своих корней». Родной очаг и просторы родины – это исто-

ки творческих сил горцев, начало их дороги в большой мир.

Расул Гамзатов внес особую художественную струю в современную литературу. Социально-нравственные проблемы его творчества, художественное своеобразие произведений и их глубокий философский смысл, несомненно, повлияли на развитие национального сознания и самосознания горских народов. А если подняться над горизонтом нашей региональной проблематики, становится безусловным и ясным, что творчество Гамзатова представляет собой уникальное общекультурное, общемировое явление.

Наполненные большим гражданским звучанием, огромной нравственной силой, произведения Гамзатова учат любить Родину, родную землю. Поэт утверждает подлинную красоту человеческой личности и учит самому главному – быть Человеком на Земле.

Человек у Гамзатова стоит во главе всего сущего. Это слово поэт всегда пишет с большой буквы. Он наделяет человека лучшими чертами всего сущего.

Его герой, а следовательно – он сам, страстно любит свою Родину. Его первая страсть, первое чувство, первая любовь – Дагестан. В этом понятии сосредоточиваются самые сокровенные мысли и чаяния поэтической души Расула Гамзатова. И горе тому, кто посягнет на эту великую страсть.

*Мне все народы очень нравятся,
И трижды будет проклят тот,
Кто вздумает, кто попытается
Чернить какой-нибудь народ.*

Расул пишет стихи и прозу, но все это, без различия родов и жанров, объединяется всеобъемлющим именем поэзии. Он поэт – и в жизни, и в творчестве. Впрочем, они у него неразделимы.

Расул Гамзатов – поэт мирового масштаба, совершивший в поэзии необыкновенный героический подвиг. Подвиг во имя своего народа.

Ещё раз – значение этого творческого подвига выходит за рамки

собственно литературы и культуры одного народа и даже одного региона, как сегодня принято говорить. Размах таланта, масштабность мышления крупного творца позволили Гамзатову воплотить на материале жизни небольшого народа проблемы, волнующие все человечество.

Мастер и учитель, он сам оставался прилежным учеником гор, учеником всего того, что есть прекрасного в поэтической культуре Кавказа! И горы, белые вершины Дагестана, стали выше и ближе к людям, благодаря его имени и его поэзии.

Поэтические традиции Дагестана имеют весьма и весьма глубокие корни. Нам известны авторские тексты, сложенные ещё в Средневековье, а конкретно Авария дала человечеству таких могучих поэтов, как Чанка, Махмуд из Кахаб-Росо и Гамзат Цадаса. Выглядеть достойно на этом фоне, а тем более, в чём-то даже превзойти предшественников – задача неимоверно сложная. Но Расулу удалось это сделать: сохранить в своих строках гордый дух родных гор, родного народа, обогатить его новыми смыслами и философскими концептами. И именно этим он заслужил любовь читателя, занял своё вечное место в ряду великих представителей художественного слова своего народа, всего Северного Кавказа, России, целого мира.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ: ЭВОЛЮЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ СЕВЕРОКАВКАЗСКОЙ ПОЭТИКИ

Северный Кавказ, рассматриваемый в качестве единого культурного региона, в своей эволюции с весьма большой степенью точности вписывается в общую парадигму феномена ускоренного развития – как в смысле общей презентативной культуры, так и литературы и поэзии в частности. Это отмечается многими исследователями, и, в сущности, на сегодняшний день может быть просто постулировано.

Тем не менее, работы целого ряда дагестанских литературоведов и культурологов, посвященные анализу ренессансных явлений в общем контексте движения литературы этой части региона, вне всякого сомнения, достаточно аргументировано выявляют видимую стадиальность формирования аварской, кумыкской, лакской, некоторых других национальных литератур, реализованную практически на всех уровнях эстетического сознания. Понятие «дагестанское Возрождение», благодаря трудам Г. Гамзатова,¹ ныне отнюдь не воспринимается как своеобразная периферийная экзотика.

Более того, некоторые ученые склонны трактовать ход развития национальных литератур с выделением последовательно-эволюционных этапов их становления, аналогичных периодам «классических» культурных регионов с протяженной во времени традицией и естественным ходом формирования.

Вероятно, в истории северокавказских литератур действительно возможно вычленение определенных эволюционных циклов, которые в той или иной форме могут быть увязаны с эпохами развития Западной Европы, арабского мира, ираноязычной культуры, и так далее.

Однако неоспоримая стадийная «усеченность», временная сжатость формирования национальных поэтических систем на Северном Кавказе лишает нас возможности последовательного анализа информационных структур – по крайней мере, возможность систематизации их на хроно-иерархической шкале видится нам достаточно эфемерной.

Необходимо учитывать, что форсированное развитие поэзии народов Северного Кавказа обусловило смешение различных структур в поэтических системах региона, и зачастую в одном произведении соседствуют образования, принадлежащие к абсолютно различным генерационным областям.

Проблема же возможной естественно-эволюционной генерации

классической образной системы в Дагестане может быть вопросом отдельного исследования, во всяком случае, относительная стадийная развитость дагестанской поэзии предполагает постановку таковой. Однако мы предполагаем, что развитие дагестанских поэтических систем, шедшее в ярко выраженном «восточном» направлении, исключает такую возможность. Некоторые исследования дагестанских ученых подтверждают нашу мысль. Э. Ю. Кассиев пишет: «...Как перевести на родной язык выражение “Недолго нежил нас обман” из стихотворения “К Чаадаеву”.

Любви, надежды, тихой славы

Недолго нежил нас обман...

...Буквальный перевод их на русский язык выглядит так:

Любовь, доверие, громкие имена (в смысле славы)

Не обманули нас на долгое время.

Здесь, как видно, много разного типа неточностей. Во-первых, вместо умуд, хьул («надежда») дано вишхала («доверие»); во-вторых, стих «Недолго нежил нас обман» переведен неверно; в третьих, самое главное – язык не тот, не родной, нет здесь стихии национальной речи». ² Замечания лакского ученого абсолютно верны, остается лишь присовокупить, что в процессе перевода единый классический образ Пушкина, складывающийся в сложном переплетении культурных, точнее, литературных, ассоциаций («обман, тешивший нас любовью, надеждой, тихой славой»), трансформировался в автономные составляющие номинативного ряда («любовь», «доверие», «громкие имена»), которые вполне определенно представляют нам образец аналогового (перечислительного) параллелизма, что, в принципе, соответствует арузному поэтическому мышлению.

Дело в том, что классический условно-литературный образ заметно ограничен в смысле конкретно-чувственного познания представляемого объекта. Более того – структуры подобного типа препятствуют проникновению психомоторных рефлексий в ткань стихотворения. Однако вариант классического образа, в котором реализованы представления о реальных неиллюзорных объектах (подчеркнем, что четкой грани между этими двумя модификациями не существует), уже предполагает включение в произведение наряду с традиционными позициями и новых реалий в качестве классических образов.

Причем доминирующее положение новых и старых структур также определяется, скорее всего, по реализации в роли ключевых «ударных» образов. Главное в поэзии классических образов нового типа – неизжитая фактурность новых объектов, их материальная «тяжесть», что, в принципе, оценивается нами как предпосылки к развитию структур качественно иного вида, когда существенным компонентом эстетического переживания становится переработка сенсорной информации. Примером подобного творчества, стоящего на грани между классическими

и системами с эстетической функциональностью сенсорных уровней представляемых объектов можно считать поэзию Расула Гамзатова.

«...Нет замкнутого, глухого, бесчувственного к зовам человеческого сердца бытия; людское ... «люблю» отворит, откроет его секреты, стоит только подняться в горы, к вершинам синим», получив новый обзор, раздвинуть горизонты (выделено автором), и охватывает тотчас поэта чувство необъятности; все сохраняет свою общность, но приближено новой зоркостью к нему»³. Это, так сказать, «опоэтизированная» передача сути творчества Р. Гамзатова.

Несколько ранее дана более точная характеристика Гамзатова как поэта, его роли в развитии дагестанской (и мы можем сказать – северокавказской) поэзии: «...Расул Гамзатов – первый из плеяды культурных деятелей Дагестана, кто своим творчеством всерьез и по-настоящему снял крайности в восприятии родины и мира. Расул Гамзатов – первый, кто снял и механическое, эклектическое совмещение этих двух начал»⁴. Другими словами, Р. Гамзатов – поэт, «догнавший» высшие уровни познания мира в смысле широты освоенного объективного и ассоциативного фондов (и не просто догнавший, но внесший свой вклад в литературный багаж традиции, новых объектов, понятий этического и мыслительных алгоритмов). С этой точки зрения его однокомпонентный классический тканевый образ соответствует той степени усвоения предыдущей традиции, которая предполагает достаточно четкое и конкретное понимание адекватного первичному вторичного поэтического объекта, без той концентрации и сужения, которая и приводила к трехкомпонентному классическому образу.

Северокавказская поэзия, если можно так выразиться, региональное поэтическое сознание, выйдя в новую, неизмеримо более широкую, чем раньше, область действия, оказалась в той точке развития, «...когда целостный охват бытия... необходимо требовал напряженного личностного роста, органической способности художника единой мерой измерить все, что видишь ты... тут становится особенно очевидным, что целостность литературного произведения – это глубоко существенная его характеристика ... несводимая к внешним приметам цельности, законченности и завершенности...»⁵.

Р. Гамзатов по свидетельству Антопольского, и сам осознавал себя «окном в мир». Может быть, именно стремление – подсознательное или рациональное – полнее представить своё бытийное и ментальное окружение, объясняет стабильное тяготение поэта к включению в модели сопереживания сугубо национальных тканевых единиц (семантически национальных), т.е. ориентированных на предыдущую дагестанскую традицию, на культурный субстрат Северного Кавказа. Эти комплексы воспринимаются как афоризмы или иные краткие агенты с повышенной информативностью:

*Люди, мы утром встаем и смеемся.
Разве мы знаем, что день нам несет?
День настает, мы клянем и клянемся,
Смотришь, и вечер уже у ворот.*

*Наши сокровища – силу и смелость
День отнимает у нас, уходя...
И остается спокойная зрелость
Бурка, надетая после дождя...⁶*

В условной среде (можно выделить лишь «мы клянем и клянемся» как классическую структурную единицу и «наши сокровища – сила и смелость» как переходную двухкомпонентную вставку или же как рапсодическую зашифровку, которая, однако, вполне вписывается в данную модель) резко очерчен иносказательный код: «зрелость – бурка, надетая после дождя». Но эту единицу нельзя считать рапсодическим образом, ибо она имеет черты аффектно-эмоциональной структуры, идущей от культурного субстрата модификации, являющейся одной из наиболее сложных структур – замкнутый, «выпадающий» эмоциональный образ. Пожалуй, для более четкого понимания того прогрессивного шага в сфере структуры, который был сделан Р. Гамзатовым по сравнению с поэтами классических образов, лучше всего сопоставить стихи двух типов:

*Горец за вершины перевала
Без оружия не пускался в путь,
И не раз опасность обнажала
Лезвие, нацеленное в грудь...*

*Что разные женщины нас вскормили
Не значит ничего.
С тобой двумя мы лезвиями были
Кинжала одного...*

*Кинжал двуострый – правды сталь святая,
Попробуй голыми руками взять!..*

Очевидно, что для Гамзатова «кинжал» – прежде всего, реальный материальный объект, лаконично введенный в модель сопереживания. Для Кешокова же «кинжал» – основа условной ассоциативной конструкции, в которой явно доминирует символический объем информации. И надо отметить (вполне осознавая общее богатство значений структур Кешокова) – на уровне предполагаемого информационного минимума сравниваемых единиц «кинжал» Гамзатова более значим, в силу большей приближенности в сознании реципиента к конкретной вещи.

Именно прямая номинация эстетически значимых объектов («вир-

туально-адекватное представление») может считаться одним из характерных признаков стиля Гамзатова:

*Жаворонки в небе зазвенели,
А в саду, что зелен и ветвист,
На заре опять выводит трели
Соловей – заслуженный артист.
Над дверною балкой, где прибита
Старая подкова, как всегда,
Две касатки юных деловито
Заняты строительством гнезда...*

Сопоставление систем образов двух весьма похожих разновидностей выявляет еще одну грань соотношения сензитивных и условных классических структур. Образы прямой номинации в силу своей адекватности реальным объектам подготавливают почву для возвращения акцентированного психомоторного переживания в поэтические произведения. При этом наличия в структурном фонде одних только единиц прямой номинации достаточно для рождения комплексов материализованных представлений объектов, правда, дальнейшее их развитие в двусложные ассоциативные образования представляется затруднительным. Но классические образы часто играют роль второй опоры в конструкции двусложных поэтических элементов. Поэтому, как уже отмечалось, в поэзии А. Кешокова встречаются двухступенчатые ассоциативные связи, что очень чётко проявлено в поэтике Гамзатова:

*Было небо черно от лохматых овчин,
Все клубились они в беспорядке,
И сидел вдалеке от родимых вершин
Красный сокол на белой перчатке...⁷*

Введение дополнительной субстанции в строке, открывающей стихотворение, в дополнительных комментариях не нуждается. Приблизительно к середине 60-х годов в большинстве произведений авторов региона наблюдается устойчивое стремление к насыщению слова сенсорикой.

Причем явление это имело характер не отдельных пиковых эстетических феноменов, а скорее общей чертой, базой которой была сформировавшаяся традиция осмысления окружающего, устойчивость широко распространившихся приемов поэтического отражения. Поэты даже в первых своих опытах используют трехкомпонентные структуры как классического, так и «пластического» типа, причем, что на наш взгляд представляется особенно показательным, они используются даже в образцах, относящихся к «пробе пера», в поэтических произведениях авторов, в дальнейшем отошедших от поэзии.

Кроме того, именно в 60-е годы, как уже указывалось, целый ряд поэтов Северного Кавказа вполне функционально используют в своих про-

изведениях подобные структуры – функционально в том смысле, что алгоритм лирического сопереживания их текстов ориентирован на работу именно сенсорных уровней рефлексии, целенаправленно инициирующих соответствующие эмоциональные и рациональные отклики реципиента.

Это – вопрос о пределе нестилеобразующего внедрения той или иной структуры в поэтику, в ткань произведения. Проблема эта настолько сложна, что применительно к северокавказской поэзии определение структурных особенностей индивидуальных стилей может быть в подавляющем большинстве случаев решена очень неопределенно.

Исключения составляют лишь наиболее яркие поэты или (закономерно) наиболее откровенные эпигоны, овладевшие ремесленными сторонами искусства. Ясно одно: форсированный переход с одного структурного уровня на другой обеспечил сосуществование различных типов информационно-эстетических единиц в одних и тех же хронопространственных ареалах (часто непосредственно контактирующих), что явилось, в свою очередь, одним из условий чрезвычайно быстрого органичного освоения тканевых единиц «пластического» типа и многоуровневых ассоциативных комплексов, что и было в полной мере реализовано Р. Гамзатовым в его произведениях зрелой поры.

Именно он воплотил в своём творчестве эволюционный алгоритм, в границах которого классические тканевые единицы в полном соответствии с последовательностью структурного развития поэзии стали (как в свое время в русской классике) фундаментом и основанием для интенсивного движения, глубинных порядков образных систем. Можно высказать предположение, что локализации структурных единиц разного типа в ткани его произведений, наряду с концентрированным поступлением в поэтическое сознание элементов поэтики из пространства европейской (русской) культуры, стало своеобразным катализатором в процессе зарождения более сложных тканевых образов.

Примечания

¹ Гамзатов Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1978.

² Кассиев Э. Ю. Поэзия А. С. Пушкина на лакском языке. В кн. А. С. Пушкин и художественная культура Дагестана. Махачкала, 1988, с. 65.

³ Антопольский Л. У очага поэзии. М., 1972, с. 240.

⁴ Антопольский Л. Указ. Соч. С. 188.

⁵ Гиришман М. Целостность литературного произведения. В кн.: Проблемы художественной формы социалистического реализма. М., 1971. С. 65.

⁶ Гамзатов Р. Люди, мы утром встаем и смеемся. В кн.: Советская поэзия. Т. 2. М., 1977. С. 527.

⁷ Гамзатов Р. Песня про сокола с бубенцами. В кн.: Советская поэзия. Т. 2. М., 1977. С. 522.

*Расул ГАМЗАТОВ,
народный поэт Дагестана*

У ОЧАГА

Дверцы печки растворены, угли раздуты,
И кирпич закопчён, и огонь тускловат.
Но гляжу я на пламя, и кажется, будто
Это вовсе не угли, а звёзды горят.

Звёзды детства горят, звёзды неба родного.
Я сижу у огня, и мерещится мне,
Будто сказка отца вдруг послышалась снова,
Песня матери снова звенит в тишине.

Полночь. Гаснет огонь. Затворяю я дверцу –
Нет ни дыма, ни пламени, нет ничего.
Что ж осталось? Тепло, подступившее к сердцу,
Песня матери, сказка отца моего.

Перевод Н. Гребнева

Хоть я не бессмертник, хоть ты не сирень,
Но срезать однажды нас будет не прочь
Белый садовник, по имени день,
Чёрный садовник, по имени ночь.

Хоть ты не пшеница, хоть я не ячмень,
Щадить нас не будут – им это невмочь –
Жнец белолицый, по имени день,
Чёрная жница, по имени ночь.

Хоть ты не косуля, хоть я не олень,
Не смогут охотничью страсть превозмочь
Белый охотник, по имени день,
Чёрный охотник, по имени ночь.

Белый охотник ли выследит нас,
Чёрный охотник ли выстрелит в нас?

А может, у первого дрогнет рука,
А может, второй промахнётся не раз?

Перевод Я. Козловского

СЛЕЗИНКА

Памяти Бетала Куашева

Ты ли, слезинка, поможешь мне в горе?
Ты ли блеснёшь и рассеешь беду?
Горца, меня для чего ты позоришь,
Что ты блестяшь у людей на виду?

Тот, чьи глаза мы сегодня закрыли,
Видел и горе, и холод, и зной,
Но никогда его очи в бессилье
Не застилало твоей пеленой.

Тихо в ответ мне шепнула слезинка:
«Если стыдишься, себя ты не мучь.
Людам скажи, что блеснула дождинка,
Малая капля, упавшая с туч».

Перевод Н. Гребнева

МАТЕРИ

Мальчишка горский, я несносным
Слыл неслухом в кругу семьи
И отвергал с упрямством взрослым
Все наставления твои.

Но годы шли, и, к ним причастный,
Я не робел перед судьбой,
Зато теперь робею часто,
Как маленький, перед тобой.

Вот мы одни сегодня в доме.
Я боли в сердце не таю
И на твои клоню ладони
Седую голову свою.

Мне горько, мама, грустно, мама,
Я – пленник глупой суеты,
И моего так в жизни мало
Вниманья чувствовала ты.

Кружусь на шумной карусели,
Куда-то мчусь... Но вдруг опять
Сожмётся сердце: «Неужели
Я начал маму забывать?»

А ты, с любовью, не с упрёком,
Взглянув тревожно на меня,
Вздохнёшь как будто ненароком,
Слезинку тайно оброня.

Звезда, сверкнув на небосклоне,
Летит в конечный свой полёт.
Тебе твой мальчик на ладони
Седую голову кладёт.

Перевод Я. Козловского

Ты перед нами, время, не гордись,
Считая всех людей своею тенью.
Немало среди людей таких, чья жизнь
Сама источник твоего свеченья.

Будь благодарно озарявшим нас
Мыслителям, героям и поэтам.
Светилось ты и светишься сейчас
Не собственным, а их великим светом.

Перевод Н. Гребнева

Напишите на своём кинжале
Имена детей, чтоб каждый раз
Вспыльчивые люди вспоминали
То, что забывается подчас.
На ружейном вырежьте прикладе
Лица матерей, чтоб каждый раз

С осуждением иль с мольбой во взгляде
Матери смотрели бы на вас.

Перевод Н. Гребнева

«КОГДА ДРУЗЬЯ ПРОХОДЯТ СТОРОНОЮ...»

Когда друзья проходят стороною,
Чужие люди делаются ближе...
Сидели утром близкие со мною,
А вечером других я рядом вижу.
Оставленные, вы пришли откуда
Ко мне, оставленному вдруг друзьями?
Мы были легкомысленны, покуда
Не стукнулись о крышу головами.
Хоть трижды попадали мы в капканы,
Кто ставил их – так и не знаем точно.
О кровной близости вещать не стану,
Она арбой не оказалась прочной.
Правдиво только сердце – вне сомнений –
И каждому немедля верит слову,
Хоть кровью истекает от ранений,
Тех, что судьба ему наносит снова.

Перевод Е. Николаевской

ПОДНЯВ АВАРСКИЙ РОГ

Сойдем с коней!..
Сверкает у дороги
Ручей,
За нами – снежных гор стена...
Пусть отразится в нашем полном роге
Подковой золотистою луна.
За руку выпьем – ту, что рог подьмет,
За губы, обожженные вином,
За небо над землей, за нашу землю,
Прекрасную в безмолвии ночном.
За нас двоих: пусть в жизни с нами будет
Все точно так, как мы с тобой хотим!

Еще налей, пусть к милым сердцу людям
Придет все то, чего желаем им.
Пусть в третий раз вина зажжется пламя –
Сегодня мы командуем судьбой:
Пускай свершится с нашими врагами
Все то, что мы им ниспошлем с тобой!
И – на коней! Хлестнем три раза плетью,
Скалистые оставим берега...
Мы утро, друг, на перевале встретим,
Жалея тех, кто, век прожив на свете,
Не заслужил ни друга, ни врага.

Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой

«ПОВЕРЬТЕ, ПЕРВАЯ ОШИБКА НЕ СТРАШНА...»

Поверьте, первая ошибка не страшна,
И первая обида не важна,
И самый первый страх сродни испугу.
И коль в твоей судьбе случилось вдруг,
Что в первый раз тебя обидел друг –
Не осуждай, понять попробуй друга.
Наверное, на свете не найти
Людей, ни разу не сбивавшихся с пути,
Сердец, ни разу не окутанных туманом.
И коль у друга твоего стряслась беда:
Сказал не то, не тем и не тогда –
Его ошибку не считай обманом.
Друзья, что, глупый промах мой кляня,
Когда-то отказались от меня, –
Для вас всегда мой дом открыт. Входите!
Всех, кто со мной смеялся и грустил,
Люблю, как прежде. Я вас всех простил.
Но только и меня, друзья, простите.

Перевод Л. Дымовой

РОЖДЕНИЕ ПЕСНИ

Мураду Кажлаеву

Строка без музыки – бескрыла,
Ты удружи мне, удружи

И все, что в слове сердцу мило,
На музыку переложил.
Сложи напев, что лих и буен,
Чья власть сердечная нежна.
Пусть горы бьют в луну, как в бубен,
И бубен блещет, как луна.
Слова и звездны, и туманны,
Ты честь в горах им окажи:
На африканские тамтамы
И на свирели положи.
Ты сделай струнами потоки
И сочини такой напев,
Чтобы к щекам прильнули щеки,
Сливались губы, захмелев.
И сладко головы кружились
У обольстительных тихонь.
И, взбив папаху, акушинец
Кидался в танец, как в огонь.
Не забывая слез соленых,
Ты радость людям приноси
И на полях любви сраженных
Благослови и воскреси.
Когда вокруг богуют звуки
И познается высота,
Ко мне протягивает руки
Земная женщина одна.
Возьми слова мои, и если
В них землю с небом породнишь,
Они, пожалуй, станут песней,
Взлетев как птицы с горских крыш

Перевод Я. Козловского

«ПОЙДЕМ, ДРУГ ДЕТСТВА МАГОМЕТ...»

Пойдем, друг детства Магомет, наследник Магомы,
Аульских коз пасти чуть свет на горном склоне мы.
Или капканами с тобой наловим хомяков
И обменяем шкуры их на хлеб у скорняков.
А может быть, в базарный день отправимся в Хунзах
И раздобудем яблок там на свой и риск и страх?
А может быть... Ах, я забыл, друг детства Магомет,

Что в мире с той поры легло меж нами сорок лет.
И надмогильный камень твой, как в инее зимы,
Давно покинувший меня наследник Магомы.
Тебе неведомо, мой друг, ушедший в глубь веков,
Как много нынче развелось двуногих хомяков.
Склонил я голову. Мне жаль, что нет тебя в живых,
А то б с тобою вместе мы сдирали шкуры с них.

Перевод Я. Козловского

«О КУНАКИ, МОИ ДРУЗЬЯ...»

О кунаки, мои друзья,
Грущу без вас невыносимо!
Объят тоской неугасимой,
Почти что погибаю я...
Когда приходите – я рад,
Едва ли не заболеваю,
Не без труда одолеваю
Беседы три часа подряд.
Вот вы прощаетесь со мной,
И я стою, вослед вам глядя,
А уж тоска подкралась сзади
И тяжкой обдала волной...
И сна лишаюсь ночью я...
Но спят жена моя и дочки,
И спят иль убегают строчки...
О кунаки мои, друзья!

Перевод Е. Николаевской

НЕ ПРИШЕЛ ДРУГ

Сказал – придет. Но нет его и нет.
Уверь себя, что больше ждать не хочешь,
Ключ поверни, гаси скорее свет
И пожелай надежде доброй ночи.
То рыщет ветер на твоём дворе,
Лежи – не вскакивай ежеминутно!
То шепчут ветви на твоём дворе,
Не вглядывайся зря ты в сумрак мутный.

Ведь сквозь окно в морозной мгле ночной
Скорее солнце, чем его, увидишь!
К тебе придет он – через день-другой,
Как раз в тот час, когда из дома выйдешь...
Ты не грусти. Всех не вини вокруг,
От века сердце бедное поэта
И ранит друг, и убивает друг:
Врагу – от века не под силу это.

Перевод Е. Николаевской

ТВОИ ГЛАЗА

Я видел разными твои глаза:
Когда затишье в них, когда гроза,
Когда они светлы, как летний день,
Когда они темны, как ночи тень,
Когда они, как горные озера,
Из-под бровей глядят прозрачным взором.
Я видел их, когда им что-то снится,
Когда их прячут длинные ресницы,
Смеющимися видел их, бывало,
Печальными, глядящими устало,
Склонившимися над моей строкой...
Они забрали ясность и покой
Моих невозмутимых раньше глаз,
А я, чудак, пою их в сотый раз.

Перевод Е. Николаевской и И. Снеговой

«НЕ ВЕРЮ В ЧУДЕСА И В ПРОВИДЕНИЕ...»

Не верю в чудеса и в провидение,
Но пусть вступает смерть в свои права,
Пускай возьмет меня в свои владения
И, взяв, отпустит года через два.
Чтоб, возвратившись из предела дальнего,
Я мог оставленное оглядеть,
К тебе вернуться, если ты печальная,
А если нет, так снова умереть.

Перевод Н. Гребнева

«ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ С СЕРДЦЕМ МОИМ?..»

Что делать мне с сердцем моим? Оно
Твоей подчинилось воле,
С ним сладить теперь тебе мудрено,
А мне и тем более.
Как ребенка, сердце мое брала
Ты в руки еще недавно.
Но ты его удержать не могла,
А я и подавно.

Перевод Н. Гребнева

О НАС И ДРУГИХ

Вблизи горы, лежавшей, как коврига,
Остался с книгой я наедине,
Но о тебе она и обо мне
Не ведала – пустая эта книга.
А мы с тобой похожи на других,
Нас в облаках одна несет квадрига,
И получалось так, что и о них
Не ведала – пустая эта книга.
Остался с сердцем я наедине,
И рассказало с грустью и любовью
Оно и о тебе и обо мне
Земную быль, написанную кровью.
Сочли б, услышав, тысячи других
Рассказ о нас, изложенный подробно,
Что сердце честно речь вело о них,
Нерукотворной повести подобно.

Перевод Я. Козловского

Я ТЕБЯ НЕ ЗАБУДУ

По планете немало постранствовал я,
Уходил в никуда, приходил ниоткуда...
Ты – мой посох в судьбе, ты – дорога моя.
Я тебя никогда и нигде не забуду.
Все, кого я встречал, оставались в душе.

Кто – на несколько лет, кто – всего на минуту...
Ты была в моем сердце с рожденья уже.
Я тебя никогда и нигде не забуду.
Много раз улыбались красавицы мне,
Были эти улыбки похожи на чудо...
Но в глазах твоих я утонул по весне.
Я тебя никогда и нигде не забуду.
Спел я множество песен в кругу земляков,
Слышал песни, подобные древнему гуду...
Только ты – будто лучшая песня веков.
Я тебя никогда и нигде не забуду.

Перевод Р. Рождественского

«БЫЛА РОСА, И ВДРУГ РОСЫ НЕ СТАЛО...»

Была роса, и вдруг росы не стало,
И птицы улетели в дальний край.
Проходит все, и песня «далалай»
Совсем не так, как прежде, зазвучала.
Как все недолговечно под луной,
Где все должно с годами измениться.
Сказали росы: «Был горячий зной!»
«Идут морозы», – объяснили птицы.
Но мне сказала песня «далалай»:
«Не изменяйся, звучу я, как звучала,
И ты сейчас меня не упрекай
За то, что изменился сам немало.
Попробуй ты, как прежде, заиграй
Или хотя б послушай, как бывало!»

Перевод Н. Гребнева

ЛИТЕРАТУРА ЧЕРКЕССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Халиде АДИБ АДЫВАР

Известная турецкая писательница Халиде Адиб Адывар (1883-1964) родилась в Стамбуле. Ее отец, Адиб Къалэдахэ, покинул родину в 1864 году. Был министром при дворе султана Абдул Хамида Второго.

После окончания американского колледжа в Стамбуле Халиде много лет пробыла за границей, занималась преподавательской деятельностью. На литературной арене она появилась после младотурецкой революции 1908 года. Свои лучшие произведения написала в годы национально-освободительной войны под предводительством Ататюрка.

Антиимпериалистические настроения и патриотический порыв, охвативший в то время все турецкое общество, выражены в романах «Огненная рубашка» и «Убейте блудницу!». Октябрьской революции, ее очагу – Петрограду – посвящен роман Халиде Адиб «Таинственный город».

В 20-30 гг. XX столетия увидели свет «любовные произведения» турецкой писательницы, в которых она сумела создать совершенно новые для турецкой литературы женские типы. Ее героини – женщины-волевые, обладающие умом и имеющие хорошее образование.

Незаурядный талант Халиде Адиб высоко ценил создатель Турецкой Республики и ее первый президент Мустафа Камаль (Ататюрк). По его предложению Великое Национальное Собрание дало Халиде новую фамилию – Адывар, что означает «Владеющая именем».

ПРОДАВЕЦ СЕМЕЧЕК

На холм, где расположился квартал Фазлыпаша, медленно опускался вечер. Темнели черепичные крыши домов, над городом растеклись мрачные облака и уходили далеко за горизонт. Вечер устремлялся по некрутому спуску вниз, и на берегу почерневшего моря причудливо вытягивалась тень маленького минарета.

Холм прятался под покровом вечера, и тогда наступившую тишину разрывал резкий, пронзительный голос:

– Се-е-мечки! Тыквенные!

И тотчас из домов неслись детские голоса, сначала тихие, робкие, потом громкие и взволнованные:

– Продавец семечек! Продавец семечек!

Я садилась в старое кресло спиной к окну и, прикрыв ладонью глаза, прислушивалась. Как хорошо знала я эти вечера, как привычен был каждый звук, доносящийся с улицы. Тонкий, пронзительный голос был неотъемлемой частью этих вечерних звуков. Какому загадочному существу принадлежал он? Мужчине? Женщине? Ребенку? Я подумала бы, что кричит старуха гадалка, если бы не пронзительная тоска, звучащая в этом просящем, заискивающем голосе.

Голос будил примолкшую было улицу: вот уже смеются дети, переговариваются через открытые двери своих домов женщины. Сейчас дети с холма Фазлыпаша обступят продавца семечек, будут прыгать, теребить его – от них не жди пощады. Но все равно они любят этого человека. Кто же он? Хотелось увидеть его, но я почему-то оставалась на месте.

Проходили месяцы, а может, и годы. Каждый раз с наступлением вечера я слышала знакомый голос.

– Не можете ли вы дать старые газеты, тетя?

У девочки был гордый, независимый характер, она никогда ничего не просила для себя. Поэтому просьба племянницы показалась мне странной. К тому же был непонятен интерес к газетам у этой маленькой шалуньи, не дружившей с книгами.

– Зачем тебе газеты, детка?

Девочка сидела, поджав ноги, на длинном миндере. В темноте сумерек сверкнули ее глаза – видимо, ей не понравился мой вопрос.

– Я отдам их Исмаилу Хаккы-бею.

– Кто такой Исмаил Хаккы-бей? – поинтересовалась я.

Она быстро ответила:

– Продавец семечек!

«Он старик? – чуть было не спросила я, но, видя беспокойную настороженность в глазах племянницы, смолчала. – Значит, – подумала, – у голоса есть тело, и этот человек играет важную роль в жизни девочки».

– Ты с ним знакома?

Она с достоинством кивнула. Я поняла, что обладатель голоса – личность, знакомством с которой она гордится. Поколебавшись немного, я все же решила расспросить девочку о её необычном знакомом:

– Что он будет делать с газетами? Заворачивать семечки?

Щеки ее запылали, а черные глаза внимательно уставились на меня: она хотела понять, не насмехаюсь ли я над ней? Я стала серьезной, насколько могла. И тогда девочка начала рассказывать:

– Газеты нужны ему, чтобы читать. Раньше он был писарем и жил здесь, потом контора, где он работал, переехала, он продал дом

и перебрался в Карагюмрюк. Ему ничего ни от кого не надо. Но без газет он просто не может жить. У него есть маленькая дочка, она ходит в школу.

Девочка замолчала. Теперь она глядела на меня, подперев кулачками подбородок. Потом заговорила снова:

– Я один раз скопила деньги из тех, что мне давали на завтраки, думала, он возьмет...

– Не взял?

В голосе племянницы прозвучали слезы:

– Он сказал: «Дочка, зачем ты даешь мне деньги? Ты ведь заплатила за семечки?» – и положил деньги мне на ладонь, а потом добавил: – Смотри, никому не давай денег просто так. Брать деньги стыдно!»

Я не задавала вопросов.

Девочка продолжала:

– Я так испугалась, что он обидится... Но на следующий вечер он снова остановился у нашей двери и стал разговаривать со мной. Он сказал, что почитал бы газеты, если найдутся хотя бы старые. Он читает около дверей под фонарями, а потом уходит. Он очень любит меня, и каждый вечер рассказывает о своей маленькой дочке. В этом году у них в школе начались уроки вышивания...

Я больше не слушала племянницу. Чувство острой жалости пронзило меня, я решила, что непременно должна увидеть хозяина странного голоса.

...После холодной осени пришла вьюжная зима. Глухо ворчало море. На холме дули сильные ветры, перегоняя с места на место тучи пыли. Каждый вечер я с волнением ждала появления продавца тыквенных семечек. Теперь, когда я так много знала о его жизни, мне не терпелось увидеть лицо этого необыкновенного человека, который выделялся мужеством и благородством среди окружавших меня людей. Но прошел день, два, потом неделя, а продавца семечек все не было. Моя племянница волновалась так же, как и я. Возвращаясь из школы, она заходила ко мне, садилась на свое привычное место в углу и ждала.

И вот однажды вечером я услышала прорвавшийся сквозь ледяной ветер тонкий, как комариный писк, голос продавца семечек. Блеснула молния, и я увидела его через окно: он стоял перед домом господина советника.

На худых ногах его болтались огромные ботинки без шнурков, брюки были в лохмотьях, большое, не по размеру старомодное пальто висело, как тряпка, на его истощенном теле. На голове – старая феска. За спиной – мешок с семечками.

Молния блеснула ещё раз. Я увидела его вновь, словно в луче прожектора: бледное, будто вылепленное из воска лицо с редкой и

грязной седой бороденкой. Да ещё это пальто – жалкая карикатура на благополучных эфенди... Было восемь часов вечера. Продавая семечки, он пойдет до самого Карагюмрюка.

Потом выпал снег.

Продавец семечек несколько дней не появлялся. Как-то вечером пришла племянница с покрасневшими от холода глазами и носом. Я зажгла лампу, чтобы ей не было страшно в темноте.

– Исмаил Хаккы-бей приходил, – сообщила она.

Наступило долгое молчание. Я терпеливо ждала.

– Вчера вечером он сидел под фонарем у нашего дома и сам с собой разговаривал.

– Что же он говорил?

– Его дочку не пускают в школу в сандалиях. Учитель сказал ей: «Если тебе не купят туфли, можешь не приходиться».

– Вот как?

– Да. А ещё Исмаил Хаккы-бей попросил вчера тихонечко, чтобы ему вместо денег дали за семечки немного хлеба...

Я отвернулась от племянницы и, прижавшись лбом к холодному стеклу, долго не могла оторвать взгляда от дрожащих огоньков электрических лампочек в доме господина советника.

Моя племянница, быть может, была благодарна мне за то, что я в этот момент не видела её лица.

Турецкий писатель Якуб Кадри Караосманоглу (1888-1978) происходит из знатного черкесского мамлюкского рода Хакан. Родился он в Каире, в шесть лет вместе с родителями переехал в небольшой турецкий городок Маниса близ побережья Эгейского моря. Молодой адыг окончил Измирский лицей, католическую школу в Александрии, Стамбульский университет.

В 1918-1923 гг. во время национально-освободительной войны турецкого народа Я. Кадри работает в газетах «Икдам» («Прогресс») и «Дергях» («Обитель Дервиша»). Начинающий писатель публикует в них свои патриотические статьи и новеллы, является членом Комиссии по расследованию злодеяний оккупантов в Центральной Анатолии.

Разрушения, бедственное положение крестьян, голод привели его к деятельности, направленной на подъём жизненного уровня сельских жителей. Став депутатом Великого национального собрания Меджлеса, Якуб Кадри помогает своим избирателям в больших и малых делах. Наряду с политикой занимается литературой.

В 1932 году писатель посетил СССР, где встречался с Максимом Горьким, который произвёл на него неизгладимое впечатление. В 1934 г. Я. Кадри участвует в работе Первого съезда советских писателей, на котором подверг критике империализм, посягающий на независимость народов. Здесь он встречался с кабардинским писателем Сосруко Кожаяевым.

Через несколько месяцев после второго посещения Москвы его назначают послом в Албанию. За двадцать лет дипломатической деятельности он возглавлял посольства Турецкой Республики в Тиране, Праге, Гааге, Тегеране, Берне. Вернувшись в Стамбул в 1954 году, Я. Кадри активно включается в творческую жизнь страны. Вместе с известным писателем – черкешенкой Халиде Адиб Адывар – и другими он представлял кемалистское течение в литературе.

Якуба Кадри считают рыцарем индивидуализма. Увлечение чисто эстетической стороной литературного творчества принесло ему известность. За свою долгую литературную жизнь классик турецкой литературы написал много рассказов, девять романов, воспоминания о своей двадцатилетней дипломатической деятельности.

Я. Кадри, работавший под псевдонимом Караосманоглу, отразил в своих художественных произведениях историю Турции за более чем полувековой период.

БЕЗЛЮДНАЯ ДЕРЕВНЯ И НЕМАЯ ДЕВОЧКА

Я в состоянии позабыть многое – хорошее и дурное, то, что касается лично меня, и то, что затрагивает других людей. Но девочку в той деревне я никак забыть не могу.

Побывал я в пустыне, в мрачных пирамидах, возвышающихся на берегах таинственного Нила, как крепости небытия. Я видел, как летучие мыши, ютящиеся здесь из поколения в поколение пять тысяч лет, однажды ночью сорвались с места и улетели. Я слышал глухие отзвуки эха в открытых саркофагах фараонов. Ночью при свете луны я беседовал с камнями Мемфиса, опустившись на колени перед самым огромным и самым старым сфинксом. Я смотрел на термы Каракаллы и на все таинственные и страшные уголки ристалищ, на которые взирал ещё Нерон. Я помню, как бродил с трепещущим в руке факелом по катакомбам, которые некогда были убежищем самых несчастных и притесняемых представителей рода человеческого. Эти катакомбы стали могилой для тех, кто предпочел быть заживо погребенным, чем попасть в руки злодеев. Мы ступали по костям безымянных мертвецов, пролежавших две тысячи лет.

Но деревня, расположенная по дороге к городу Алашехир, недалеко от развалин крепости Сарт, деревня, которую я посетил в сентябре 1922 года, была безлюднее катакомб, а стремительно убежавшая от нас девочка в лохмотьях, развевающихся точно крылья, показала мне страшнее древних скелетов.

Именно в той деревне я испытал ощущение небытия и какую-то физическую муку. И мне показалось, что сфинкс – вечный страж вечного небытия – впервые за многие тысячелетия ожил и, приняв образ этой девочки, убежал от нас.

В самом деле, заслышав наши голоса, эта девочка, точно дикая кошка, спрыгнула откуда-то с полуразрушенной стены и стремительно убежала, как-то странно подпрыгивая. Может быть, этот бегущий сфинкс – просто детеныш женщин-дэвов, пятнадцать столетий охранявших мертвецов в пирамидах на берегах Нила? Не потому ли она при звуках человеческого голоса пришла в такое смятение, что пустилась наутек?

Безмолвие испугалось нас, а мы испугались этого безмолвия. Когда повозка остановилась, один из моих спутников громко крикнул, но, точно ребенок, сам испугавшийся своего крика, сразу же умолк и вопросительно взглянул на нас.

– Здесь никого не осталось? – спросил он.

– А та девочка, что убежала, лишь только мы въехали в деревню?..

– Возможно, – неуверенно произнес мой спутник и опустил голову.

Да, возможно, и девочка и деревня перед нашими глазами тоже

были призраками. «Не существуют в действительности», как сказали бы ученые. А может быть, все, что мы видели во время нашего пути, тоже лишь плод воображения? Начиная от разгромленного, лежащего в руинах Измира и до этих развалин крепости Сарт? И запах гари, струящийся из-под обрушившихся земляных крыш? И вон там, справа от дороги, скелет, а немного подальше – распухший труп? И гряда обломков и тряпья, в которых с рычанием роются одичавшие облезлые собаки у стены мечети, покосившейся от какого-то страшного удара, – все это тоже только нам кажется, а не существует в действительности?

Мои спутники сошли с повозки, чтоб осмотреть молчаливые развалины. Стало смеркаться. В воздухе ощущалась сырость, проникающая, казалось, прямо в душу. Это был час, когда у меня обычно начинался приступ малярии; стараясь унять озноб, я сжал зубы и съежился, как приговоренный к казни преступник; мне ничего, ничего не хотелось видеть. Чтоб отвлечь себя от надвигающегося приступа, я погрузился в размышления.

Почему безмолвие, не наводящее страх, когда находишься в горах, в лесу, даже около пропастей, так ужасно в этой сгоревшей деревне? Может быть, именно здесь началось оно и охватило всю Анатолию – от речки Гедиз, с ее печальными волнами, и до зараженных лихорадкой берегов Кызылырмака, а от Кызылырмака до озера Ван, подобного зрачку мертвого барана? Крутые горы, мрачные камни, острые вершины, желтые пастбища, хмурые, точно подернутые тенью долины, – не охвачены ли все они безмолвием, которое зародилось здесь? Потом мне стало казаться, что в этом краю в самом деле никогда не было жителей; я твердил про себя: «С сотворения мира здесь никто не жил!» А девочка, которую мы недавно увидели...

Вдруг издалека стали до меня доноситься голоса моих товарищей:
– Девочка, скажи нам, кто ты, что ты ищешь?

Конечно, разговаривать с призраком лучше, чем сидеть, как я, в пустой повозке и дрожать от страха перед надвигающимся приступом. И я пошел в ту сторону, откуда слышались голоса.

Мои ноги погружались в еще не остывший пепел. В этом пепле можно было заметить обугленные зерна пшеницы, голубые бусы, части разорванных чарыков. Все указывало на то, что, вопреки моему предположению, эта деревня совсем недавно была обитаема... Вон из какой-то пещеры или норы свешивается кусок красного жилета. Наверняка здесь кто-то жил. И люди, конечно, не ходили нагим, они носили одежду, ели, пили.

И снова я услышал:

– Девочка, у тебя нет языка, что ли?

Я нашел своих товарищей на окраине деревни под навесом, каким-то чудом уцелевшим от пожара. Для человека, зашедшего с улицы, вначале там показалось темно. По острому запаху навоза я понял, что раньше здесь был хлев.

– Что вы тут делаете? – спросил я.

– Иди сюда, – позвали меня, – вот тебе загадка: сидит, забившись в угол, на вопросы не отвечает.

Глаза мои, постепенно привыкнув к полумраку, различили детскую фигурку. Это была девочка, принятая давеча за призрак. Она стояла на коленях, забившись в щель между двумя земляными стенами. Она снова напомнила мне дикую кошку. Лицо ее было обращено ко входу. Вся она была похожа на зверя, который только ждет удобного случая, чтобы вскочить и убежать... Но мы окружили ее полукольцом.

Какие чувства можно было заметить на ее лице? Гнев? Страх? Хитрость? Нет, ничего подобного. Лицо ее было такое же замкнутое, как лицо охраняющего пирамиды сфинкса. Оно ничего не выражало и походило на изображения ликов девы Марии на стенах римских катакомб.

На вид этой девочке – получеловеку, полужверушке – можно было дать примерно лет шестнадцать. Глаза ее, устремленные к свету, проникавшему через проход, были большие, темные и красные.

– Послушай, милая, мы не причиним тебе вреда, мы мусульмане. Понимаешь, мы не враги. Скажи нам, куда ушли жители этой деревни? Что ты здесь делаешь совсем одна? Если у тебя никого нет, мы увезем тебя с собой, хочешь?..

Все мы по очереди говорили ей ласковые слова. Но несчастная только прикрывала руками полуобнаженную грудь и поглядывала на нас исподлобья. Она делала легкие движения, по которым было видно, что при первой же возможности она вскочит и убежит.

Наконец некоторые из моих товарищей потеряли терпение:

– А ну-ка вставай! Хватит играть в молчанку!

Девочка не шелохнулась. Тогда один из нас решительно подошел к ней и протянул руку, чтобы поднять ее.

Слышали ли вы когда-нибудь голос человека, которого душат? Если нет, то уж наверно хорошо знаете, как кричит подбитый коршун? Когда рука нашего товарища приблизилась к девушке, та стала издавать вот именно такие сдавленные, глухие крики. Затем, стремительно метнувшись вперед, проскользнула между нами и исчезла так быстро, что невозможно было даже заметить, в каком направлении она убежала.

Мы разошлись в разные стороны, обыскали деревню, осмотрели все ямы, закоулки, груды камней. Искали всюду, но девочки и след простыл.

В деревнях, через которые мы проезжали потом, нам удалось разузнать некоторые подробности несчастья, постигшего эту деревню. Но никто даже не подозревал о существовании немой девочки. А в Алахешире нам пообещали произвести расследование, выяснить, кто она и что с ней приключилось. Но сделали это или нет – я так и не узнал.

Только я и без этого знаю, кто она и что с ней случилось.

Девочка, скольких подобных тебе видел я за последние месяцы! Одни из них потеряли руку, другие – ногу, третьи – глаза. Ты же утратила дар речи и понимание происходящего вокруг!

И если все это произошло с тобой лишь для того, чтобы, никому не разгласив своей страшной тайны, ты унесла ее с собой в могилу, то это было уж совсем несправедливо.

Махмуд Теймур (1894–1973) – египетский писатель, филолог, драматург, один из пионеров жанра новеллы в арабской литературе XX века. Родился в семье известного просветителя, филолога, исследователя арабского фольклора Ахмада Теймура. В 1920 г. вышли первые его сборники новелл «Шейх Джума и другие рассказы» и «Дядюшка Митвалли и другие рассказы», где он проявил себя как последователь реалистического метода в искусстве. Среди своих учителей он называл Толстого, Тургенева, Чехова, Горького. Постигая законы жанра новеллы, Махмуд Теймур стремился показать своим творчеством, что короткий рассказ отнюдь не всегда преследует развлекательные цели. Писатель-новеллист стремится направить внимание читателя на окружающую его действительность, сконцентрировать его мысль на важнейших проблемах, заставить сопереживать современника – чиновника, крестьянина, горожанина.

После революции 1952 г. в Египте он решительно встал на позиции активного участия литературы в национальном освобождении и возрождении страны. Махмуд Теймур был членом Академии арабского языка в Каире (с 1947 г.), председателем Ассоциации драматургов и писателей радио и телевидения (с 1964 г.), главным редактором журнала «Аль-Кисса». Ряд трудов Махмуда Теймура посвящен истории литературы Египта.

ГОСПОЖА ТАВАДДУД

Разреши представить тебе, дорогой читатель, госпожу Таваддуд – крупную, дородную женщину с очками на носу. Большую часть дня она проводит, сидя на грязной четырехугольной подушке в большом зале, непрерывно куря сигареты.

Разреши представить тебе уродливое существо с грубым голосом и толстым безобразным лицом, изрытым оспой. Величайшее удовольствие для нее – заставить людей слушать ее пение. Голос у нее не отличается задушевностью – певица это признает и сама, – но она гордится тем, что умеет петь, и думает, что пленяет слушателей своим мастерством.

Госпожа Таваддуд унаследовала большое состояние; сразу же после смерти отца она взяла в свои руки все дела и, умело их ведя, приум-

ножила свой капитал, который достиг сорока тысяч египетских фунтов золотом и ценными бумагами. Желая быть чистой перед лицом Аллаха, она не получает процентов с капитала.

Триста федданов превосходных земель в Мануфии, которые она сдает в аренду, приносят ей по двадцать пять фунтов за феддан в год.

При всем этом госпожа Таваддуд бережлива. Она пользуется только старой оловянной посудой и настолько отказывает себе во всем, что ест фрукты, лишь когда они очень дешевы, и редко пьет летом прохладительные напитки.

Из жадности она рассчитала большинство слуг, оставив в своем огромном доме лишь одного лакея, на которого возложила обязанности привратника и садовника, – и все это за сто пиастров в месяц, – продала экипаж и лошадей, а конюшни и каретные сараи сдала в аренду соседям. Слуга был доволен службой и проводил весь день у двери, вооружившись хлопучкой, которой отгонял мух и москитов, или дремал, и тогда голова его свешивалась на грудь или раскачивалась из стороны в сторону. Все попытки слуги одолеть сон были безуспешны: сон одолевал его. Так дядюшка Сид выполнял свои обязанности.

Госпожа Таваддуд оставила также двух служанок: одна готовила пищу, а другая исполняла мелкие поручения. Служанка, находившаяся при госпоже Таваддуд целый день, разделяла с хозяйкой только обед, так как госпожа ограничивалась за ужином лишь тем, что выпивала в одиночестве стакан кислого молока: она утверждала, будто больна и ее желудок вечером может переварить только кислое молоко.

Из дома госпожа Таваддуд выходит лишь для того, чтобы нанести визиты своим приятельницам. Каждый месяц она неделю гостит в богатых семьях, переходя из одного дома в другой. В эти дни госпожа Таваддуд забывает о своей болезни и поглощает все, что ей предлагают. Она вволю наедается фруктами, а летом набрасывается на прохладительные напитки, как пьяница на вино.

Куда бы она ни пошла, всегда берет с собой лютню. Госпожа Таваддуд любит, чтобы для нее устраивали вечера, на которых она могла бы развлекать своих подруг игрой на лютне и пением.

Если спросить об ее доходах, она начинает жаловаться:

– Грабят меня всякие проходимцы, так что я совсем ничего не имею. Как жить при такой дороговизне? Вся надежда только на милосердие Аллаха и его пророка.

Абдарразик Митвалли был связан с госпожой Таваддуд узами дальнего родства. Бедный юноша, служащий бакалейного магазина, получал всего два фунта в месяц. Он был женат, и у него вскоре должен

был родиться ребенок. Его уволили из магазина, и за несколько недель Абдарразик истратил все, что отложил на черный день. В отчаянии он был близок к самоубийству, но полный страдания взгляд жены заставил его искать другой выход.

– Я пойду к госпоже Таваддуд, – сказал он, – попрошу у нее денег взаймы.

Он направился к дому госпожи Таваддуд и постучал в дверь. С трудом очнувшись от сна, удивленный дядюшка Сид бросился открывать парадную дверь. Перед ним стоял Абдарразик Митвалли. Сид сердито взглянул на посетителя и спросил, что ему нужно. Митвалли со слезами на глазах и болью в сердце рассказал о своем положении. Слуга смягчился, проводил его в гостиную, в которую никто не входил уже несколько месяцев, и усадил на стул, серый от покрывавшей его пыли.

Затем дядюшка Сид направился к двери, которая вела на женскую половину, и долго хлопал в ладоши. Наконец в окне показалась служанка, и Сид сообщил ей, что Абдарразик Митвалли хочет видеть госпожу – хозяйку дома.

Госпожа в это время дремала, сидя на подушке, и видела во сне вкусную еду. Ее не стали будить. Прошло полчаса, час. Нервничая, Абдарразик пошел искать дядюшку Сиду и увидел, что тот сидит у порога женской половины, терпеливо ожидая распоряжений госпожи. Абдарразик попросил, чтобы ему разрешили войти, и, не дожидаясь ответа слуги, поднялся в большой зал, где находилась госпожа. Молодой человек громко окликнул ее. Госпожа Таваддуд проснулась и удивилась неожиданному появлению гостя, но сделала вид, что рада его приходу, и усадила рядом с собой. Хлопнув в ладоши, хозяйка потребовала кофе, но Абдарразик отказался от угощения, сказав, что торопится. Он взволнованно поведал ей о своем положении и со слезами на глазах стал целовать ей руки, умоляя о помощи. Он просил дать ему немного денег, обещая вернуть их, как только начнет работать. Госпожа нахмурила лоб и задумалась. Вдруг на ее лице появилась приветливая улыбка. Это обрадовало и успокоило Абдарразика.

– Ты сын моей дорогой, любимой родственницы, которую я уважала больше, чем родную сестру. Разве я могу в чем-нибудь отказать тебе? Но ты знаешь мое положение, Абдарразик. Проходимцы обобрали меня. Я совсем обеднела, у меня ничего нет, но я все-таки постараюсь тебе помочь.

Она открыла кошелек, сшитый из старых тряпок, и долго рылась в нем. Наконец она нащупала монету в пять курушей и сунула ее молодому человеку в руку. Он разжал ладонь и раскрыл рот от удивления. Робость в его глазах сменилась гневным пламенем, которое, казалось, сожжет того, кто рядом с ним.

– Пять курушей! Пять курушей! Моя жена должна родить! Ты су-

масшедшая! У тебя сорок тысяч фунтов в банке, а ты отказываешь мне в одном фунте!

Он швырнул монету на пол, и она куда-то покатилась. Абдарразик выбежал из комнаты, как безумный, ничего не видя перед собой.

Не успела захлопнуться за ним дверь, как госпожа Таваддуд поспешно надела очки и стала ползать по полу, с трудом передвигая свое тучное тело – она искала пять курушей. Уже почти отчаявшись найти монету, она обнаружила ее лишь через полчаса, когда пот градом капался со лба. Жадно схватив деньги, госпожа водворила их обратно в кошелек из старых тряпок, гневно приговаривая:

– Он отказался от подаяния, Аллах ничего не пошлет ему.

АЛЬ-ХАДЖ ШАЛАБИ

Аль-Хадж Шалаби вышел из кофейни, в которой бывал ежедневно, и направился к свахе Умм аль-Хайр. Путь был далек, но Шалаби привык к нему и проделывал его, не уставая и не жалуясь.

Высокий, грузный, он шел, тараща на прохожих огромные глаза из-под тяжелых ресниц. Люди встречали его опасливыми и в то же время льстивыми взглядами: они боялись его, зная, что он недавно вышел из тюрьмы, где пробыл немалый срок, но вышел, как расщипанный лев из клетки, и был готов совершать самые ужасные злодеяния.

Когда Шалаби отправлялся к Умм аль-Хайр, то надевал свою самую красивую рубашку, изящно повязывал ослепительно белую чалму, подкручивал пышные усы и не забывал надуться розовой водой.

Он делал это, будучи уверен, что заслуживает со стороны девушек Умм аль-Хайр всяческого внимания.

Шалаби подошел к дому, откашлялся и несколько раз постучал в дверь своей палкой.

Дверь приоткрылась, и из-за нее выглянула девочка лет двенадцати, лицо которой было наполовину скрыто под черным покрывалом. Узнав ее, Аль-Хадж Шалаби спросил:

– Мать дома?

– Дома, господин... Пожалуйста!

Девочка настежь распахнула дверь.

Шалаби вошел в темное помещение, куда слабый луч света проникал лишь сквозь небольшое окно в стене. Затем девочка проводила его в гостиную. Это была маленькая комнатка, вымощенная разбитыми каменными плитками и застланная куском потертого ковра.

Шалаби оставил палку в углу у двери и направился к креслу, ко-

торое показалось ему соответствующим его достоинству. Он сел, подкручивая усы и поправляя чалму.

Через некоторое время раздался звон браслетов и появилась Умм аль-Хайр – дородная женщина с морщинистым лицом, на котором никакие косметические средства не могли уже скрыть того, что сделало время.

Она вошла, улыбаясь, ритмично постукивая, как кастаньетами, цветными башмаками с деревянными подошвами.

Поздоровавшись, Умм аль-Хайр села подле гостя и спросила:

– Что означает твое отсутствие, Шалаби? Разве можно так надолго покидать нас? Ты не интересуешься своей приятельницей Умм аль-Хайр?

– Я всегда имею сведения о тебе. Я знаю, что у тебя, слава Аллаху, все благополучно.

– Клянусь Аллахом, ты осчастливил меня своим приходом. Как ты поживаешь? Как поживают твои славные приятели?

– Дела идут успешно, лучшего и желать нельзя. Все хорошо.

Они помолчали немного, затем Умм аль-Хайр сказала:

– У меня в гостях девушки, они только что пили кофе.

Она подмигнула ему. Шалаби понял значение этого. Понижая голос, он спросил:

– Среди них есть подходящая для меня невеста?

Умм аль-Хайр рассмеялась.

– Клянусь Аллахом, это доброе намерение, Шалаби.

– Она красива?

– Как луна.

– Молода?

– Ей нет еще и семнадцати.

– А можно ее увидеть?

– Если ты этого хочешь.

– Аллах благословит тебя, Умм аль-Хайр, ты достойна своего имени.

– Хочешь знать правду? Ты жадный человек. Ведь у тебя две жены – Джалила и Закия.

– Их нет уже.

– Как так?

– Джалила служит кормилицей в доме Факри-бека, а Закию я отправил обратно. Она бездетна.

Умм аль-Хайр наклонилась к Шалаби и спросила:

– Ты хочешь сейчас увидеть невесту?

– Очень хочу, но согласится ли она показаться мне?

– Нет, ты увидишь ее, когда она будет выходить, спрячься за дверью.

– Ладно, с меня хватит и этого.

Затем они стали торговаться и расстались, придя к соглашению.

Шалаби женился на Фарх и, как только она родила дочку, стал искать дом, где Фарх могла бы служить кормилицей. Наконец он нашел богатого пашу, который согласился дать Фарх немалую плату. Паша был щедр на подарки Шалаби, и тот считал дом паши богатой добычей, которую необходимо сберечь во что бы то ни стало.

Фарх не хотела оставлять свою дочку, но была вынуждена сделать это из страха перед свирепым мужем.

Кормилица попросила хозяйку разрешить ей раз в месяц навещать свою дочь и, когда кончился первый месяц службы, Фарх отправилась домой.

Какова же была ее печаль, когда Фарх увидела свою девочку худенькой и бледной. Она с тоской прижала ребенка к груди, ласкала и забавляла его. Как бы ей хотелось остаться с дочкой!

Шалаби вошел, когда она держала девочку на коленях, нежно лаская ее. Он накричал на жену и приказал ей немедленно уйти. Она покорно подчинилась и покинула девочку, но сердце ее разрывалось от боли...

Прошел второй месяц, и Фарх снова отправилась навестить свою малютку. Она нашла ее в еще худшем состоянии, чем прежде, и решила остаться с ней, чем бы это ей ни угрожало. Шалаби рассвирепел, оторвал девочку от груди матери, зло и грубо приказал Фарх возвратиться в дом паши. Фарх отказалась. Тогда он стал бить ее и вынудил подчиниться. Фарх ушла, плача от обиды и унижения.

Прошло несколько дней, прежде чем она смогла попросить у хозяйки разрешения навестить своего больного ребенка. Едва получив разрешение, она побежала домой.

Фарх бросилась к дочке, разглядывала и ласкала ее, обнимала находившегося уже при смерти ребенка. Когда ей стало ясно, что ребенок умирает, она зарыдала.

Пришел Шалаби. Он покачал головой, с презрением глядя на эту картину.

Фарх взглянула на мужа, поднялась и крикнула ему в лицо:

– Ты убил моего ребенка!

– Разве это только твой ребенок? Разве не мой также?

– Но ты, изверг, убил его.

– Не суйся, куда тебе не положено. Все, что касается этого ребенка, – мое дело.

И он своей тяжелой рукой ударил Фарх в висок. Она зашаталась и, рыдая, упала.

Шалаби закричал, чтобы она немедленно уходила, и потащил ее к двери. Фарх вырвалась из его рук, пытаясь взять девочку, но он вытолкнул ее и закрыл дверь. Фарх стучала в дверь, плакала, просила, но все было напрасно. Сердце ее разрывалось на части...

На следующий день Фарх тайком пришла повидать ребенка. Шалаби не было дома. Мать бросилась искать ребенка, но он бесследно исчез. Она пыталась расспрашивать соседей, но те ничего не знали. Фарх устала от бесплодных усилий и села на пороге, ожидая возвращения мужа. Это было долгое, мучительное ожидание. Наконец он появился в компании приятелей. Они распевали песни и хлопали в ладоши. Фарх бросилась к нему, расспрашивая о ребенке. Ее охватила тревога.

Шалаби посмотрел на нее злобным взглядом и спросил:

– Что тебя привело, о женщина? Разве я не приказал тебе не показываться здесь?

Она ответила сдавленным голосом:

– Где моя дочь?

Он не удостоил ее ответом и повернулся к приятелям:

– Что вы скажете об этой глупой женщине, которая хочет испортить мне настроение в такое время?

Все посмотрели на нее, затем послышались насмешки и издевательства. Фарх смело приблизилась к мужу и стала колотить по его груди обеими руками.

– Где моя дочь? Верни мне мою дочь!

Шалаби рассвирепел, грубо схватил ее и бросил на землю, приговаривая:

– Ангел смерти похитил твою дочь минувшей ночью, а теперь он готов и тебя принять из моих рук.

Никто из приятелей даже и не подумал остановить негодяя.

Прошла неделя.

Шалаби лежал, растянувшись на постели в своей комнате. Сон начал смыкать его веки. Было два часа дня, и он испытывал потребность в отдыхе после утомительной бессонной ночи. Вдруг раздался стук в дверь.

Шалаби сначала не обратил на него никакого внимания, но стук продолжался. Тогда он поднял голову и закричал:

– Кто там?

В ответ послышался слабый прерывистый голос:

– Я.

– Ты?.. Кто ты?

– Я... Я, Фарх.

– Фарх?.. Фарх?..

Он вскочил в ярости, открыл дверь и закричал:

– Как ты посмела покинуть дом паши, когда я тебе строго наказывал оставаться там?

Женщина наклонила голову и ничего не ответила.
Шалаби повторил свой вопрос с угрозой в голосе.
Тогда она сказала:
– Меня прогнали.
– Прогнали?.. Почему?..
– У меня пропало молоко...
– Пропало? Пропало?.. Это то, чего я боялся и от чего тебя предостерегал... Я много раз говорил, что твоя глупая тоска отразится на тебе... Ты меня не слушала.
– Это не от меня зависит.
– Ты упрямая, взбалмошная женщина, вечно тебя что-то беспокоит.
И после всего этого тебе не стыдно появляться передо мною?
– Разве я виновата?
– Ты мое несчастье. Из-за тебя пропал доход.
Он приблизился к ней и замахнулся, чтоб ударить, но вдруг остановился:
– Не стоит и бить тебя... Уходи, я развожусь с тобой...
Она не пошевелилась и не издала ни звука... Тогда Шалаби далеко отшвырнул ее и запер дверь.

На следующий день Шалаби отправился, как обычно, в кофейню, встретился там со своими друзьями... На нем была новая одежда, на голове чистая чалма, изящно и тщательно повязанная. Не забыл он подкрутить усы и надушиться розовой водой.
Когда Шалаби закончил партию в нарды, он поднялся и стал прощаться с друзьями, намереваясь удалиться.
Один из друзей повернулся к нему и спросил, улыбаясь:
– Куда, проклятуший?
Шалаби подмигнул ему и весело ответил:
– К нашей приятельнице Умм аль-Хайр.
– Значит, мы тебя опять скоро поздравим?
– Если пожелает Аллах.
И Шалаби покинул кофейню, поскрипывая своими желтыми сандалиями и размахивая тяжелой палкой...

Абдурахман аль-Хамиси (1920-1987) – известный египетский новеллист, поэт, драматург и публицист. Будущий писатель родился в городе Порт-Саид в семье рабочего. С детства испытал нужду и голод. Работал корректором в редакциях газет, диктором на радио, учителем сельской школы.

В 12 лет начал писать стихи, в 15 сочинял рассказы, в которых ощущается влияние символизма и романтизма. Хамиси преклонялся перед талантом Федора Достоевского. Он последовательно придерживался метода критического реализма.

На сценах лучших театров арабских стран поставлены спектакли по его пьесам «Путь» (1958), «Хасан и Наима» (1960), «Выкуп» (1963), «Возмездие» (1965). Он также автор многочисленных радио- и киносценариев.

Абдурахман аль-Хамиси – талантливый публицист. Его многочисленные статьи, творческие портреты, рецензии, очерки с 1945 года печатаются в ведущих газетах и журналах Северной Африки и Ближнего Востока. Лучшие из них составили книги «Борцы», «Искусство, которое нам необходимо» и др.

Хамиси перевел на арабский язык рассказы, повести, романы русских и западноевропейских писателей. Лучшие прозаические и поэтические произведения потомка черкесских мамлюков изданы в Москве в сборниках «19 египетских рассказов», «Современная арабская новелла» (1960), «Восточная новелла» (1963), «Шесть гиней», «Монолог» (1973) и др.

Молодой черкес участвует в национально-освободительном движении Египта. Борьбе народных масс на Арабском Востоке посвящены его сборники рассказов «Тысяча и одна ночь», «Глубины» (1949), «Зов народа» (1952), «Мы не умрем», «Окровавленные рубашки» (1953), «Огненные ветры» (1954), «Эта кровь не высохнет» (1956).

Лучшие стихотворные произведения аль-Хамиси вошли в его сборники «Людские страсти» (1958), «Слезы и огонь» (1962), «Диван аль-Хамиси» (1970) и др.

ЭТА КРОВЬ НЕ ВЫСОХНЕТ!

После пожара в Каире приспешники короля Фарука начали жестоко преследовать патриотов, вступивших в отряды сопротивления. Их арестовывали и бросали в тюрьмы. Власти установили слежку за теми,

кто объединялся для вооруженной борьбы против англичан в зоне Суэцкого канала.

Политическая полиция сбилась с ног. В домах, учреждениях, общественных местах она разыскивала членов отрядов, арестовывала их и бросала в концентрационные лагеря, расположенные в пустыне.

Моему другу удалось ускользнуть от шпионов короля. Он уехал из Каира в отдаленную сельскую местность и там скрывался от преследований.

Я долго ничего не слышал о нем. Только после военного переворота 23 июля 1952 года мой друг снова вернулся в Каир и рассказал, как обманул шпионов и избежал ареста.

Мой друг молод. Ему двадцать пять лет. Он высокого роста, худощавый, прямой, как стрела. У него продолговатое лицо с широким лбом и острым подбородком, большие умные глаза. Лицо его выражает железную волю и твердый характер. Он умеет заставить внимательно слушать себя, покорить слушателей, вызвать их на оживленную беседу. Мой друг был в одном из первых отрядов смельчаков, которые отправились в зону Суэцкого канала для борьбы с англичанами, и участвовал в первых боях с оккупантами.

В его груди бьется горячее сердце патриота. Этот человек всегда полон решимости и сознания правоты дела, за которое борется.

Я помню, как перед вступлением в отряд он посмотрел на меня взглядом, который я не могу забыть, взглядом, который проник в глубину моего сердца, и сказал:

– Я и сотни моих товарищей с радостью отдадим жизнь за независимость родины. Мы будем счастливы, если наши жизни будут оплачены священной ценой – освобождением страны из-под ига империалистов...

Наши отцы, деды и прадеды были жертвами порядков, которые установили в нашей стране оккупанты. А что мешает нам отдать свою жизнь, чтобы разгромить оккупантов?

Наши отцы, деды и прадеды умирали от преследований, умирали медленной, печальной смертью. Нам, пробудившимся от спячки, почетно умереть, борясь против существующих порядков. Мы идем на смерть смело, с радостью, сознавая правоту своего дела.

Я слушал своего друга, и мне казалось, что я слышу призывный зов трубы, бой барабанов, шум ожесточенной битвы. Мне казалось, что я вижу египетскую молодежь, идущую под пулями, сквозь пламя боя, вижу устремленных вперед людей с решительными лицами. Вот они атакуют англичан, не боясь ни свистящих пуль, ни направленных против них пушек и винтовок. Вот они, плотно окружив оккупационные войска, сбрасывают их в Суэцкий канал.

– Это наша земля, – говорят борцы за свободу. – Мы не позво-

лим колонизаторам топтать ее. Мы, только мы должны распоряжаться богатствами своей родины. Мы не дадим империалистам грабить нас, высасывать нашу кровь.

Мой друг дотронулся до моего плеча и... прекрасные видения исчезли.

– Что с тобой? – удивленно спросил он. Очевидно, он заметил мой отсутствующий взгляд и странное выражение моего лица.

– О друг мой, меня окрылили светлые надежды...

Вооруженная борьба против англичан разгоралась с каждым днем. Египетский народ готов был на любые жертвы для разгрома колонизаторов.

Король Фарук и империалисты были напуганы решимостью и стойкостью египтян. Король, готовый любой ценой подавить национально-освободительное движение, сговорился с английскими агентами и совместно с ними осуществил подлейшую провокацию – пожар в Каире. После пожара объявили чрезвычайное положение во всей стране.

Моему другу, как я уже говорил, удалось спастись от преследователей, и он вернулся в Каир после военного переворота. Неделию назад он рассказал мне об одном случае.

– Я никогда не забуду ни лица той женщины, ни ее голоса, ни того, что она для нас сделала, ни ее смерти, – начал он.

– О какой женщине ты говоришь? – спросил я.

– А вот послушай, я расскажу тебе все, как было... Ты, конечно, знаешь многие эпизоды вооруженной борьбы против англичан. Рассказы о людях, боровшихся за освобождение своей родины, составят целую книгу о героизме и мужестве народа.

У нас была только одна цель – уничтожить оккупантов, выгнать их из Египта... Ты помнишь начало нашей борьбы, помнишь наши первые отряды, выступившие против англичан.

Однажды мы решили напасть на один из английских лагерей, находившийся неподалеку от Исмаилии. Нас было десять человек – и все из этого города.

Прежде чем окончательно разработать план ночного нападения, нам нужно было изучить местность, чтобы точно знать расположение лагеря. Трое из нас вызвались пойти в лагерь днем и, стараясь не возбуждать подозрений у англичан, собрать все необходимые для нас сведения.

Утром трое разведчиков вышли из Исмаилии и отправились на выполнение задания, а мы остались в гостинице и с тревогой ожидали их возвращения.

Медленно тянулось время. В голову невольно закрадывались различные опасения. А вдруг их заметили, схватили, убили... Нас не пугала смерть. Мы боялись только, что можем погибнуть раньше, чем выполним поставленную перед собой задачу.

Вечером наши товарищи вернулись. Им удалось побывать в лагере и выяснить обстановку. Мы забросали их вопросами. Они считали, что идти на лагерь по большой дороге, как мы предполагали, нельзя. Лагерь расположен далеко от Исмаилии, и к нему ведет открытая дорога, на которую выходят главные ворота лагеря. Если мы пойдем этой дорогой, нас сразу заметят. Нужно было искать другой путь.

Один из товарищей набросал на бумаге план лагеря и объяснил, как можно к нему подойти. Тогда мы решили добраться до какой-нибудь деревни, расположенной вблизи лагеря, дожидаться там наступления ночи и в темноте осуществить наш план.

Едва рассвело, мы, забрав все необходимое для нападения, вышли из города...

Лагерь миновали в полдень. Солнце неумолимо пекло, но его лучи были куда слабее пламени, сжигавшего наши сердца. Наконец мы добрались до первой деревни. Остановившись на ее окраине, мы огляделись. Неподалеку от нас стоял обычный маленький крестьянский дом. Подойдя к нему, я ударил в ладоши. Из дома вышла женщина лет сорока, одетая в длинную темную одежду. Ее голову покрывал черный платок.

– Добро пожаловать! – приветствовала она нас.

– Не дадите ли вы нам воды напиться? – спросил я.

– Сейчас, сынок.

Нам не хотелось пить. Просто нужно было как-то начать разговор. Женщина принесла кувшин воды:

– Пейте на здоровье.

Мы напились.

– Нельзя ли нам немного отдохнуть здесь? – попросил я.

– Пожалуйста. Я буду рада! – ответила женщина. Увидев, что нас много, она смущенно добавила:

– Только у меня нет ковра, нечего подстелить вам.

– Да мы так, на земле посидим, – сказал я.

Мы расположились около дома... Перед нами расстилались поля. Высоко над головой синело небо.

– Вы, наверно, проголодались. У меня есть сыр, хлеб, соль. Я приготовлю вам поесть.

– Ну что же, мать, спасибо, мы не откажемся.

Через некоторое время к дому подошел юноша. Он поздоровался с нами и вошел в дом. Мы пытались угадать, кто он. Но вскоре хозяйка вышла вместе с ним и сказала:

– Это мой сын, Абдуль Кадер.

Один из нас обратился к нему:

– Мы идем из города. Хотим у вас немного отдохнуть.

– Добро пожаловать, – сказал он. – Вы не из тех ли рабочих, которые были заняты в английских лагерях?

– Да, – ответил другой, – мы бросили работу по первому зову родины.

– Я знаю рабочих, которые ушли из лагеря, многие из них жили в нашей деревне... Пусть будут прокляты англичане! Мы слышали, что они бросили одного египетского рабочего на растерзание бешеным собакам, а другого сожгли в печи. Да проклянет Аллах англичан и избавит нас от них!

Абдуль Кадер сел возле нас и обратился к матери:

– Дай нам чего-нибудь поесть.

Я думал, как привлечь эту женщину и ее сына на нашу сторону, как заручиться их помощью в нападении на лагерь англичан?

Кто-то спросил Абдуль Кадера, где он работает.

– Я батрачу у одного из помещиков, – ответил он.

– Жениться собирается, – добавила его мать.

Глаза юноши радостно сверкнули. Лицо его озарила улыбка, при виде которой нам стало ясно, какое удовольствие доставляет ему даже упоминание о крестьянской девушке из соседней деревни.

Мать начала расписывать нам красоту невесты и перечислять ее достоинства. Сын время от времени прерывал ее.

– Да будет тебе! Можно подумать, что никто не женится, кроме меня.

– Это мой единственный сын! У меня была еще дочь, но она умерла... Муж мой давно покинул деревню, и никто не знает, где он сейчас, жив или нет.

– Так ты, значит, ходишь в деревню к невесте, когда у тебя бывает свободное время? – спросил я юношу.

– Ну, конечно, – ответил он, – я навещаю ее через день.

Мать засмеялась и поправила его:

– Скажи уж лучше – каждый день!

– А не встречал ли ты по пути к ней англичан? – спросил я.

– Как же, встречал. Видел их красные свиные рожи... И их танки и машины тоже не раз встречал. Они как будто идут не по земле, а по сердцам свободолюбивых людей.

– Верно, сын мой!

– Несколько дней назад англичане убили моего друга, – сказал я женщине.

– Убили твоего друга? – воскликнула она так, словно мои слова обожгли ее. – Какой позор!

– Что вы хотите сказать?

– Как же ты, сын мой, смирился?

Окрыленный успехом, я спросил:

– А что же, по-твоему, я должен был сделать?

Она ответила, решительно и гневно качая головой:

– Мстить, сын мой, мстить. Почему ты не убил эту собаку, убийцу твоего друга?

Я почувствовал, что женщина и ее сын помогут нам. Все же я спросил:

– Как же я мог отомстить?

Лицо женщины стало суровым, она пристально посмотрела на меня и возмущенно воскликнула:

– Позор на твою голову, ты еще спрашиваешь у меня, как отомстить!

Такого решительного выражения лица, какое было у нее в этот момент, мне не приходилось видеть даже у бойцов во время боя. Ее взгляд обжег меня, как удар плетью, как прикосновение раскаленного железа. Он как будто говорил: «Мечь, сын мой, неутомимая, беспощадная мечь, не знающая ни страха, ни колебаний. Мечь, которая ни перед чем не останавливается, для которой нет ничего невозможного».

И мне захотелось крикнуть в ответ: «Ты призываешь к мести! Ты требуешь мести, узнав о том, что англичане убили одного из египтян! Да знаешь ли ты, какова должна быть наша мечь? Английские империалисты убили сотни тысяч египтян, у миллионов отняли силу и здоровье, лишили крова! Их хозяйничанье обрекло наш народ на голод, нищету, болезни! Вот, мать, за что мы должны беспощадно мечь! Вот для какой мести мы должны собрать силы, сплотиться воедино. Это будет не только наша мечь, но и мечь наших отцов и дедов, мечь трех поколений, мечь за долгие годы рабства и страданий! Мы, десять юношей, пришли сюда показать пример в борьбе за освобождение родины, поднять народ на священную мечь».

Это будет мечь за тебя, мать, за всех крестьян и рабочих, за весь народ, от мала до велика!»

Вот что мне хотелось сказать ей, но я сдержался и ответил:

– Так, значит... я сегодня не засну, пока не отомщу за убитого друга!

Тогда женщина взволнованно воскликнула:

– У меня есть оружие! – и убежала в дом.

Она быстро вернулась с винтовкой в руках и протянула ее мне:

– На, возьми!

– А у меня есть патроны, – сказал сын.

Мать ласково посмотрела на него:

– Я давно ждала от тебя таких слов, сынок. Хорошо, что ты их произнес!

Юноша вздрогнул. Я понял, что он хочет доказать матери, очевидно, упрекавшей его в робости, что он не трус.

Я сказал женщине:

– Спасибо, мать. Прошу тебя, разреши нам провести здесь эту ночь.

– Наш дом – ваш дом! – ответил сын.

Было три часа пополудни.

Мать и сын извинились и, оставив нас, ушли в дом.

Мы составили план взрыва складов. Двое из нас должны были с тыла пробраться к главным воротам лагеря, с обеих сторон которых были расположены прожекторы, и выстрелами из пистолетов вывести прожекторы из строя. Когда они погаснут, остальные должны перелезть через ограду и взорвать боеприпасы.

Мы рассчитывали, что выстрелы по прожекторам отвлекут внимание и силы англичан. Пока наши товарищи будут, отстреливаясь, отступать, мы сможем незаметно подойти к складам.

– Когда мы выйдем отсюда?

– Как договорились, – ответил я, – в десять вечера.

Вдруг один из наших товарищей, как будто очнувшись от сна, выхватил пистолет и бросился на дорогу. Мы устремились за ним. По дороге двигалась небольшая английская машина. Когда машина поравнялась с нашим товарищем, он выстрелил в шофера и убил его наповал. Машина перевернулась. Не успел стрелявший спрятать пистолет, как к месту происшествия подбежала группа крестьян. Я сказал:

– Сделаем вид, будто мы, как и они, услышали выстрел и прибежали сюда, чтобы узнать, в чем дело.

На дороге собралась толпа. Пришла и наша знакомая с сыном. Крестьяне разбили машину, а затем подожгли ее, восклицая при этом: «Убирайтесь вон, колонизаторы!» Потом все вернулись в деревню.

Когда мы подошли к дому, женщина сказала:

– Я знаю, что шофера убил кто-то из вас, но это не беспокоит меня.

Мы пробовали возражать ей. Она настаивала на своем. Тогда я сказал:

– Ты ведь сама призывала нас к мести. Вот один из нас и поступил так, как ты хотела!

Женщина улыбнулась и произнесла грудным голосом:

– Ну, слава Аллаху! Вот теперь вы настоящие мужчины!

Но пришлось признаться, что убил не я и что я не успокоюсь, пока не отомщу за друга собственными руками.

– Будь храбр! – сказала женщина.

Спустя некоторое время на дороге показалась колонна английских машин. Она двигалась по направлению к деревне.

– Англичане... – догадалась женщина. – Наверно, узнали о случившемся и едут за трупом мерзкой собаки...

Необходимо было спрятаться, потому что нас могли заподозрить. Словно прочитав наши мысли, женщина сказала:

– Вы должны укрыться.

– Но где? – спросил я.

– На кладбище, – живо ответила она. – Оно тут, неподалеку от деревни. Вон, налево... Там могилы, видите?

– Тогда пошли скорее туда!

– Я провожу вас, – предложил Абдуль Кадер. – А ты, мать, оставайся дома...

– Нет, – решительно возразила женщина, – я тоже пойду.

Взяв свои сумки, мы направились на кладбище.

Багровым заревом догорал закат. Воздух был густо насыщен пылью, но уже начинало доноситься свежее дыхание ночи. Наконец мы добрались до кладбища. Узкая тропинка вилась между рядами могил, среди густо растущих акаций и ив, со всех сторон окаймляющих этот мертвый город. Царившая тишина нарушалась лишь криками ворона. Наша проводница остановилась и сказала:

– Вот пустая могила. Она большая, широкая... Полезайте в нее. А я вернусь в деревню, узнаю, что там происходит, и сообщу вам...

Один за другим мы приблизились к яме и прыгнули в нее. Женщина с сыном ушли, а мы, пленники земли и тьмы, остались в могиле. Минуты ожидания казались нам часами. Мы сидели молча. Сердца наши горели ненавистью.

Сколько египтян кончили здесь свой век, не вынеся ужасов империализма! Сколько мучеников пролили свою кровь в борьбе с англичанами! Поистине, голос прошлого из этой могилы взывал к мести!

Вдруг до нас донеслись звуки выстрелов. Мы поняли, что англичане пришли в деревню и оцепили ее. Время стало тянуться еще медленнее. Нам очень хотелось узнать, что же произошло в деревне, что сделали каратели с ее жителями.

Один из нас предложил:

– Давайте выберемся из могилы и пойдем навстречу этим собакам.

– Ты что, предлагаешь отложить взрыв складов в лагере? – спросил другой.

Снова наступило молчание. Мы без конца задавали себе один и тот же вопрос: «Что сделали англичане с жителями деревни? Сумели ли крестьяне оказать им отпор или смиренно покорились своей участи? Что же там в конце концов произошло?»

О, если бы ветер прилетел к нам и шепнул об этом...

Внезапно мы услышали шаги. Они приближались к нам. Стояла

непроглядная тьма, но мы сразу узнали, кто идет. Это она, мужественная крестьянка! Но почему так нетверд ее шаг?

Женщина тяжело опустилась, почти упала. Один из нас спросил ее:

– Ну, мать, какие новости ты принесла?

Женщина молчала. Голова ее беспомощно склонилась на грудь. Через некоторое время она с трудом, словно выдавливая из себя слова, произнесла:

– Убили меня... убили... идите... мстите!

Мы наклонились над ней. Я положил ее голову к себе на колени и спросил:

– Что случилось?

– Идите... Идите... – вновь прохрипела она.

Я провел рукой по ее плечам и вдруг почувствовал что-то теплое и липкое. Я понял, что это кровь, и мне стало жутко. Я задрожал... Больше эта женщина никогда не произнесет ни слова... Кончилась ее жизнь... Она умерла. Мы сидели в каком-то оцепенении. Потом один из нас сказал:

– Что же мы здесь ждем? Возьмем эту мученицу и пойдем отсюда!

Как они убили ее, за что?

Мы выбрались из могилы и направились в деревню, неся убитую крестьянку на руках. Теплая кровь капала на землю. В тишине зловеще раздавалось кваканье лягушек. Навстречу нам шел один из жителей деревни. Увидев нас, он испуганно спросил:

– Что вы несете?

– Героиню, отдавшую жизнь за родину! – ответили мы.

Крестьянин узнал ее и сказал:

– Англичане убили ее сына, а потом стреляли в нее... Героиня она, эта женщина, настоящая героиня!..

В деревне нам рассказали, что произошло. Узнав об убийстве шофера, англичане оцепили деревню и отправили в нее солдат, которые угрожали разрушить дома и снести деревню с лица земли, если крестьяне не выдадут убийцу. Видя, что их угрозы не действуют, они открыли огонь и убили десять крестьян. Тогда один из жителей деревни сказал:

– Лучше выдать того, кто действительно убил, чем погибать всем. – И, обращаясь к нашей знакомой, закричал: – Признавайся! Где убийца?

Английские солдаты окружили ее вместе с сыном. Лицо юноши исказилось от страха, и он шепнул матери:

– Расскажи все!

Кровь прилила к лицу женщины. Обращаясь к крестьянам, стоящим возле нее, она сказала, указав на сына:

– Уберите его от меня!

Англичане решили, что шофера убил ее сын. Один из офицеров

выстрелил в него, и юноша, сраженный пулей, упал. Кто-то дико закричал:

– Негодяи, вы убили невинного!

Поняв, что убийца еще не наказан, офицер подошел к женщине:

– Так где же убийца? Говори!

Как раненый зверь, крестьянка бросилась вперед, крича:

– Сын мой, сын! Я не скажу ничего...

Раздался еще один выстрел... Женщину перенесли туда, где лежало уже несколько человек убитых и раненых.

Когда англичане покинули деревню, женщина с трудом поднялась и, истекая кровью, цепляясь за все, что попадалось на пути, незамеченная пробралась к нам...

Лицо моего друга было мрачно. Он немного помолчал, а потом сказал:

– Эта кровь не высохнет! Ее не смоешь! Мы никогда не забудем мужественную крестьянку и ее призыв к мести!

НАБАВИЯ

Где найти человека, которому я мог бы рассказать о Набавии, о ее страшном прошлом и безумных страданиях, тяжестью своей раздавивших жизнь этой девушки? Где найти человека, который знал бы Набавию и указал, где она? Я пошел бы к ней, я полетел бы туда.

Когда ее бледный образ встает в моей памяти, слезы душат меня. В водовороте жизни я потерял Набавию, не сумел вырвать ее из власти тьмы. И она исчезла... Куда? Может быть, смерть пожалела ее поруганное тело и оскорбленную, измученную душу и освободила ее от страданий? А быть может, она продолжает влачить свои дни в этом грязном обществе, удовлетворяя похотливую страсть своих мучителей? Странный внутренний голос нашептывает мне, что Набавия до сих пор жива. Если кто-нибудь из вас увидит девушку, смуглую, худощавую, с тонкими чертами лица и большими испуганными глазами, заклинаю вас всем, что вам дорого, покажите мне ее: это – Набавия. Умоляю вас, люди, во имя всего, что вы любите, если вы увидите такую девушку, покажите мне ее...

Клянусь, если встречу ее еще раз, я сделаю все для ее спасения. Я стану на пути и не допущу ее падения. Я сделаю все возможное, чтобы влага вновь оросила эту увядшую розу. Где ты теперь, Набавия? Быть может, ты готовишь страшную месть людям, лишившим тебя чести и сорвавшим цветы с твоих щек, изуродовавшим твое детство и осквернившим твою печальную юность.

Кто-нибудь может сказать: «Ну и что же? В нашей жизни много похожих на Набавию!»

Я отвечу этому человеку, что общество, которое так ломает человеческую жизнь, заслуживает только того, чтобы его разрушили до основания, не оставив камня на камне, потому что оно превращает цветы в шипы, чистоту – в грязь, благородство – в подлость, и стоит мне только рассказать людям о том, как я встретился с Набавией, рассказать о ее искалеченной жизни, свидетелем которой я был, любой поймет мою боль и мой гнев.

Я учился на юридическом факультете. У меня был товарищ по имени Фавзи. Иногда я приходил к нему, чтобы заниматься вместе, иногда мы гуляли, беседовали, мечтали. У каждого из нас была маленькая, скромно обставленная комната. Так жили почти все студенты, приехавшие из провинции в столицу получить образование в университете.

Однажды я пришел к Фавзи и увидел, что он собирает свое белье. Я спросил, не случилось ли чего? Вместо ответа он позвал Набавию.

В дверь робко вошла маленькая смуглая девушка с черными косами на плечах, одетая по-деревенски. Фавзи велел ей забрать белье.

Я спросил:

– Она прачка?

Фавзи ответил:

– Нет, она взялась постирать, но как она это делает, я еще не знаю.

Набавия нагнулась над грудой белья, собираясь унести его в ванную комнату, но, услышав наш разговор, сказала:

– Надеюсь, вы будете довольны мной, господин, и даже сможете порекомендовать меня своим друзьям...

Я провел у Фавзи целый день. Перед уходом я попросил Набавию, чтобы она постирала белье и мне.

В пятницу Набавия пришла... На ней было рваное платье, местами обнажавшее ее плечи. Ее измученное лицо и утомленные глаза говорили о бессонной ночи. Мне не хотелось увеличивать ее усталость. Если бы со мной был мой друг Фавзи и я поделился бы с ним своими мыслями, он неминуемо ответил бы мне: «Брось ты свою сентиментальность, это только твое воображение. На самом деле ничего нет».

– Может быть, ты отложишь стирку? – спросил я Набавию.

– Я пришла стирать, мой господин, – ответила она.

В ее голосе и глазах чувствовался какой-то испуг. Я сказал:

– Но ты устала.

Она с робким удивлением переспросила:

– Я устала?

– Это видно по твоему лицу. Нет никакой необходимости стирать именно сейчас.

– Но я...

– Я тебе дам деньги и не делай ничего.

Я увидел, как радостно озарилось ее лицо, как просияли ее глаза. Она сидела передо мной на полу. Я спросил ее:

– Ты завтракала?

Она ответила:

– Да.

Но было видно, что она говорит неправду.

Я сказал, что я голоден, и попросил ее пойти купить лепешек и бобов.

Когда мы поели, Набавия спросила:

– Господин! Может быть, вы возьмете меня к себе прислугой? Я умею стряпать, мыть полы, убирать комнаты, стирать белье. Я буду делать все, все. Ведь вы... у вас нет никого, кто бы вам прислуживал?

Я подумал, что в этом нет ничего невозможного, и спросил ее:

– А сколько ты возьмешь?

Она ответила:

– Ничего, немного еды и угол, где спать.

Тогда я сказал, что могу платить ей пятьдесят пиастров в месяц.

И Набавия осталась у меня.

После занятий, когда я возвращался из университета, мне было приятно, что дома меня ждал хороший обед и убранная комната.

Сначала Набавия говорила мне много неправды. Как-то раз я спросил ее о родителях. Она сказала, что ее отец живет в городе Мансуре, а мать в Каире... Потом выяснилось, что Набавия не знает ни отца, ни матери...

В другой раз она рассказала мне, что у нее есть жених, что он учится в ремесленной школе, но его родители заставили ее отказаться от него. Она говорила о нем много, подробно описывала его внешность, вспоминала, как он приглашал ее в кино, как делал ей подарки, горько плакала о том, что несправедливая судьба отняла у нее любимого человека. А потом выяснилось, что у Набавии никогда не было жениха; вероятно, желание приукрасить свою жизнь побудило ее сказать неправду.

Она хотела убедить меня, что она такая же девушка, как и все, что у нее есть мать, отец, жених, что они – люди хорошие и с достатком.

Я прощал ей ложь. Я даже делал вид, что верю ей. Я не возмущался, потому что был убежден, что эта измученная девушка хочет защитить себя ложью от унижений, которыми была полна ее жизнь.

Однажды, подходя к своему дому, я услышал, как Набавия поет низким голосом: «О ночь! Как много несчастных одеваешь ты своим

покрывом. Только ты, таинственная, знаешь, как много на свете девушек, продающих свою честь за кусок хлеба!»

В глубокой ночной тишине горькая песня девушки уносилась на крыльях ветра и таяла вдали.

Я спросил ее:

– Что с тобой, Набавия?

– Ничего!

Она горько заплакала.

И в конце концов я заставил Набавию открыть мне причину ее горя и страданий. Вот что я услышал.

Набавия не знала ни отца, ни матери. Она помнила, как жила в доме пожилого человека, хозяин кричал на нее, кричала и его жена. Если они были чем-нибудь недовольны, то упрекали Набавию в неблагодарности и лени, говорили, что приютили ее из жалости.

Она вставала с зарей, мыла полы, покупала бобы, хлеб, готовила завтрак, целый день угождала хозяйину и исполняла приказания его жены. Поздно ночью она ложилась спать в коридоре на полу, чтобы опять подняться, едва на небе забрезжит рассвет...

Как-то вечером хозяйка велела Набавии приготовить чай. Набавия уронила чайник – и он разбился. Женщина пришла в ярость. С багрово-красным лицом и глазами, мечущими искры злобы, набросилась она на Набавию и зверски избивала ее. Крики девочки еще больше разжигали хозяйку. Она таскала Набавию за волосы по полу, потом, отбросив ее в угол, нашла длинную веревку, связала ей руки и ноги и, схватив железный вертел, сунула его в огонь...

Набавия дрожала от страха. Она не знала, что с ней будет, каким еще мучениям ее подвергнут. Со связанными руками и ногами она с ужасом следила за обезумевшей женщиной. Вытащив раскаленный вертел из огня, хозяйка стала прижигать ноги Набавии: «Я тебя проучу! Больше ты не будешь делать так!..»

Набавия лежала в углу кухни, скорчившись от боли. Ночь она провела в слезах. Следующий день был таким же мучительным, как и ночь. Когда стемнело, Набавия тихонько вышла на улицу, еле передвигая обожженные ноги.

Ей было двенадцать лет. Ей некуда было идти... Дрожа от холода, она сидела на тротуаре. Из ран на ее ногах сочилась кровь...

К ней подошел полицейский и закричал:

– Что ты здесь делаешь?

Она ответила со страхом:

– Ничего. Я хочу спать, спать...

Полицейский заглянул ей в лицо. Увидев, что перед ним ребенок, он стал ее расспрашивать и узнал все, что с ней случилось. Набавия была страшно напугана и измучена.

Он сказал ей:

– Пойдем со мной. Будешь жить у меня...

И Набавия покорно пошла за ним... Они шли по длинной широкой улице, потом повернули в узкий кривой переулок, поднялись по винтовой лестнице в его двухкомнатную квартиру. Полицейский зажег лампу и сказал:

– Ложись спать. Я вернусь утром.

Набавия говорила мне, что она с самого начала удивлялась тому, что полицейский оказался таким добрым, что он сжалился над ней. Она удивлялась тому, что он привел ее к себе домой.

Постепенно она успокоилась и стала разглядывать комнаты. В одной из них была большая кровать, гардероб, диван, длинная циновка на полу и лампа, в другой стояли две длинные софы и три стула, а на стенах висело несколько картин.

Вскоре усталость одолела ее, она крепко заснула...

Я спросил:

– Тебя сватал студент ремесленной школы?

Она ответила:

– Нет, я солгала.

– А теперь?

– Теперь не лгу. Все это правда.

Я сказал ей, что хочу, чтобы она всегда говорила правду. Она ответила:

– Я хотела, чтобы меня просватал студент ремесленной школы. Я хотела, чтобы у меня были отец и мать, чтобы у меня было счастье.

Она замолчала.

Я спросил:

– А сейчас ты опять хочешь что-нибудь выдумать?

– Нет. Почему мне не рассказать вам откровенно все? Вы добрый господин. Утром вернулся полицейский и разбудил меня. Он принес хлеба, сыру, редиски, фиников и мяса... Я не могу, господин, рассказывать подробности, скажу лишь, что этот полицейский лишил меня чести, а мне было только двенадцать лет. Он превратил меня в свою любовницу, в прислугу...

– Что ты говоришь! – воскликнул я.

– Да, все это правда, господин.

– А потом?

– А что потом? – ответила Набавия.

– Но как же все это могло случиться, Набавия?

Она опустила голову, у нее не хватало сил продолжать разговор.

– Как ты жила в его доме? – спросил я опять.

– Он запретил мне выходить на улицу. Он приносил все сам, дарил мне вышитые косынки, платья, даже купил ботинки. Но он пред-

упреждал меня, что, если я посмею выйти из дому, он меня убьет.

– А что было дальше?

– Я боялась, господин, что он действительно меня убьет, и поэтому никогда не думала, что уйду от него. Но однажды к нему приехали родственники из деревни. Он объяснил им, что я служу у него прислугой. Из их разговора я поняла, что его родственники нашли для него невесту и что он согласен... С тех пор он стал обращаться со мной очень плохо, как будто хотел внушить мне ненависть к себе.

– Ну а потом?

– Потом он выгнал меня из дому, пригрозив убить, если я кому-нибудь расскажу о том, что он меня обесчестил. И я ушла... Долго бродила я по улицам. От усталости у меня подгибались ноги. Тут мне встретилась женщина. Я сказала ей, что готова работать прислугой. Она посоветовала мне стать прачкой и указала кварталы в Каире, где живут приезжие студенты. Вот я и стала ходить стирать им...

– Ты только стирала им белье?

– Они брали от меня все, что хотели...

Несколько минут она молчала, сжав губы, а потом сказала с горечью:

– Что я могла поделать? Я была так несчастна и беззащитна.

– И долго ты жила у полицейского?

– Целый год.

– Где?

– Нет, нет! Не скажу где!.. Я боюсь...

– Как хочешь.

– Мне не надо было уходить из дома моего прежнего хозяина. Но ведь меня били там...

– А сколько времени ты занимаешься стиркой?

– После того, как я ушла от полицейского, ровно год.

– Не огорчайся, Набавия! Если ты не хочешь жить здесь, у меня, я могу отправить тебя в деревню к моим родителям.

– Ты ужинал, господин?

– Да. А ты?

– Я? Я не хочу есть.

– Хорошо. Иди ложись спать.

Я долго не мог заснуть и лежал, глядя в потолок и думая о трагической судьбе этой девушки. Мне хотелось оградить ее от жизненных невзгод, от людей, потерявших человеческий облик. Меня беспокоил и огорчал ее надрывный кашель...

Настало утро. Я поднялся совершенно разбитым после бессонной ночи. Набавия еще спала. Я не хотел ее будить, оделся и собрался выйти. Вдруг в дверь постучали. Это был Фавзи.

– О, добро пожаловать!

– Куда ты собрался?

– В университет.

Мой друг громко засмеялся и сказал:

– Сегодня свободный день. Пойдем в кино?

Я пожалел, что поднялся так рано. Когда мы выходили, Фавзи случайно увидел Набавию, которая лежала в углу, сжавшись в маленький комочек под тонким одеялом.

В полном недоумении он спросил:

– Кто это?

– Набавия...

– Молодец! Ты стал, наконец, практическим человеком.

– Ты неправ, Фавзи.

– В таком случае я спрошу ее сам.

– Ты знаешь, Фавзи, такие грязные мысли причиняют мне боль.

Увидев, что я рассердился, он сказал:

– Делай как хочешь, друг мой, оставайся идеалистом.

Немного успокоившись, я сказал ему, что бедняжка кашляла всю ночь.

– Кашляла? Разбуди ее скорей и выгони на улицу!

– Нет, я пойду с ней к доктору.

– Удивительный ты человек. Ты, конечно, волен делать что хочешь, но мой совет тебе – выгони ее немедленно. Это будет гораздо лучше.

– Нет, я ее покажу врачу, достану лекарство, и она будет жить здесь, пока не выздоровеет или пока не умрет и не избавится от всех вас.

– Ты в чем-то обвиняешь меня?

В гневе Фавзи вышел из комнаты, бросив на прощанье:

– Моей ноги здесь больше не будет!

Поверьте мне, я впервые в жизни почувствовал внезапную неприязнь к своему другу. Причиной этой неприязни, по всей вероятности, были разговоры Фавзи, его отношение к Набавии, бессердечное и эгоистическое. У таких людей, как он, нет никаких чувств. Их не трогают чужие несчастья. Они похожи на волков с их животными инстинктами.

День еще только начинался, когда я повел Набавию к одному из самых известных в городе врачей. Доктор сказал, что у нее легкий бронхит. Я объяснил Набавии, что доктор не нашел у нее ничего серьезного, и она, благодарно взглянув на меня, прошептала:

– Храни вас Аллах...

Набавия сидела молча. Мне казалось, что она припоминает те надругательства, которые ей пришлось перенести. Вдруг она горько заплакала, закрыв лицо руками. Я спросил:

– В чем дело?

- Не знаю.
- Наверняка знаешь.
- Поверьте мне, не знаю.
- Может быть, ты вспомнила что-нибудь?
- Да! Я подумала о том, что полицейский толкнул меня на путь бесчестия. Если бы он на мне женился...
- А ты любила его?
- Нет, я его боялась.
- Почему же ты вспомнила о нем сейчас?
- Я не понимаю, почему он женился не на мне, а...
- Не думай о прошлом, Набавия, думай о будущем.

Набавия привыкла к моей комнате, казавшейся ей теплым и уютным местечком, хотя комната и не была уютной в полном смысле этого слова. Но для Набавии она была хорошим убежищем.

Набавия каждый день ходила на базар, покупала овощи, мясо, бобы, хлеб, готовила обед и убирала комнату.

Так прожила она месяц. Ее щеки порозовели, жизнь снова вернулась к ней.

Однажды в полдень кто-то постучался к нам. Набавия была на базаре. Я в этот день не пошел в университет и открыл дверь. Передо мной стояла безобразная женщина лет сорока, толстая и маленькая, со смуглым лицом и узкими глазами, закутанная в черное большое покрывало. Я спросил ее:

- Что вам нужно?
- Я хочу видеть Набавию, – ответила она.
- А вы кто?
- Ее тетя.
- Тетя? Набавия на рынке. Пожалуйста, заходите...
- Нет, я приду в другой раз. Но, пожалуйста, передайте ей, что я была.

Она ушла. Я стал думать об этой женщине. Удивительно, откуда она могла узнать, что Набавия живет у меня. Когда Набавия вернулась домой, я ее спросил:

- У тебя есть родственники в Каире?
- Она положила покупки и молча посмотрела мне в лицо.
- Ведь ты мне сказала, что не знаешь ни отца, ни матери?
 - Да.
 - Ты опять хочешь солгать мне, Набавия?
 - Нет, господин.
 - Скажи мне, кто эта женщина, которая приходила сейчас.
 - Она не родственница мне, господин.

– А откуда ты ее знаешь?

– Как-то утром я встретила ее на рынке. Она начала расспрашивать меня о моей жизни. Я рассказала ей все с начала до конца. Она купила мне бусы и сказала: «Хочешь быть моей дочкой? У меня нет детей».

– Я не хочу огорчать тебя, Набавия, но она не внушает мне доверия. Она кажется мне распутной бабой. Такие, как она, вовлекают молодых девушек в разврат.

Тогда Набавия спросила испуганным голосом:

– Что же мне делать, господин?

– Я хочу, чтоб ты совсем не встречалась с этой женщиной.

– Но она меня любит, господин.

– Ты наивна, Набавия!

Про себя я подумал: «Бедная, как ей хочется, чтобы кто-нибудь любил ее».

Я вспомнил детство Набавии, суровое и безрадостное. Я вспомнил ее юность, жестокую и холодную. Я понимал ее жажду любви – ведь она никогда не знала ласки родителей.

Ее тоскующее сердце, как цветок навстречу солнцу, должно было открываться при каждом, даже самом маленьком проявлении любви.

Но той женщине я не верил.

– Почему ты думаешь, что она тебя любит?

– Она сама мне сказала. Она обнимала меня, целовала.

– Мы еще поговорим с тобой об этом, и я надеюсь, что ты прислушаешься к моим советам. Да?

– Как вы скажете, господин, так я и сделаю.

Прошло несколько дней...

Однажды вечером Набавия спросила меня:

– Давно, господин, вы не видели своей матери?

– Несколько месяцев.

– Вы очень соскучились?

– А почему ты заговорила об этом?

– Потому что ласка матери – великое дело.

– Откуда ты это знаешь?

– От моей матери...

Больше она ничего не сказала, но мне показалось, что она готова была открыть свою тайну. Мне невольно вспомнилась та толстая, безобразная женщина, но я был так занят в этот вечер своими делами, что не возобновил разговора с Набавией.

Однажды, вернувшись из университета, я не застал Набавии дома. Сначала я подумал, что она вышла за покупками, но настала ночь, а ее все не было. Меня это беспокоило. Куда она могла уйти? Неужели исчезновение Набавии связано с той женщиной? Или, быть может, тут

какой-нибудь новый обман? Мои мысли путались. На следующий день я остался дома. В полдень раздался стук в дверь. Я вышел и был очень удивлен, увидев ту женщину. Она спросила:

– Где Набавия?

– Разве она не у вас? Я сообщу о вас в полицию, если вы не возвратите ее.

Женщина спросила удивленно:

– Полиция? Ты бредишь, молодой человек. Где Набавия?

Она кричала, сердилась...

– Но вы лжете, говоря, что вы ее тетя.

Эти слова ее ошеломили. Она закуталась в свое покрывало и, уходя, сказала:

– Я докажу тебе, что я не только тетя, а мать, и Набавия будет меня слушаться...

Прошло четыре месяца. Набавия не возвращалась, и не было даже надежды на то, что она вернется когда-нибудь. Мысленно я желал ей хорошей, чистой жизни.

Как же я был удивлен, когда в один из вечеров в дверях своей комнаты увидел Набавию. Глаза ее блуждали, на лице застыло выражение стыда.

– Войди!

Она молча вошла в комнату.

– Садись! Где ты была?

– Я вышла замуж.

– Ты даже не посоветовалась со мной?

– Он мне сказал, что вы не согласитесь...

– Кто это он?

– Санбо.

– Кто он, этот Санбо?

– Молодой человек, за которого я вышла замуж.

– Ну, а теперь что?

– Теперь он развелся со мною.

– Так быстро?

– Он не давал мне денег. Целыми днями я сидела голодная. Потом он развелся со мной.

– Где же справка о разводе?

– У него.

– А где он?

– Он живет в квартале Зейнаб.

– Ладно. Забудь о нем и ни о чем не думай. Послушайся моего совета.

– Я совершила ошибку, господин. Простите меня.

И Набавия горько заплакала.

Если я узнал причину, которая побудила Набавию оставить мой дом в первый раз, то, несмотря на все свои старания, я так и не смог выяснить, что заставило ее уйти второй раз. Она прожила у меня после своего возвращения двадцать дней и вновь скрылась... Я не мог ни понять, ни оправдать ее поступка. Во мне еще не прошла досада на нее за первое ее исчезновение. Я хотел, чтобы она почувствовала свою вину передо мной. Теперь, когда я вспоминаю это, мне кажется, что я сам совершил преступление.

Дни шли за днями, недели за неделями. Так прошел год...

... Поздно вечером я возвращался домой по улице Мазбах. Было темно. Внезапно я услышал, что меня кто-то зовет:

– Господин, господин!

Оглянувшись, я увидел Набавию. Я вскрикнул от удивления:

– Набавия? Ты?

Меня поразило ее мертвенно-бледное лицо, провалившиеся глаза, увядшие губы.

– Простите меня, господин.

– Где ты была, Набавия?

– Не спрашивайте меня. Я...

Я вспомнил ту женщину и спросил:

– Твоя тетка?

– Да, она привезла меня сюда...

Кашель душил ее. Это был странный сухой кашель. Я спросил:

– Пойдешь со мной?

Она посмотрела на меня и сказала:

– Уходите скорее! А то они вас убьют и меня убьют.

– Кто это они?

– Ее люди. Люди этой женщины.

– Нет, они не посмеют, – попытался я успокоить ее.

– Они бандиты, они следят за мной и за такими же, как и я, девушками. Они продают нас на темных улицах этого квартала.

Она сильно закашляла. В этот момент к ней подошел широкоплечий парень с угрюмым лицом и грубо сказал:

– Пойдем, Набавия!

И, схватив ее за руку, он скрылся с ней в темном переулке...

*Публикацию произведений писателей черкесского
зарубежья подготовил Мухамед Хафицэ*

Марианна КЕРИМОВА,
литературный обозреватель газеты «Адыгэ псалъэ»

МЕЖДУ ДВУМЯ КУЛЬТУРАМИ

Дана Хафицэ, стихи которой сегодня предлагаются читателю, родилась в 1973 году и выросла в г. Нальчике, но проживает в Иорданском Хашимитском королевстве, где создала семью и воспитывает дочь. Поневоле став мостом между двумя государствами – Россией и Иорданией – наша соотечественница стала своеобразным связующим звеном и между двумя разными культурами, протянутым как между двумя цивилизациями, так и между ветвями разделенного народа в лице его нового поколения. Как нельзя ярче это чувство передано в её стихотворении «Чужбина»:

*Ветер враз облетает планету.
У адыга короче пути.
Но вдвоем они ищут по свету
Отчий кров и не могут найти.*

Начав сочинять стихи ещё ученицей школы, Дана быстро определилась с будущей профессией. И то, что она уже 23 года преподаёт адыгский язык детям черкесских эмигрантов, проживающих в Иордании, еще раз свидетельствует о том, что юношеский выбор был сделан правильно. Что касается ее поэтического творчества, читатель легко узнает в нем свою юность с его романтикой и первыми разочарованиями. Лирический герой Даны честен с собой, но раним и пылок, как все поэты в начале творческого пути. Эти строки – дань уважения к юности, проведенной нашей соотечественницей на Родине, в Кабардино-Балкарии, родном Нальчике и патриархальном Заюково.

Дана регулярно приезжает домой, чтобы навестить своих родственников и своего именитого отца – всем известного общественно-го деятеля Мухамеда Хафицэ, который не нуждается в лишнем представлении. В интервью, данном журналистке газеты «Адыгэ псалъэ» Замире Нашапиговой, она рассказала о судьбе родного языка и адыгской культуры за рубежом, в частности, в средней школе имени принца Хамзы, где она преподаёт.

«В нашей школе учатся не только дети черкесов. У нас есть уче-

ники, у которых родители – чистокровные арабы. На фоне общего числа детей в тысячу человек, таких детей насчитывается до трех процентов. В Иордании хорошо знают, что королевская гвардия представлена выходцами из нашего народа. Бывает так, что араб приводит своего ребенка и говорит: «Мы хотим, чтобы он вырос похожим на черкесов, бесстрашным и воспитанным».

Относительно разговорного адыгского языка в Иордании Дана честно отвечает, что, несмотря на реальные успехи ее учеников, для дальнейшего сохранения языка надежды мало. Родители отдают предпочтение более прикладным английскому и арабскому, которые нужны для приобретения образования, что легко понять. Черкесский же больше функционирует как дань памяти предкам, поэтому без осознанной поддержки родителей старания преподавателя часто пропадают даром. Дана сама подготовила и издала четыре пособия для обучения детей адыгскому языку. Быстро освоив арабский язык в первые годы своей эмиграции, Хафицэ использовала эти знания при подготовке данных учебников.

Вместе с мамой в Нальчике побывала и ее дочь Сана, уже получившая образование дизайнера. Несмотря на территориальную разобщенность, две семьи поддерживают тесную связь.

Если вернуться к нальчикскому периоду деятельности Даны Хафицэ, она работала заместителем главного редактора газеты «Нарт», руководителем пресс-службы Кабардино-Балкарского отделения Россельхозбанка. Печаталась в газетах «Кабардино-Балкарская правда», «Советская молодежь», «Адыгэ псалъэ», «Черкесское зарубежье», в журналах «Ошхамахо» и «Литературная Кабардино-Балкария».

О чем стихи Даны? Читателю нетрудно будет догадаться, что это первые, самые глубокие впечатления о жизни еще неокрепшей девичьей души. Д. Хафицэ продолжает свое творчество и сейчас, хотя, возможно, она доверяет свои мысли бумаге уже на другом языке. Будем надеяться, что мы не останемся от этого в стороне. А пока желаем нашей талантливой соотечественнице, чей день рождения – 28 августа – по воле судьбы совпал с днем рождения великого Толстого, дальнейших творческих успехов.

ЧУЖБИНА

На чужбине адыг, на чужбине...
Кто б поведал о крае родном?
И кому здесь утешить в кручине?
Все чужие, чужие кругом.

Здесь лишь сам он – и рода начало,
И грядущее рода – он сам,
Делит радость, но чаще печали,
Лишь с собою самим пополам.

В неродимой сторонешке, в дальней
Взял – иначе было нельзя! –
Ветер буйный и многострадальный
Горемыку-адыга в друзья.

Ветер враз облетает планету.
У адыга короче пути.
Но вдвоем они ищут по свету
Отчий кров и не могут найти.

НА РАСПУТЬЕ ДНЯ И НОЧИ

Так случайна наша встреча,
Что душа не разберет,
То ли скоро будет вечер,
То ли утро настает.

На распутье дня и ночи
Захотелось света мне,
Чтоб, твои увидев очи,
В их исчезнуть глубине.

То желанье было пусто.
Ночь вершила правый суд,
Чтобы ты не видел грусти,
Что смертельно зовут.

ЖЕМЧУГ И СЕРДЦЕ

В зеленых соленых глубинах
Море хранит жемчуга.
А где твое сердце, любимый?
Ему я свое берегла.
Всех тех, кто любил без ответа,
Слезы сияют на дне...
А сердце твое бьется где-то
И рвется навстречу ко мне.
Остывшее сердце жемчужин
Горит под водой сотни лет, –
Теперь уже морю не нужен
Холодный бессмысленный свет.
В зеленых соленых глубинах
Жемчуг шлифует вода...
А кто твое сердце, любимый,
Украл у меня навсегда?

НА БЕРЕГУ КРАСНОГО МОРЯ

Красного моря волна голуба...
Как мне сейчас не хватает тебя!

Рядом со мною мама и брат
Слово «забудь» постоянно твердят.

Только я стала глуха и нема.
У Красного моря схожу я с ума.

Не сплю я, и некуда дальше худеть...
В тебе моя жизнь, в тебе моя смерть!

У Красного моря на берегу
Я без тебя не могу, не могу...

Красного моря синий прибой...
Черное горе разлуки с тобой.

Я переполнена вся здесь, вдали
Любовью, которая больше любви.

ДИАЛОГ ПРОЩАНИЯ

«Прощание это, а не разлука.
И что еще я могу сказать?!» –
В ночи последней положишь руку
Ты на глаза мне – родную руку...
Лицо не в росинках, лицо в слезах.
По стыкам рельсов гремит, по звездам.
И грянет в сердце: «Прости, прощай!
Не осуждай же... Все в мире просто.
Забудь, коль можешь – и не грусти...» –
«Прощай, любимый... Все в мире просто.
Любимый, это меня прости!»

ТАЙНА И МОЛВА

Кому-то что-то нужное сказать
Не раз тебя просила при народе,
Но забывал про это ты опять...
О, как же часто память нас подводит!

Вчера тебе поведала секрет,
Наедине поведала с тобою,
Сегодня же его в помине нет,
Вернулся он, увидев белый свет,
Уже как тайна, ставшая молвою...
Что ж, хоть одно понятно мне пока:
О, как же память наша коротка!

ПОПРОШУ ЗАЩИТЫ ОТ ТЕБЯ

Защищаешь ты меня от моря,
Защищаешь ты меня от горя,
Даже от любого пустяка.
Как заботлив ты! Всегда на страже,
Словно сторож в ожиданье кражи
У дверей, в которых нет замка.

Ты, как часовой, со мною рядом,
Чтобы я не обменялась взглядом

С кем-нибудь случайно на пути.
Чтобы птицы надо мной не пели,
Чтобы посторонние не смели
Ни заговорить, ни подойти.

Защищаешь от стихий природы,
От друзей, от солнца, от свободы –
От всего, что жажду я сама.
Жить так дальше просто невозможно –
Слишком неприступна и надежна
Эта безнадежная тюрьма!

Я сносила все, теперь довольна:
Не хочу в темницу добровольно,
Рабство непонятное терпя.
Чтобы мы с тобою были квиты,
 Попрошу я от тебя защиты,
 У тебя защиты... от тебя!

ЖИЗНЬ

Порой меня преследует сомненье,
Что смерти в мире не было вовек,
Поскольку беспредельно продолженье
Того, как жил на свете человек.

Что смерть, когда в нее никто не верит?
О те, в ком жизнь не чаяла души,
Для вас всегда открыты наши двери,
Входите, вы из жизни не ушли!

НЕ ГОРЮЙ

Пусть минет вечность, но однажды
Узнает правду кто-нибудь,
И все равно на свете каждый
Себя же хочет обмануть.

Любви без веры не бывает.
Её обманчивый росток
Не потому ли погибает,
Как в бурю – слабый стебелёк?

Неправда гибнет – не горюй!
Любовь и ложь несовместимы.
Земля и Небо между ними –
И невозможен поцелуй.

ЛЮБОВЬ И ГОРДОСТЬ

Любовь с гордыней
Может ли сравниться?
Любовь и ныне –
Гордости частица.

Любовь возносит нас
До небосклона.
Любовь возносит...
Но и убивает.

А гордость что?
Она не убивает.
Она со дня творенья
Непреклонна.

НЕ ОБМАНЫВАЙ СЕБЯ

Меня с весенними цветами,
Как видишь, сравнивать нельзя.
Люби душой, а не глазами,
И не обманывай себя.

Не верю я твоим глазам:
В них нет того, чем люди жили.
Ты не завидуешь слепцам,
Чьи души зрячими прослыли?

ЛИШЬ ЭХО ВПЕРЕДИ

О ночь, черна ты, словно
Любви моей тоска,
Когда мечта безмолвна,
А вечность жестока.

И зов во мне стихает:
«Любовь моя, приди...»
Мольбе моей внимает
Лишь эхо впереди.

Исчезли даже тени
Сегодняшних надежд.
Верни мечту, забвенье,
Иль боль мою утешь!

Ты одарил меня надеждой.
Она мне силы возвратила!
Я жизнь люблю сильней, чем прежде.
О, я безумно полюбила!

Поплачу и слезы вытру,
Спрячу свою обиду,
Руку тебе протяну
В знак нашего примиренья...

Но разве слова прощенья
Уменьшат твою вину?

ПЕЧАЛЬНАЯ ДРАМА

Везенье путая с победой,
Своей беспечностью сильна,
Я жизнь считала опереттой,
Где в главной роли – я сама.

Ценила я одно мгновенье,
Во всем бездумная, как ты,

И восходила, как на сцене,
На настоящие костры.

Сама во всем я виновата,
И, как похмелье на пиру,
С грядущим днем пришла расплата
За безрассудную игру.

И каждый миг, счастливый самый,
В итоге превратился в боль...
И стала жизнь печальной драмой,
А я не выучила роль.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ НАПЕВ

В час разлуки, в час печали,
В час, предсказанный бедой,
Я хочу, чтобы звучали
Струны боли молодой.

Нет испытаннее средства:
Пусть звучит, меня согрев,
Переполненного сердца
Удивительный напев.

С этой музыкою легче
Я надежду сохраняю.
Верю счастью, верю встрече,
Верю завтрашнему дню!

Если музыка мне снилась,
То к утру наверняка
Отступают серость, низость
И неясная тоска.

В честь грядущего свиданья,
Сто преград преодолев,
Подари мне ожиданья
Удивительный напев!

РОЗЫ

Красные розы, любимый, дарю
Тебе, как живую зарю.
Белые розы, суженый мой,
Знак: я чиста, как метели зимой.
Желтые розы, мой милый, таят
Ревности всеотравляющий яд.
Ревность в их желтых созвездьях живет,
Она для любви, как для нас кислород:
Мало – смертельно,
Много – смертельно!

А ГУБЫ НЕ ПРОСИЛИ НИЧЕГО

Когда ты на меня смотрел с мольбою
В тот самый день ухода моего,
Глаза твои просили быть с тобою,
А губы не просили ничего.

Но были мне тогда всего нужнее
Невысказанных чувств твоих слова...
И ты ушел, ты был меня сильнее,
А я слаба была... Была слаба!

Но ты вернулся с просьбой о прощенье.
И все, что было, позабыв, теперь
Простить тебе не в силах возвращенье
Я, сильная от слабости твоей!

ЛОГИКА

Все в природе логично,
Все в природе конкретно:
Ночь сменяется утром,
Как осенью – лето.
И веками, представьте,
Не зная покоя,
Спорят с берегом волны,
А берег с рекою.
Как ни бьется волна, –

А берег на месте...
И не может она
Отказаться от мести.
Но воде не дано
Победить скал породу.
Только люди давно
Покорили природу.
И в пустыне любой
Нефть найдут, сад посадят...
Ну, а между собой
Что ж они не поладят?!

КОГДА УЙДУ

Хочу, чтоб ты бессмертным стал!
Пусть все мое умрет со мною.
Хочу, чтоб ты, любимый, знал,
Какой заплачено ценою
За то, чтоб ты бессмертным стал.

Стихи мои, когда уйду,
Нас свяжут строками своими
На счастье или на беду...
Тверди мое простое имя,
Бессмертный мой, когда уйду!

ЧУЖОЙ РУКИ НЕТРОНУТЫЙ ОГОНЬ

Он смотрит на меня, а я другую вижу.
Берет ли в руки он мою ладонь,
Я холодна: дороже мне и ближе
Чужой руки нетронутый огонь.

Он мне в любви клянется... Так, наверно,
Любимый мой клянется той, другой...

Невыносимо и закономерно
Вращается проклятая арена!

Ее мы сделали такой.

Хочу украдкою, тайком
В твои глаза взглянуть –
Они поведают о том,
Каким твой будет путь.
Так хочется хотя бы раз,
Сказать тебе: люблю...
Но я твоих не вижу глаз
И слов не говорю.
Ты ныне более далек,
Чем птица в вышине –
Не наступил, должно быть, срок
Прийти моей весне.

НЕТ МУЗЫКИ В СЕРДЦЕ

Меня заперевшие в клетке
Хотели, чтоб я не пела.
Но обезголосело сердце –
В нем музыки больше нет.
Остались слова пустые,
Холодные, словно льдинки,
И, одолевая горечь,
Я этому рада сама.
Ничто меня не тревожит,
Не берedit мою душу,
И стоило ли убиваться,
Что музыки в сердце нет?

ПУСТЬ БУДЕТ ТАК

Пусть будет так,
Что я устала
Устала имя повторять,
Искать надежду и терять...
Пусть будет так,
Что я устала...
У жизни сил не занимать.

ТОЛЬКО РАЗ

В этой жизни все не вечно,
Только память живет до конца.
Только время торопит сердце,
И любовь разбивает сердца.
Только ветер уносит мысли,
Только сон спасет нас,
Только жизнь бывает красивой,
Только раз мы живем, только раз...

ИНАЯ ДОЛЯ

Есть жизнь после смерти, и я в это верю,
Ухода в крошечную тьму не боясь,
Я там обнаружу земные потери,
Времен и событий постигну я связь.
Я там повстречаю ушедших навеки.
От горечи неблагодарной судьбы,
Там силы земной не имеют наветы
И полной свободы достигли рабы.
Они возвратятся, как легкие тени,
Укором для совести нашей больной.
В молитвах за них преклоню я колени,
Прося у Всевышнего доли иной.

Амман – Нальчик

Перевод с кабардинского Марианны Керимовой

МОЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Рассказ

Однажды стоял я на остановке с другом в ожидании транспорта. Он поздоровался со своей знакомой, тоже оказавшейся там. С виду ей было около пятидесяти, – милая, доброжелательная женщина. Перекинувшись парой слов с моим другом, она уехала. Минуты через две или три нас весело приветствовал проходивший мимо мужчина, наш ровесник. Общительность и дружелюбие моего друга объясняют такое количество знакомых. У него, кстати, и родственников полно, поэтому я не удивился, слыша приветствие того мужчины.

– Подошел бы он чуть раньше! – сказал друг, провожая его взглядом.

– Почему ты так говоришь? – удивленно спросил я.

– Женщина, которая только что поздоровалась с нами, была очень ему дорога. Он любил ее когда-то, поэтому и хотелось, чтобы они встретились. Жаль, не получилось. Мы с ним выросли на одной улице, молодость провели вместе, я знаю много его секретов, как и твоих, заметь...

Случилось так, что я решил поменять работу, а место, устроившее меня, оказалось и к дому поближе. Руководителем нового коллектива, моим начальником, оказался тот самый мужчина, который проходил тогда мимо автобусной остановки и поздоровался с нами. Он тоже вспомнил меня, и, возможно, благодаря этому обстоятельству я сразу удостоился его расположения.

Он оказался очень хорошим человеком, мудрым руководителем. Его уважали абсолютно все, начиная с техничек и заканчивая ближайшими помощниками. Приходил первым, уходил последним. Знал все о своих сотрудниках. И потому авторитет его в коллективе был непререкаемым, заслуженно высоким. Более тридцати лет руководя таким сложным, почти полностью женским коллективом, никого не обидел. По крайней мере, так о нем говорили.

Как-то раз во время выборов нам пришлось работать вместе до самого утра. После сбора голосов и их подсчета уставшие сотрудники, кто где сидел, задремали в ожидании рассвета, а я сел с начальником пить чай. Тогда и случилось нам поговорить о многом. И о сердечном тоже.

Я был рад, что на выборы пришли и стар, и млад, как говорится.

Значит, народ не равнодушен. Чем я и поделился с начальником.

– Да, много молодых, креативных. За ними наше будущее. Ах, молодость, молодость! Смотрел я сегодня на них и вспоминал себя таким.

Мой собеседник, прервав беседу, встал и подошел к окну. Он долго, как мне показалось, смотрел куда-то вдаль. Хотя из окна в предрасветной мгле были видны только контуры молчаливых деревьев. Кто знает, может, он пытался отослать свои мысли по ту сторону стекла, а они, не слушаясь его, возвращались обратно. Может, предрасветная темень не желала принимать его думы, а может, он сам не хотел их отпускать, или по какой-то другой причине, не знаю.

– В молодости я полюбил девушку. Она была из нашего села, обычная девочка, родственники общие у нас, встречались много раз. Вернувшись из армии, увидел ее и обомлел. Красавица. Но все еще школьница, в белом фартучке, темном платьице. Отличница. Я уехал в город, поступил учиться. Хотел стать историком, в то время можно было начать государственную службу с этого. К тому же еще в армии я был принят в члены компартии. Потом все поменялось, правда. Вы это знаете. Будучи студентом, каждые выходные ждал, чтобы приехать домой и пройти мимо их дома, чтобы хоть раз ее увидеть. Тётя моя говорила: «Вот для тебя невеста растет». И моих родителей это радовало, такое тепло было между нашими семьями. Спустя два года, она тоже поступила в наш вуз. Так как мы учились в одном заведении, большую перемену часто проводили вместе. Вместе ходили в библиотеку, жили в одном общежитии. Казалось бы, все хорошо. Но... если судьбой не написано, все напрасно. – Мой руководитель достал из пачки сигарету, помял ее длинными пальцами и закурил, продолжая свой рассказ: – У меня была однокурсница, внимание которой я чувствовал с первого дня, как поступил в университет. Она жила в городе, родители были высокого статуса, мама вообще серьезно занималась наукой. Она казалась мне приятной собеседницей, но никаких намерений насчет нее у меня не было. Она часто приглашала нас с друзьями к себе. Тогда меня удивила их огромная библиотека. Привлеченный книгами, я стал часто ходить к ней домой... В юности люди совершают много ошибок... «У меня будет ребенок, – заявила она однажды. – Если не возьмешь меня замуж, тебя выгонят из партии, из университета, а может, и посадят, смотря как я это преподнесу». Я тянул, как мог, но не вышло. Как про это сказать той, другой, я не знал. Долго размышлял. Много раз решался признаться, потом, как только видел ее, передумывал, боясь разочаровать и ранить ее. Однако слухи распространяются быстро. Однажды на большой перемене: «...Я так слышала», – сказала она при встрече. «Это ложь!» – воскликнул я. Почему я это сделал, почему солгал?! Не могу ответить

на этот вопрос даже сегодня. Говорят, у человека восемь жизней и восемь смертей. Бывает, удается выжить семь раз, а на восьмой – нет. Видимо, в тот день я умер от стыда перед самим собой и перед ней... не в первый раз. Первый был тогда, ранее...

Сидел передо мной седой мужчина и страдал из-за своего малодушия, совершенного в молодости. Я не знал, как его утешить, и потому молчал.

– Смотри, какая она грустная, луна, словно брошенный жалкий котенок, – почему-то сказал он и снова замолчал.

«Показав мне луну, он хотел немного отвлечься. Ему трудно», – подумал я.

– Мне потом не удалось с ней встретиться. Я сходил с ума. Как выдержал?! Жизнь была беспокойной. Жена капризная, ревнивая, к тому же бездетная была очень долго. Соврала мне, или действительно что-то не так было, кто знает... Я уходил. Она меня обязательно находила и возвращала. После очередной разлуки, встретив ту первую, все еще не прошедшую любовь, рассказал все, как было. Хватило смелости. Она была опечалена. Мы шли по улице и говорили. Долго говорили. Иногда моя рука касалась ее, и она безумно краснела. Мне это так нравилось. И сейчас нравится. Странно, что запоминаются такие мелочи. Тогда я решил все изменить. Это я решил. А супруга моя не могла просто так отпустить меня. Потом она, та первая, вышла замуж, я думал, мир перевернется, земля содрогнется. Но... ничего не случилось. Позже у нее родилась девочка. Она выходила с ней гулять, и я не каждый день, но часто стал появляться там, где они. Бывало, не виделись несколько дней. Тогда казалось, ради того, чтобы хоть один раз взглянуть на нее и ее дочку, я отдал бы весь мир. Каждый день я проходил мимо их двора. Супруг ее, как-то случайно встретившись со мной, пригласил в свой дом. Он был очень приветлив. Радовался дочери, супруге. Думаю, он все знал, но ни меня, ни свою супругу не обидел случайным словом или взглядом...

Сердечная боль моего начальника возобновлялась и, как черная птица, вырывалась из его груди и билась о закрытые окна и глухие двери.

Студентка, которая помогала нам, то ли желая взбодриться, то ли сделать нам что-нибудь приятное, подошла и налила чай.

– Она всегда была особой. Открытой и доброй. Думаю, она не могла не рассказать о нас своему супругу. Я благодарен ему за тот его поступок – он знал, почему я там оказался. Мне действительно было очень плохо тогда. Пусть покоится с миром, спустя некоторое время он скончался. А ее я не видел давно. Как-то однажды встретились мы на улице, она была с подругой. Поздоровалась и прошла мимо. Не оглянулась. А я чувствовал, что она этого хотела, но не сделала. Вот

так и живем в одном городе, почти не видимся. Иногда кто-нибудь из знакомых рассказывает о ней.

Начинало светать. Распустившаяся за окном акация, словно подслушивала наш разговор, тихо, переживая, стучала подчас своими ветками в окно. Что может быть удивительнее судеб людских?

– Понимаю, что надо уметь уходить от прошлого, расстаться с ним красиво, простить всех и все, ведь ничего не исправить. Не верю в приметы, вырос в СССР. Однако один мой друг, чеченец, сказал, что у них есть такое поверье: «Если тревожная любовь сжигает сердце, возьми обувь любимой и выпей из нее воду, тогда все наладится». Интересно, это правда? – вымолвил мужчина и улыбнулся.

И как будто эту грустную историю только что рассказывал не он, а кто-то иной, быстро встал и пошел встречать гостей, пришедших за результатами выборов.

История этого человека, обычного среднего руководителя, разделенная судьбой, не выходит из моей головы. А как же эти женщины? Сердце одной все время сжигала безответная любовь к супругу. И даже позднее рождение сына не дало им счастья. А другая... она потеряла веру. О ней я знаю мало... и много, оказывается.

Говорят, природа не меняется: и луна, и солнце вечно идут одной и той же дорогой, не сходя с привычного тысячелетнего пути, не обращающая внимания на любовь и печаль людскую. Но почему же тогда луна была так грустна в тот вечер, если не от рассказа моего начальника, я не пойму.

*Перевела с балкарского Аиша Жанатаева
(гимназия № 5 г. Тырныауз)*

ГДЕ ВЕРА И МОЛИТВА ВМЕСТЕ

Время беспощадно. Оно никого и ничего не жалеет – ни человека, ни природу. Потому и спешит вслед за прекрасным летом обманчивая, златоликая осень со своими бесконечными скучными дождями, а за ним бежит зима с буранами или мягкими снегопадами.

Многое не успевается в жизни – посадить деревья и смотреть, как они расцветают, понять вкус их первых плодов, позаботиться о любимом, наставить дитя на путь истины, сказать кому-то те сокровенные слова, которые так важно не унести с собой... Да, время не жалеет человека.

Асият видела и войну, и выселение. Потому жизнь ей кажется долгой. Больше, чем один век, больше, чем два века. Все ее ровесники

покинули этот бранный мир. А она живет, все живет и живет... Иногда она думает, что Аллах забыл о ней в тесноте и густоте своих забот. А потом она одумывается, и жалеет, что так подумала о Создателе, как будто у Творца этого большого мира мог быть такой недостаток. Тогда ей становится стыдно за себя, и она начинает пересчитывать четки и молиться.

Многое приходит ей на ум, не занятый делом или каким-нибудь увлечением. Ее отец и братья его были причастны и к белым, и к красным. Да, все было, все перемешалось тогда. Один здесь погиб, другие, трое, в Сибири потерялись. Мама ее особо радовалась тому, что муж ее, отец Асият, лежит здесь, на родной земле.

Теперь уже Асият начинает забывать о том, что ее жених Асхат, после того как арестовали отца и его братьев, долго не показывался ей на глаза. Раньше это очень ее мучило, теперь уже не так. Назло ему, когда Бузжигит украл ее, она даже обрадовалась. Хорошим человеком оказался Бузжигит. Жаль, что судьба его не обрадовала – в 1930-е годы его и двух братьев Асият арестовали вместе, когда они косили траву в горах. Прямо оттуда забрала их черная машина. Когда весть об этом дошла до них, ни Асият, ни ее мама Нафисат не сомкнули глаз в ту ночь.

А утром бедная Нафисат напомнила дочери:

– Иди, дочь моя, к Шамдарий, – сказала она. – Она, наверное, ведает о них что-то. Ее муж Баттал – председатель колхоза, вроде там крутится, среди них.

Когда Асият прибежала к двоюродной сестре матери Шамдарий, та тоже была в смятении.

– Не знаю, Асият... Ничего я не знаю. Совсем нехорошо, что их арестовали. И для вас, и для нас плохо. А наш, ни днем, ни ночью покоя нет ему, пропадает где-то. Возможно, ничего о них и не знает. Знал бы, сказал...

Потом, спустя многие годы, Асият узнала, что ее мужа и двух ее братьев арестовали по навету Баттала. Эта черная бумага до сих пор хранится где-то там, в архивах, говорят. Почему бы ее не уничтожить? Иногда она подумывает, что даже Баттал не смог бы так поступить. Но бумага есть, она сохранилась, вся пожелтевшая, наверное, от стыда, старающаяся спрятать свои ужасные буквы. Она там, за семью дверями, в черной папке, завязанной серыми от времени и пыли ленточками.

После того как арестовали мужчин, семьи всех троих сбежали в Карачай. А оттуда перебрались в Дагестан. Там они прятались в те годы. К счастью, или к горю, не одни они были там. Были и другие балкарцы.

Когда началась война, Асият вернулась домой с сыновьями. Да,

отсюда она проводила их – Хамзата и Чачия – на войну. Через много лет она и из Азии возвращалась окрыленная, с надеждой, что ее сыновья вернутся сюда. Здесь будут искать и ждать мать. Но ее здесь никто не встретил. Потом она узнала, где покоятся ее сыновья: один у Брестской крепости, другой на подступах к Берлину. Она ездила повидать их могилы. Говорила им, если слышали, на своем. Да разве услышат, там же их так много, и все матери хотят что-нибудь сказать своим оставшимся такими юными сыновьям на своем языке. А может, и слышали, разве они не запомнили ее голос? Сама бы она не смогла к ним поехать, если бы Халимат не стала ей попутчицей.

Она, когда выселяли их, выходила из дома одна. Не то чтобы одна была, ехала с соседями, сельчанами. А с кем еще она могла отправиться туда, если ее сыновья не успели обрадовать мать невестками? Асият часто беседует с ними, глядя на их пожелтевшие фотографии. Жаль, нет фотографии мужа, Бузжигита. И с ним можно было бы поговорить, рассказать ему, о чем она думает, чем живет.

В последнее время она стала путать имена своих детей. Виданное ли это дело?! Стыдно ей за это. Иногда забывает. Тогда обращается к ним: «Дети мои!», чтобы они не обиделись и не догадались. Их сестра Халимат, которую Хамзат и Чачий даже не знают, вставила их фотографии в красивые рамки и повесила на стену. За это Асият ей очень благодарна. Еще большую радость она испытала, когда внуки ее, дети Халимат, вышли с этими фотографиями на парад. Их, ее сыновей, ее героев, там все увидели.

Иногда она думает, что Хамзат и Чачий знают Халимат. А как они могут ее не знать, если видят каждый день? Хотя фотографии на стене не разговаривают, материнским сердцем чувствует Асият, когда они грустны, а когда радостны. Халимат часто стирает пыль с фотографий, и тогда они чувствуют тепло рук сестры, и лица их светлеют от радости.

В изгнании Асият жила в пригороде Алма-Аты. И Халимат она нашла там, на груди мертвой матери. В тот день, чтобы положили их – мать и братишку Халимат – в могилу подобающе, она отдала казаху самое дорогое – свой бухарский платок. Спасибо ему, прочитал все положенные дуа. А поминки по ним она сделала там же, как только появилась возможность. Созвала эфенди, и они читали из Корана суры. Фамилию Халимат она не поменяла, решила: пусть имена этих несчастных людей иногда произносятся.

Она не забывает, как плакали люди, когда умер Сталин. Даже в колхозе в тот день остановили работу. И она плакала, Асият. Бригадир Сайдулла, думая, что она плачет по Сталину, пытался ее успокоить, поглаживая по плечу. Потом делали дуа. До сих пор удивляется Асият, почему в тот день ему делали дуа, разве Сталин был мусульманином,

чтобы Аллах на том свете простил его? Да и оплакивала она вообще не его. Плакала по своему отцу, по братьям, по мужу, по тем другим, к которым судьба была так неблагоприятна. Но об этом она никому не говорила. Только Бог и она знали, по ком Асият плакала в тот день.

О том, что сыновья Асият и отец ее были героями, Халимат узнала позже, когда получила ответы на свои письма из государственных архивов. Асият рада, что их имена не потерялись, как многие другие. Пришли даже бумаги, где перечислены их награды, ордена, медали, даже описание, за какой подвиг и когда они их получили. Асият всегда знала, что не простых ребят растит. Иногда ей жалко, что они отдали жизни за страну, которая дала им столько испытаний.

Халимат грамотная. Она работает в школе. Она учительница. Асият довольна собой, что дала ей возможность получить образование. Благодарна и государству за это. Как только вернулись из изгнания, она только и делала, что смотрела на дорогу – ждала дочь, которая училась в городе. К тому же Халимат выросла красавицей. И сердце у нее такое же, красивое и доброе. Не было случая, чтобы она послушалась матери или обидела ее. Зять Асият тоже попался замечательный – чернобровый и черноглазый Жамал хороший отец и муж. И Асият как сын.

Он и два его брата выросли в разных детских домах. Их отец погиб на фронте, мама в изгнании. Братья только здесь познакомились друг с другом. Асият любит, когда они собираются вместе у них. Много интересного и веселого рассказывают они друг другу и смеются до упаду. Рассказывают старшие, младший не говорит. Он немой. Испугался чего-то в детстве, в детском доме. Про то время братья не вспоминают. Осман, старший, – чабан, а Мазан, младший, который не говорит, – тракторист. Жамал работает шофером.

В первое время Асият чувствовала себя неловко от того, что зять живет с ней в одном доме. Примаков-то не очень уважают в деревне. А теперь рада, что Халимат и Жамал не оставили ее одну. Красиво они живут. Никогда не видела Асият, чтобы молодые не так посмотрели друг на друга. Речи грубой не слышала. Это ли не счастье?

С бабушкой ночью спала раньше старшая внучка. Теперь они остаются по очереди. Асият своим внукам, девочкам и младшему, Алиму, пересказала все сказки, какие слышала от отца своего, но им это не надоедает, просят пересказать. Она научила их сурам из Корана. Дети знают «Фатиху» и «Аятул-курси». Многое она позабыла, а их помнит. Потому что им ее научила ее бабушка Жумарук.

- Халимат, – зовет она. – Что-нибудь слышно про Баттала?
- Про какого Баттала? Разве у нас есть в селе Баттал?
- А как же! Про мужа Шамдарий спрашиваю.
- Мама, так он же давно умер. Ты это знаешь, видно, позабыла.

Вспомни, мы вдвоем ходили к ним на соборезнование, ты и я, когда его не стало.

– Мы к Шамдарий ходили?

– Нет. Шамдарий еще в Киргизии умерла. Мы ходили к ее сыну Мустафе. Он теперь проживает в их доме.

– Значит, Баттал умер. А он думал, что никогда не помрет.

– Разве есть кто-то вечный в этом мире, кроме Аллаха?

– Он запрещал Шамдарий разговаривать с нами, называя нас «врагами народа». Ты это знаешь?

– Знаю, мама, знаю. Это было очень давно. Тебе уже не надо беспокоиться по этому поводу.

– Значит, они все вместе там. Если отец моих сыновей встретился с ним, интересно, что ему сказал Баттал? Они же были свояками, а он его предал... Как мне не беспокоиться об этом?! Когда мы вернулись из изгнания, если ты помнишь, мы приехали раньше, из-за того что тебе надо было учиться, он встал передо мной и сказал: «Оллахий, ты, Асият, и в воде не утонешь, и в огне не сгоришь. Вернулась живая, здоровая, хотя и являешься «врагом народа». Очень он меня тогда рассердил. Поэтому я его и выгнала со своего двора. Почему это я враг народа, когда мои сыновья победили Гитлера?! Хамзат погиб возле Бреста, а Чачий до самого Берлина погнал фашистов. И отец их никому ничего плохого не сделал. Боялся его и братьев моих Баттал. Видные они были, умные, высокие должности им доверяли. Да лучше бы не доверяли. Это их погубило. Сказать честно, колхоз, которым руководил Баттал, был создан благодаря стадам и богатству моего рода. Кого убили, кого сослали, уничтожили всех. Я горюю, дочь, потому что все это видела и претерпела. Одна осталась на земле после них. Ты же знаешь, есть поговорка, что хорошие уходят, а последним остается тот, кто хуже всех.

– Не говори так, мама.

– Кто уходит, говорят, рассчитывают на нас, надеются. Сегодня, благословенная пятница, надо раздать садаку моим и твоим. Возьми из моей пенсии.

– И без этого сделаю.

– Нет, из пенсии, за свой труд ее получаю. Возьми оттуда.

– Как скажешь, мама.

Халимат любит смотреть, как ее старенькая мама считает четки, иногда поднимая ясные, мудрые глаза и бросая взгляд на фотографии своих сыновей. Тогда лицо ее теплеет, а на сердце Халимат снисходит покой. Там, где вера и молитва живут вместе, старость бывает красивой. Это она знает точно. Поэтому просит долгой и спокойно жизни своей маме Асият. А Асият думает, что Аллах ее позабыл.

Перевод автора

«Я БУДУ ИХ БЕРЕЧЬ...»

Ариужан удивляется тому, что война такая долгая. Ей кажется, что она еще не кончилась. Ее поймут те, кто знают ее судьбу. Не любит она возвращаться в молодость. Но все же не вычеркнуть того, что было в жизни. К тому же, в последнее время ее мысли витают вокруг Старого Холама. Они часто ведут ее туда.

Они с Салихом выросли в одной округе. И в школу ходили вместе. Теперь, когда она рассказывает своим внукам о его шалостях, они так смеются, что старая Ариужан забывает о своей самой большой обиде на судьбу. А внуки любят слушать о нем. Однажды Салих привязал свои деревянные сани, которые ему выстругал дед, к хвосту коровы, которую погнал на водопой. Когда их кормилица, любимая корова, вернулась без хвоста, отец Салиха гнался за ним до большой дороги. Потом вернулся, потому что постеснялся стариков, которые сидели там на ныгыше¹. Любят разговорить бабушку дети.

Ариужан жизнь кажется длинной, а счастье – коротким. Она знает, что их отмеряет Бог, но все же, хотя и не может об этом сказать вслух, не совсем верит в это.

На второй год войны дали Салиху десять дней на побывку дома, потому что он совершил подвиг. Это слово очень нравилось Ариужан, и она любила его повторять. Когда он появился в конце улицы с орденом на груди, толпа собралась вокруг него: дети, взрослые, старики. Сколько было радости! Ариужан бы тоже пошла, да только постеснялась.

В тот же день пришли сватать Ариужан. Свадьба была на следующий день.

– Раньше молодая невестка за занавеской в углу находилась не меньше месяца. А меня вывели к родственникам мужа быстро, даже недели не подождали, – вспоминает она иногда то ли с обидой, то ли с удивлением – не понять.

Но и сегодняшние свадьбы ей не по нраву. «Что эта за невестка, которая хотя бы несколько дней не прячется от родственников мужа за занавеской, не стесняется их, не стоит, присмирив, опустив глаза, не разговаривает в знак уважения со старшими родственниками мужа до определённого обряда? Как она может стать достойной снохой?» – говорит она, побывав на очередной свадьбе.

Они хотели, чтобы у них было по крайней мере четыре ребенка – две дочери и два сына. Для брата – брат, для сестры – сестра. Да, так бы и было, если бы Салих вернулся с фронта.

Три письма Ариужан получила от Салиха. Она их повезла с собой в Азию и привезла оттуда. Бумага стала мягкой, слова стали стираться

¹Ныгыш – место, где старики собирались для бесед.

ся, столько раз она их перечитала. Недавно внук Жанболат покрыл их пленкой. Ариужан радуется, что теперь не стоит бояться того, что они порвутся. «Ну, а как же, все что я видела, они тоже видели, – думает она. – Столько раз они утешали меня». А в музей она их не отдала. Разрешила только снять копии.

– Ання, здесь про тебя ничего не написано, – разочарованно говорит внучка Аминат, возвращая ей письма. – Что ты их так лелеешь?

– А как ты хотела? Это же надо так подумать! Как бы он написал про меня, если это письмо должны были прочитать его родители, соседи, да и все село? Это вас не смущает, даже мужей своих зовете по имени. В наше время это было непозволительно, – говорит Ариужан с возмущением.

Она знает, если бы не обычай, он все эти листки наполнил бы ее именем. Если бы он не пропал на войне, разве она так жила бы, молясь на единственного сына Хажимурата?

В Холаме никто не живет. Село после войны и переселения не восстановлено. Если бы было по-другому, она ни за что не поселилась бы вдаль. Что делать? Зато здесь, недалеко от города, все свои – холамцы, и каждый знает, что это дом Салиха, что здесь живут сын его и внуки.

Все, чего не успели сделать Салих и Ариужан, сделал Хажимурат – бегают по двору девочки-красавицы, как бусинки, Аминат и Халимат, мальчишки Ахмат и Хызир, похожие на деда. «Слава Богу, – говорит Ариужан каждый раз, – столько раз смотрели мы в лицо смерти, а Он все равно вернул нас на Родину».

Она, как только представится случай, на уразу или курман, обязательно поминает родителей мужа. «Это легко, когда всего полно, – говорит она. – Да только тогда, в те горькие дни, когда они, бедняжки, ушли друг за другом, не могла ничего для них сделать. Вот этого не могу забыть и простить себе». Еще больше ей оттого, что их могилы остались далеко от родной земли. Свекор умер по дороге в Азию, а свекрови досталась там первая могила. Вот так и распалась их семья...

А Хажимурат ждал... брата. Не находил в себе мужества сказать матери об этом, боялся сделать больно. И что сказать, когда и сам пока еще не совсем все знает?

Тот день не заставил себя ждать. Среди тех, кто спускался по трапу, Хажимурат как-то сразу обратил внимание на мужчину, очень похожего на него. Тот, видно, тоже сразу узнал его и бросился к брату, которого видел первый раз в жизни. Они обнялись, и непрошенные слезы осветили их лица и души. Друг Хажимурата Шаухал стал свидетелем этой исторической для каждого из них встречи.

– Меня зовут Мурат, – назвался гость. И, глядя в глаза брату, отметил, рассмешив всех троих: – Видно, очень любил тебя отец, потому что дал тебе полное имя, а мне половину твоего.

«Не он, а дед дал мне это имя», – подумал Хажимурат. С сожалением говорили всегда, что отец так и не узнал про рождение сына и никогда не видел его. Хажимурату показалось, что его всеобъемлющая любовь к отцу рушится вмиг, такая ревность обуяла его. Но он преградил путь таким мыслям и, чтобы еще больше оттолкнуть их от себя, первым спросил:

– Как ты? Как долетел?

– Прекрасно. Два часа до Москвы, два часа сюда. И я с тобой. Это совсем немного, – сказал Мурат весело. Но этого хватило не намного: – А отец наш так и не смог преодолеть это расстояние, – добавил он с грустью. – Ты не обижайся на него.

Хажимурат промолчал. Как ему сказать, что он всю свою жизнь завидовал тем, у кого были отцы? Как сказать, что он тосковал по отцовскому теплу, по его словам? Как рассказать через какие невыносимые испытания прошла его мама, даже не поменяв платок невесты на другой? Как сказать ему, что даже сегодня она клянется именем отца, выражает благодарность словами: «Атанг сау келсин!» (Да чтоб отец твой вернулся живым!), совсем искренне думая, веря, что так и будет?

– Гостей принимаете? – с этими словами переступил он порог дома, пропуская вперед своего брата и друга.

Ариужан заканчивала намаз. Все ждали, никто не посмел бы оборвать ее молитву. Аслижан легко поднялась с коврика, повесила его на место в углу. И только потом вышла из своей комнаты. Ей показалось, что вернулся Салих, и она быстрыми шагами направилась к гостю. Обнимая Мурата, она боялась, что этот сон может кончиться. Знала, что это сон. И в это время услышала голос свекрови:

– Келин ², да стану я и твоей жертвой, не обижайся на моего единственного, прости его и пойми.

– За что, мать моя? Вот он, вернулся!

– Ты ошиблась. Он со мной. К тебе он послал сына, через него молит прощения. Келин...

«Столько лет прошло, разве мог он остаться таким молодым?!» – дошло до нее, и она в недоумении, жестоко обманутая, отодвинулась от Мурата, но все же почувствовала в нем тепло Салиха.

– Мама, это Мурат. Мой брат. Он приехал познакомиться с нами и рассказать про отца.

– Да, вот вам от отца. Я обещал ему... – Мурат протянул Ариужан письмо.

Она взяла его, извинилась и ушла в свою комнату. С тех пор, как ей сделали операцию на глаза, видела великолепно. Почерк мужа узнала сразу.

² Келин – сноха. Так называют балкарские женщины своих снох и снох близких родственников и соседей.

«Ариужан! Когда эта бумага дойдет до тебя, меня уже не будет. Так и знай. Прошу тебя, дочитай до конца. Еще раз хочу напомнить тебе, что я всегда любил тебя, и не было дороже тебя у меня никого. Поверь мне, это так.

После того как я вернулся из отпуска на фронт, в одном ожесточенном сражении был тяжело ранен и попал в госпиталь. Пролежал там почти полгода и вышел оттуда безногим инвалидом. Там же узнал про выселение, про смерть родителей. И решил не быть тебе, той, в которую были влюблены все парни моего села, в тягость. Не хотел портить тебе жизнь. Хотел, чтобы ты обрела новое счастье. Потому и не давал о себе знать. А про сына не знал. Если бы знал, прополз бы к нему до края земли, чтобы хоть один раз увидеть его. За него я очень благодарен тебе.

Я живу в маленьком городке Кагарлык. Это на Украине. С Зиной, она была татарка, покинула этот мир, тоже встретился тут. Работал сапожником. Теперь уже на заслуженном отдыхе. Недавно внук мой Азамат нашел в Интернете Аминат. Это она ему поведала о сыне моем Хажимурате и о вас всех. По милости Аллаха, вот таким образом получил весточку от вас. Если бы ты знала, как я рад!

Прости меня, если сможешь. Только этого прошу у Бога. Смалодушничал я по молодости, теперь не повернуть все обратно. Моя Ариужан, если бы ты знала, как я хочу увидеть сына хоть одним глазком! Если бы ты знала, как я хочу хоть на минуту побывать в Холаме, постоять в окрестности Тотур, чувствуя, как меня обнимает ветер, выпить из родника даже летом студеную воду! Ариужан, ты поймешь мою тоску. Но я... прикован к постели, болен очень. Жить мне осталось недолго.

Для тебя я сшил туфли. Не верил, что когда-нибудь ты их наденешь, а теперь верю. Когда Мурат привезет их тебе, пусть его старший брат, моя гордость Хажимурат, покажет ему, где мы с тобой росли.

Любящий тебя Салих».

Ариужан, прочитав письмо, прижала его к груди и долго сидела молча. Потом подошла к портрету Салиха, что всегда висел не стене, и всмотрелась в его лицо. Всмотрелась потому, что изменился его взгляд. Грусть оттеняла его лицо. Он смотрел на Ариужан вопрошающе и умоляюще. И она не помедлила:

– Думала, что горше меня не было никому на свете... Через какие бы испытания ни прошли, мы дома, у себя. А ты остался далеко. Ты более несчастен, чем я. Не думала, что ты такой малодушный. Да как же ты не понял, что для меня важнее было твое дыхание, чем ноги?! – укорила она его. Но потом снова смилостивилась: – Да разве есть такая вина, за которую не смогла бы я простить тебя, сын моей свекрови? А Мурат очень похож на тебя. Как же я его не полюблю? Спасибо матери его, она утешила тебя, когда тебе было больно и плохо без нас.

С этими словами, успокоенная и просветленная она вышла из комнаты.

Неделю Мурат гостил у них. Куда бы они с Хажимурамом ни поехали, Ариужан была с ними. А иначе и быть не могло. Если бы не она, кто показал бы Мурату древний Холам? Кто показал бы ему дом его отца, место, где его отец и дед косили траву, пасли овец и гарцевали на лошадях?

А туфли пришлись впору, как будто Салих их сделал по меркам. То ли внучки, то ли их мама, кто-то положил эту красную коробку в шифоньер. Ариужан иногда вытаскивает их и смотрит. Долго смотрит, а потом говорит:

– Буду носить их бережно. Отец моего сына не сошьет такие снова. Только на свадьбы и буду ходить в них. Больше никуда!

Она погладит их натруженными, шершавыми руками и ставит обратно в красную коробку.

Перевод автора

ОДИНОКИЙ ВОЛК

Недалеко от кошары Адемея живет одинокий волк Ташчайнар, так его окрестили пастухи. Они к нему привыкли. Привыкли к нему и собаки, стерегущие отару, и не обращают особого внимания. Да и тот не доставляет хлопот. Иногда он выходит на солнце погреться. Порой воеет на луну, видно, погрузившись в воспоминания. О чем его воспоминания – о хорошем или... Никто этого не знает, кроме Хызира. Тот понимает, как трудно привыкать к одиночеству. Было ведь время, когда этот Ташчайнар был храбр и силен. У него была подруга. Они вырастили не одно поколение волков вместе. Это все осталось в прошлом. Возможно, волк тоскует о былом.

Его отец и мать, их родители, прародители тоже жили здесь, в этих местах. Поэтому он не может покинуть это место, как другие его сородичи, его выросшие волчата. А те ушли кто куда, в поисках пищи. Он не держит на них зла. За что? Они же должны думать о будущем, рожать щенков, учить их всем премудростям волчьей жизни.

Он знает, если они не будут смелыми и решительными, род волков может оборваться. Когда он начинает так думать, в последнее время часто вспоминает своих родителей. В то время здесь и подальше было много кошар. И скота было много. А теперь редко, когда встретится отара. Да и дым идет только из единственной кошары. Только отара Хызира оживляет эти выпасы. Больше ни людей, ни овец не видно в этих краях.

Волк хорошо помнит отца Хызира – если, случалось, не успевали

зарезать барана, и он умирал, Адемей приносил его мясо и оставлял возле волчьей норы. Это знали все. Только одному чабану это не нравилось – длинному Сюлемену. Он по этому случаю как-то сказал:

– Алан, Адемей, не встречал я такого человека до тебя, – турам таскаешь соль на своей спине, ладно, их мясо хотя бы съедобное для нас, мусульман. А вот почему печешься о волках, не понимаю. Видимо, ты, таким образом, хочешь перейти Мост Сират³ и очутиться в раю, когда покинешь этот мир.

Конечно, волк этого не слышал, но понимал, кто чего стоит.

– Они тоже созданы Богом. Мыслят по-человечески. Живут семьями. Вот уже более десятка лет мы живем с ними по соседству, ни одного нашего барана они не задрали. Это тоже в их обычаях – не делать пакости соседям. Этот их нрав может послужить примером для некоторых двуногих, – отвечал ему Адыхам.

– Ну, тогда скажи, что угощаешь любимых соседей, – смеялись молодые чабаны.

Адемей Ташчайнар узнавал по запаху, даже будучи в своей норе. Теперь его нет. Когда очередной весной отара вернулась в кош, он долго всматривался в пастухов, надеясь увидеть среди них Адемей. Ждал, жаждал встречи с ним. Его не было.

В ту ночь он долго выл на луну. Из коша стреляли в его сторону, а он все выл и выл. Никто, кроме Хызира, не додумался, по кому плакал Ташчайнар. Зимой он потерял подругу, а теперь и Адемей. Если бы Адемей был жив, он понял бы все.

Десять лет были вместе Ташчайнар и Карачык⁴. Девять раз приносила приплод Карачык. У каждого своя судьба. Кого-то порвали или собаки, или свои, кто-то умер по другой причине. Живые, победители, скитаются с подругами по свету, живут в норах, вырытых ими.

В связи с тем, что скотины здесь в горах становятся с годами все меньше и меньше, они не захотели здесь обосноваться. Ташчайнар, который одним взглядом заставлял их поступать так, как он считает нужным, не стал их останавливать. Как жить в этом опустошенном мире?

С тех пор как его покинула Карачык, он один. Вот о ней он хотел рассказать Адемю. Старый чабан понял бы и пожалел его.

Вспоминая свою молодость, многому удивляется Ташчайнар. Куда ушла его сила? Никто не смел при нем нарушить законы волчьей стаи. Карачык нравилось сидеть рядом с ним на задних лапах, подняв голову. Она гордилась им. Иногда они вместе бегали по окрестностям, порой прижимаясь друг к другу боками, опустив хвосты. Это было время,

³ Мост Сират – тонкий, как нитка, мост, по которому могут пройти в рай только те, кто без греха.

⁴ Карачык – букв. «Чернушка».

когда слава Ташчайнар была на высоте. Теперь нет тех волков, которые на животах приползали к нему, оказывая жожаку уважение. Возможно, они не все покинули этот мир, просто стали другими...

Однажды Карачык обрадовала его тремя щенятами. По этому случаю он напал на тура, помнится, и устроил большой пир. Присутствовал там и чужак, который потом стал жожаком стаи. Да, надо признаться, он был молод и силен, беспощаден. Был жесток как к своим, так и чужим. Не нравился он Ташчайнар, хорошо, что ушел отсюда. Жаль, что увел за собой многих, которые забудут о волчьих нравах.

А щенят тех, когда они оставались одни, забрали мальчишки, что приезжали помочь старшим во время заготовки сена. Ташчайнар простить не может себе, как он ругал ее, а Карачык скулила и скулила. Две ночи они выли на луну, оплакивая своих волчат. Адемей слышал их и понял, что случилась беда – два дня он не видел волчат возле норы. Сон покинул его...

Как только отара его разошлась по выпасу, отправился в соседний кош к Зулкарнию. Из разговора с ним он понял, где надо искать волчат. Не поленился, оставив отару на Харуна, он спустился в село и вернул волчат. Когда он выпустил их из холщового мешка, они, жалостливо скуля, побежали к норе. Ташчайнар и Карачык прибежали, обгоняя друг друга на их звуки...

«И теперь бы помог мне Адемей, если бы...» – думал волк.

Наступил вечер, на небе появились первые звезды. Показалась и луна, сначала острым углом зацепившись за край скалы, задержалась там, недоуменно рассматривая округу, вскоре она оторвалась и поплыла по звездному небу.

Ташчайнар смотрел и видел все. Он долго смотрел на свет в окошке кошары Хызира. Потом завыл. Сначала тонко, еле слышно, а потом громко, жалостливо. Над самой высокой скалой остановились две звезды. Они тоже плакали с ним вместе. Они не оставили его до утра, не могли уйти, оставив его в очередной беде.

Немного погодя еще одна звезда засветит рядом с ними. Ташчайнар знает, что это будет он.

Перевод автора

НОМЕР РАЗ...¹

Глава вторая

В течение одного года Незрелович отгрохал трехэтажный дом. Всё в нем – увенчанные античными капителями громоздкие колонны, гипсовые карнизы, кованые перила лестницы, рамы бесчисленных зеркал – было покрыто позолотой. Из-за спешки и ненадлежащего исполнения своих обязанностей вороватым прорабом, семейное гнездышко получилось неуютным и сыроватым, как оваянная мрачными легендами средневековая крепость из основательно забытых в эти нерыцарские времена рыцарских романов. Эти и другие конструктивные особенности здания весьма затрудняли определение его архитектурного стиля, но впоследствии, с легкой руки писательницы, известной старинным русским именем и глубоким пониманием современных реалий, Валентина обозначила его как «кококо».

Двор Аслан огородил двухметровым забором и поставил точную копию виденных когда-то в знаменитом революционном фильме царских ворот, хотя эта претенциозная конструкция, или реконструкция, не лезла ни в какие ворота рядом с обшарпанными оградами других застройщиков.

Четко следуя марксистско-ленинскому курсу в вопросе экспроприации экспроприаторов, Аслан лихо решал проблему лишних денег у робко пробивающегося на заре дикого капитализма класса предпринимателей и сказочно, неприлично богател. Он заставил все комнаты громоздкой дорожкой мебелью и повесил похожие на коконы вредных экзотических бабочек огромные люстры и кричащие о безвкусице занавески и ковры.

Однажды муж привёз сейф чудовищных размеров и, отпустив двух ухмыльнувшихся грузчиков, собственноручно, обливаясь потом, установил его в тайной комнате, устроенной за четырехдверным шкафом – колоссальным подобием надгробия застреленного во время бандитских разборок братка. Будто потихоньку наведываясь в сказочную пещеру Али-Бабы, Аслан приносил драгоценности гроздьями, а наличность, чаще всего зелёные ассигнации, собирал в большие полиэтиленовые пакеты и заботливо прятал в сейф. Вален-

¹ Продолжение (начало см. в № 1).

тине казалось, что пачки купюр в руках мужа вот-вот превратятся в разноцветные фантики и этикетки от бутылок, как на незабвенном представлении театра-варьете, устроенном проезжим духом, вечно жаждущим зла, но невольно или по доброй воле совершающим благо.

Странное то было время, странная страна. Самые рьяные последователи исторического материализма в одночасье превратились в исторических материалистов, о чём прозорливо предупреждал в своей фееричной пьесе поэт-трибун, бескомпромиссный ненавистник мелкобуржуазных ценностей. Неизвестное доселе добропорядочным гражданам понятие «жить по понятиям» проникло во все сферы жизни и прочно укоренилось везде, покрывая коростой проказы бранные останки надстройки и базиса.

Став довольно известной личностью в определенных кругах, Аслан, однако, неохотно обременял жену наличностью и карманными деньгами не баловал – он сам приносил всё необходимое, вплоть до интимных предметов женского туалета. Имея только дальнюю родню, Аслан особо их не привечал, да и родственников жены не любил, даже к матери, в одиночестве коротавшей свои дни, отпускал нечасто. Завидев дочь из окошка своего ветхого домика (зять так и не взялся за обещанный ремонт), мать выбегала на порог и встречала её со словами: – Наконец-то ты вырвалась из своей позолоченной клетки!

Общение с одноклассниками и друзьями супруг тоже не одобрял, но на праздники в своем кругу водил Валентину часто и с удовольствием, причём одежду и драгоценности, несмотря на её протесты, выбирал ей сам.

На одном из таких торжеств она неожиданно увидела бывшего одноклассника Мурика. Он неловко топтался на небольшой эстраде с микрофоном в руке, блистая чешуйками обтягивающего серебристого, похожего на скафандр комбинезона, словно Ихтиандр, перегревшийся под палящими лучами беспощадного тропического солнца.

Спустя некоторое время Мурик возник перед Валентиной, уже одетый в униформу официанта, с аккуратно зачёсанными назад сидящими на висках кудрями и угасшим взглядом. Улыбнувшись одними губами, он протянул ей поднос с коктейлями. После её отказа от дегустации разноцветных напитков, явно напоминавших школьный кабинет химии и смутное выражение «жидкое агрегатное состояние», Мурик направился к другим гостям, но Валентина схватила его за лацкан белого лакейского пиджачка:

- Мурик, ты что здесь делаешь?
- Как что? Пою...
- Голос прорезался? – засмеялась Валентина.
- Друзья говорят, что у меня приятный баритональный дискант, – скривил губы Мурик, – да и вообще, наличие голоса сейчас не обя-

зательно. Достаточно вести себя как можно раскованнее и нахальнее. Нахальство – это главная примета нашего времени, ты не думала об этом, Валентина?

– А эта ливрея? Входишь в новый образ?

– Я и официантом подрабатываю...

– Подрабатываешь? А основная работа?

– Я тачкист, на рынке.

– Тачкист? Что это? – искренне удивилась Валентина.

– Ты забыла уроки русского и способы словообразования? Раиса Аскеровна этого не одобрила бы, – усмехнулся Мурик. – От слова «тачка»... Ну, носильщик...

– Как носильщик? Ты же был лучшим учеником в школе...

– Ты тоже была не последней ученицей, но выбрала в мужа бандита, очень незрелую личность, – с нажимом сказал Мурик.

Бесстрастным взглядом окинув с ног до головы Валентину, увешанную золотом, как многорукая индийская богиня изобилия Лакшми, возникшая из лотоса и сияющая на солнце, он добавил:

– Хотя, судя по количеству драгоценностей на тебе, ты, видимо, совершенно счастлива...

Валентина сконфуженно улыбнулась, не замечая, что за каждым её движением ревниво следит лиловое око супруга. Как раз в этот ответственный момент, под одобрительные клики друзей, он наполнил огромный рог терпким вином из бутылки, демонстрируя окружающим гордую этикетку «Киндзмараули», хотя эту субстанцию от оригинального продукта отделяла ощутимая дистанция, определяемая неведомыми мужу тонкостями технологии производства и выдержки.

Искоса наблюдая за женой, Аслан физически ощущал, как под его чисто выбритым черепом что-то шуршит и чешется, словно и в самом деле сквозь многослойный эпителий кожи пробивались первые робкие рожки, обещавшие стать мощными ветвистыми рогами.

Через пару часов Мурик снова появился возле сцены в чешуйчатом обличии, собираясь сменить существо непонятного пола в костюме божьей коровки, больше похожем на шляпку перезрелого мухомора. Высоко подпрыгивая и выделявая членистыми конечностями невероятные па, оно настойчиво предостерегало от продолжения отношений с эффектной девушкой, имевшей анатомический дефект в виде гранитного камушка вместо сердца.

Забравшись на подмостки, Мурик включил минусовку и взял микрофон из латексной лапки членистоногого певца, покидавшего сцену под жидкие хлопки публики. То пропадая в плотных завесах табачного дыма, то вдруг вырастая из тумана, как айсберг, весьма опасный, как известно, для встречных кораблей, Мурик, печально потряхивая поредевшей гривой, поведал об эротических фантазиях загулявшего

поэта, обнаружившего за соседним столиком девушку, которая, в отличие от предыдущей, являла собой чистейший образец чистой прелести, но, увы, принадлежала другому.

По окончании банкета Валентина, так нигде и не найдя запропастившегося куда-то мужа, остановила Мурика, отъезжавшего от сверкающего огнями ресторана на какой-то развалине, когда-то в прошлой жизни бывшей двухдверным мини-вэном, и попросила подвести её до дома.

Когда заря багряной рукою неохотно вывела на бледный небосклон заспанное солнце, Валентину разбудил чудовищный грохот. Она торопливо растворила обшитую дубовым шпоном тяжёлую металлическую дверь – совершенно неадекватный Аслан, сверля её здоровым мутным глазом, сдернул с плеча хорошо знакомый ей по урокам незабвенного военрука Фосгена автомат Калашникова и направил оружие на жену. Пошатываясь, он передёрнул затвор и, еле ворочая языком, шлёпа безобразно отвисшей нижней губой, взревел, как дальневосточный марал, отвергнутый самкой во время брачного периода:

– Что, не ждала меня? Думаешь, я не знаю, что ты была с этим неудачником? Тебя видели в его машине! погоди, скоро этот твой Мурик станет жмуриком!

Застыв на месте, будто превращённая в соляной столб непослушная библейская жена, Валентина ошалело смотрела в злобно прищуренное выходное отверстие автомата и молчала: весь имевшийся в её арсенале активный словарный запас мгновенно вылетел из памяти и стайкой, вкупе с запахами и звуками, умчался куда-то наискосок.

В полном соответствии с важнейшим принципом драматургии, предписывающим обязательное применение появившегося на сцене оружия, взбешённый муж пустил автоматную очередь поверх её головы – огромная люстра венецианского стекла с оглушительным грохотом рухнула на мраморный пол с потолка высоченной двухэтажной прихожей и взорвалась тысячами хрустальных брызг. Удовлетворённый масштабами нанесённого собственной недвижимости ущерба, Аслан круто развернулся, и ноги, обутые в заляпанные грязью лакированные туфли сорок третьего размера, временами подкашиваясь, понесли его вон со двора по дорожке, вымощенной гиперпрессованной красно-белой плиткой.

О дальнейших событиях упавшая без чувств Валентина узнала только из эмоциональных свидетельств редких в этот ранний час прохожих и скурых отчётов милицейского рапорта.

На улице Аслану преградил дорогу фонарный столб, внезапно возникший у него на пути, словно отвязный гопник из подворотни. Венец природы отважно вступил с ним в конфликт, который разрешился не в его пользу, несмотря на настойчивые увещания и не

очень добрые слова, подкреплённые условным кольцом. В итоге муж, отступая, и отделавшись лёгкими телесными повреждениями, развязал полномасштабные военные действия с применением огнестрельного оружия против недружественно настроенной армии соседских собак.

Отмутузив и разогнав тузиков и шариков, вояка заметил, что на пути у него встал новый сильный враг: древняя старушка выглянула из ворот, лихорадочно обматывая трясущуюся седую голову шерстяным платком. Аслан рванул на себя калитку и рявкнул почему-то на ломаном немецком: «Хальт! Хенде хох!» – словно фашист, пополняющий продовольственные запасы курками и яйками за счёт населения оккупированных территорий. Решив с перепугу, что снова пришли проклятые немцы, бабка грохнулась в обморок.

Вызванные свидетелями происшествия компетентные органы повели себя крайне некомпетентно. Хмурые милиционеры, сорванные с затянувшейся пьянки по случаю присвоения одному из них очередного звания, отсиживались за каменной стеной склада стройматериалов, вяло отстреливаясь из единственного парабеллума, выданного под расписку замначхозом за неимением другого исправного оружия.

Нарушителя спокойствия повязали и притащили в отдел внутренних дел только после того, как у него закончились патроны. Спешно проведённые оперативные мероприятия выявили, что в результате предпринятой Асланом психической атаки не пострадало практически ни одно животное. Упавшую в обморок старушку оперативно откачали и отправили восвояси получившие щедрое вознаграждение врачи, напоследок убедив её в том, что данное происшествие окажет благоприятное воздействие на её изношенный организм, мобилизовав все скрытые резервы, и даже некоторым образом продлит ей жизнь. Выплатив моральную компенсацию всем пострадавшим и служителям порядка (для порядка), задержанный с лёгким сердцем и весьма облегчённым кошельком вышел на свободу.

Он явился в дом к тёще, куда в ужасе сбежала Валентина, неумело реанимированная местным ветеринаром, работавшим на полставки в фельдшерском пункте.

– Тебя уже выпуШтили из сумасшедшего дома? – ледяным тоном встретила она Аслана.

Опустив здоровый синий глаз долу, проштрафившийся муж зашуршал пакетом с логотипом известного ювелирного бренда и явил взорам хмурых женщин плоский продолговатый футляр с золотым позументом, размером с коробку любимых Валентиной шоколадных конфет «Ассорти». Аслан положил подарок на покрытый изрезанной клеёнкой кухонный стол, толстая нижняя губа отвалилась, глаза заволоклись слезами – далее последовал второй акт уже хорошо знакомого Валентине Марлезонского балета с ползанием на

коленях, неистовым прикладыванием чела к маминому ветхому линолеуму и проливанием вовсе не скупых мужских слез.

Вечером того же дня она вернулась домой с мужем, постепенно, по мере выветривания алкогольных паров, принимавшим облик более или менее приближённый к человеческому. Валентина под сердцем уже носила ребенка, а ему, как известно, жизненно необходимо наличие второго родителя, пусть даже такого безмозглого, как Незрелович. «Зато он добрый и отходчивый, – вздыхала бесхарактерная Валентина, – но если ещё раз он сделает что-то подобное...»

Очередные раскаты грома на ясных небесах семейных отношений грянули через год. После рождения дочери Аслан стал чаще пропадать из дома, а Валентине помогала бывшая соседка по парте Светка, сама бездетная, растолстевшая до немыслимых размеров на дармовых хлебах свёкра, главы местной администрации, потихоньку распродававшего сельскохозяйственную технику и сдававшего в аренду уголья процветавшего некогда хозяйства. По вечерам Светка уходила домой, а Валентина с дочкой оставались одни.

Уже было поздно и темно, печально завывал ветер, и мелкий осенний дождик стучал в окно, когда назойливая представительница хорошо знакомого Валентине кочевого народа, чья далеко идущая просьба выпить подразумевает более продуктивную помощь в виде продуктового набора или осязательного для кармана денежного вспомоществования.

У девочки резались зубки, она капризничала, и гладившая белё Валентина подталкивала колыбельку, вполглаза поглядывая по телевизору на выкрутасы дикой, явно переоценённой мексиканской актрисы, которая пыталась компенсировать неохватным бюстом и маленький рост, и сценические промахи.

Входная дверь тихонько стукнула, и Валентина, ожидая лицезреть загулявшего мужа, которого не видела уже более суток, помимо воли нахмурилась. Через минуту в комнату ввалились трое мужчин с натянутыми на головы чёрными колготками (балаклавы, незаменимый атрибут разбойничьего промысла, тогда ещё не получили широкого распространения). Велев хозяйке, и так потерявшей дар речи, заткнуться и не рыпаться, они принялись переворачивать дом вверх дном. Не найдя желаемого, в лучших традициях расплодившихся после смены общественной формации бандитских сериалов, один из них аккуратно высвободил из рук Валентины горячий утюг и, размахивая им в непосредственной близости от ее лица, потребовал выдать нужную информацию:

– Где твой муж прячет сейф? Отвечай, а не то...

– Не от-творячайся, мы же т-тебя только погладим! Но з-зато останешься с к-клеймом на лице, как миледи из фильма о м-мушкетёрах! – хо-

хотнул, заикаясь, второй, не очень речистый, и чисто по-женски откинул с плеча свисавший с колготок чулок, совсем как томившаяся в башне обладательница многометровой косы и труднопроизносимого имени, – еще одно порождение бурной фантазии сказочных немецких братьев.

– У нее на плече было клеймо, болван! – поправил его третий, видимо, тонкий знаток если и не зарубежной литературы, то советского кинематографа.

– Да заткнитесь вы, придурки! – прикрикнул на подельников первый, очевидно выполнявший функции мозгового центра и технического директора операции.

Девочка проснулась и жалобно запищала. Передав утюг эстетически подкованному ценителю искусства, любитель чужого добра, не чуждый доброты, принялся бережно качать люльку, при этом свистящим шепотом осыпая женщину угрозами:

– Что ты выбираешь: жить на этом свете или умереть ради украденных мужем грязных денег?

– Кошелёк или жизнь? – красноречиво размахивая перед лицом Валентины электрическим прибором, вкрадчиво спросил киновед, облекая корявую мысль технического директора в более привычные речевые формы, пока тот легонько покачивал люльку, вполголоса убаюкивая кряхтевшего ребенка.

– Ты как предпочитаешь умереть, лёгкой смертью или хочешь помучиться? – заскучавший кинолюбитель снова обратился к женщине и не без иронии посмотрел на своего недалёкого собрата, намекая на культовый фильм, в котором демобилизованный красноармеец во время бесконечного перехода по барханам практически в одиночку подавил очаг контрреволюции, попутно освободив обречённых на вековечное домашнее рабство прекрасных и не очень обитательниц гарема.

– Хотелось бы, конечно, помучиться, – в тон ему ответила Валентина, понемногу отходя от ступора.

Киноман загоготал во всё горло, но главарь цыкнул на него:

– Тише, ишак, ребенка разбудишь...

После такой интермедии Валентина, чувствуя себя героиней какой-то глупой комедии, покорно вступила в супружескую спальню и указала романтикам с большой дороги на громадный шкаф с секретом.

– Сегодня милостью Аллаха мы потрогаем за вымя богатенького Буратино, – улыбаясь в предвкушении большого куша, знаток классики подступил к могучему немецкому устройству торговой марки «Мюллер», известному всем обладателям лишних денег.

Введя комбинацию цифр – дату рождения Валентины – и продемонстрировав обескураживающую осведомлённость о её личных данных, парень с похвальной оперативностью открыл механизм, ос-

нащённый системой блокировки, не имеющей аналогов (по крайней мере, по мнению бахвальных немцев). Колоссальная стальная дверь полуметровой толщины беззвучно поддалась и открыла алчущим взорам просторное вместилище, за прочными стенками которого свободно могла бы спастись от ядерного апокалипсиса среднестатистическая семья из трёх человек.

После достаточно продолжительной мхатовской паузы последовал вопль разочарования, причём в общем хоре доминировал голос хозяйки – тайник оказался неутешительно пуст. Лишь на самом дне сейфа лежала кипа каких-то бумажек, которые при ближайшем рассмотрении оказались долговыми расписками. После тщательного их изучения мозговой центр операции мрачно выдал убийственную информацию:

– Да у них ничего нет! Даже этот дом с мебелью заложен и перезаложен...

Работники ножа и утюга убрались восвояси, прихватив с собой практически всё содержимое платяных шкафов, в том числе две Валентинины шубки и три замшевые куртки Аслана.

Наутро в дом снова явились незваные гости – полтора десятка неприятных суетливых лиц, на которых стояла несмываемая печать принудительной и продолжительной прописки в казённом доме. Представившись сотрудниками филиала известного в те лихие времена банка – отличного банка, отличного от других, – они велели ей очистить помещение, взысканное в счёт погашения выданных Аслану миллионных кредитов вкуче с набежавшими процентами.

Так, через два года после свадьбы Валентина оказалась на пороге родного дома с полугодовой дочкой на руках и двумя сумками личных вещей, которые ей позволили забрать из разорённого семейного гнезда.

К удивлению Валентины, ожидаемый с мстительным нетерпением третий акт Марлезонского балета так и не состоялся ни в этот, ни в последующие дни – мужа и отца своей единственной дочери она так больше и не увидела. Лишь через пару месяцев весть о нём принесла бывшая нянька Света, которая по привычке захаживала к её дочке. Подбрасывая визжавшего от страха ребёнка на толстых коленях наподобие едущей по колдобинам телеги, она скороговоркой тараторила детскую считалку:

– По кочкам, по кочкам...

Треща без остановки, Светка подкинула малышку к потолку и, ловко поймав её, тут же выпустила из рук – девочка с визгом провалилась в импровизированную пропасть между её разведёнными ногами, обтянутыми новомодными цветными лосинами, и, подхваченная почти у самого пола, зашлась от истерического смеха. Света бросила на подружку быстрый взгляд и, отведя глаза, выпалила:

– Как мог этот глупый Незрелович променять тебя – тебя! – на старую, облезлую лошадь с вставными зубами?

– О чём ты? – нахмурилась Валентина. – Говорили, что он сбежал от кредиторов чуть ли не на Колыму...

– Значит, недалеко сбежал, его видели в райцентре под ручку с Инессой... не помню отчество...

– С какой ещё Инессой?!

– Арманд! – засмеялась Светка. – Да ты знаешь её! Вместо Аскеровны русский у нас вела пару раз. Старая дева, старше нас лет на двадцать... Она ещё ужасный парик носила...

И Валентина вспомнила: Инесса как-то замещала приболевшую учительницу русского языка Раису Аскеровну, худенькую, тихую женщину. Соседка Роза, чаёвничая у Валентиновой бабушки, клялась, что несчастная училка отсиживается дома, дабы не освещать лишний раз тернистый путь русской литературы фонарём под глазом, поставленным приревновавшим мужем. Уничтожив здоровенный пирог с сыром, старуха вытерла губы и, прикрывая рукой расплзающийся по всему лицу беззубый рот, захихикала:

– Да кто ж на неё позарится-то? Смотреть не на что! Кожа да кости!

Инесса запомнилась только тем, что имела весьма неэстетичную привычку шариковой ручкой почёсывать голову сквозь парик и на уроке, посвящённом пьесе неутомимого борца с озверелыми мещанами, лягнула:

– Сегодня мы приступаем к изучению комедии «Вишневый Зад»...

Вскоре Аслан прислал адвоката с документами о разводе, которые Валентина подмахнула не глядя.

– Развод так развод! – без тени огорчения сказала тогда мама, подзревавшая, что её дочку развели гораздо раньше.

И след существования первого мужа исчез, как будто звук пустой, – он уехал со своей престарелой новобрачной в неизвестном направлении и канул в небытие.

Снова настали суровые годы. Наш паровоз после смены колес и машиниста опять летел вперёд на всех парах, но к другому пункту назначения – остановка в Коммуне уже не планировалась. Отныне всех волновал только курс федерального резервного билета чужой страны с надменными лицами её политических деятелей на лицевой стороне ...

Валентина сунулась было в родную школу, но в качестве иностранного там уже правил язык бывшей владычицы морей, и, за неимением другой ставки, она смогла устроиться лишь помощницей уборщицы тети Дуси по прозвищу Дуст, разменявшей восьмой десяток, но ещё не растерявшей боевой пыл и силу лужёной глотки.

Денежные знаки, конечно, бродили по стране, но семье Валенти-

ны перепадали только жалкие гроши в виде её заработка и маминой пенсии, которые выдавались с продолжительными задержками.

Как-то, собираясь к подруге, отмечавшей юбилей, мама без особой надежды рылась в шкафах, перебирая простенькие наборы посуды и упакованные в глянцевого пакеты полотенца, подаренные ей когда-то благодарными пациентами.

– Зачем отмечать день рождения тем, кому за шестьдесят, мама? Мазохизм какой-то! – ворчала Валентина, помогая ей в поисках.

– Если б ты знала, дочка, как хочется жить в шестьдесят и даже, подозреваю, в восемьдесят лет! – вздохнула мать. – Ох, слава богу! Нашла коробку конфет!

Обрадованная, она положила на покрытый изрезанной клеёной стол плоскую продолговатую коробочку, перехваченную золотистым шнурком.

– Ну-ка, ну-ка, – у Валентины в груди что-то ёкнуло, и, развязав дрожащими пальцами тесёмку, она открыла знакомую коробку и невольно вскрикнула: на красной бархатной подкладке сияло, переливаясь всеми цветами радуги, дивное ожерелье, подаренное Асланом в знак примирения после памятного применения им огнестрельного оружия вне полевых условий.

– Не может быть! – схватилась за сердце мама. – Я решила, что это конфеты, убрала с глаз и забыла!

– А я думала, что Аслан забрал с собой коробку в тот вечер и запер в сейфе... Ну что ж, будем считать эту безделушку моральной компенсацией за два потерянных года моей жизни...

Бриллиантовый дым наполнил всё вокруг, по покрытым плесенью углам бедной комнатки вспыхнул и задрожал чудный изумрудный свет, разноцветными искрами отражаясь в потемневшем зеркале бабушкиного трельяжа. Драгоценный мираж, затмевая разум, поплыл у Валентины перед глазами. Захмелев от радости, как бывший предводитель дворянства и будущий отец русской демократии, грезивший о разнузданной старости за счёт тёщиных драгоценностей, сокрытых от загребущих лап государственной казны, Валентина спрятала коробку в дальний угол шкафа и бросилась в объятья матери:

– Теперь заживём...

Моральная компенсация, с немалыми предосторожностями привезенная в столицу, наконец, оказалась в крошечной мастерской ювелира. Маленький, высохший, будто египетская мумия, старичок, сам напоминавший какой-нибудь забытый богом раритет, с которого так и хотелось смахнуть пыль, при помощи лупы внимательно изучал бриллианты не более минуты, затем положил свой инструмент в нагрудный карман жилета и бросил ожерелье на стол:

– Могу вам дать сотню баксов...

– Как?! Только сотню?!

– Работа довольно искусная, но бриллианты фальшивые, это подделка, кварц.

Старичок запустил костлявую руку в выдвижной ящик и, достав оттуда пинцет, выковырял камешек, лишь слегка поцарапав его металлическое ложе. Один легкий удар стального молоточка – и на покрытой древними трещинами полировке стола вместо драгоценного камня осталась лишь пыль, увы, не бриллиантовая.

Так, земную жизнь пройдя, практически, до половины, Валентина оказалась на перепутье, как оплошавший богатырь, забредший за тридцать земель в поисках утраченного, но, в отличие от былинного героя, придорожный камень не обещал ей никаких перспектив ни в том, ни в другом, ни в третьем направлении...

Вечерело. В туманной мгле плавал и плавился бессмысленный и тусклый свет фонарей. Неоновыми огнями зажглись витрины бесконечного ряда аптек – судя по количеству организаций, занимающихся производством, фасовкой и продажей как привычных, так и гомеопатических лекарственных средств, можно было подумать, что жители этого города рождаются настолько болезненными, что с первой минуты жизни вскармливаются лекарствами вместо материнского молока. Ядовитая зелень вывесок, многократно отражённая в зеркалах витрин, настойчиво напоминала о забрезжившей надежде на лучшее, рухнувшей в одночасье.

Бредущую по неприбранным, неудобным улицам Валентину поглотила безликая толпа. Бойко работая локтями, сквозь плотную людскую массу пробивались барракуды – наглые, самоуверенные, жестокие охотники, готовые идти по трупам. Они со временем добились всяческих преференций в виде заводов, газет, пароходов, то бишь яхт, вкуче с депутатскими креслами и прочими не менее хлебными местами. Неуверенно оглядываясь по сторонам, короткими перебежками, опасаясь неминуемого подвоха, передвигались пугливые лещи – загнанные, потерянные, плывущие по течению вверх брюхом. Эти вскоре пополнят никем не учтенные легионы павших от невидимой, но тяжёлой руки рыночных шулеров – шоковых терапевтов. Такой незамысловатый, но точный ихтиологический принцип классификации народонаселения, помнится, предложил очевидец тех событий, потомок знаменитой актерской династии и одарённый писатель, еще юным отроком возжелавший обрести вечный покой непременно за плинтусом.

Ну а Валентине в этой человеческой комедии была уготована роль не просто леща, а жалкого пескаррика...

Итак, ожерелье, прощальный привет от Незреловича, оказалось поддельным – с трудом отходя от бриллиантового похмелья, она, кажет-

ся, даже плакала от безысходности, когда наткнулась на внушительных размеров клетчатую сумку – символ лихих девяностых, незаменимый челночный атрибут. Валентина обратила взоры, замутнённые слезами, как воды священного Ганга, на согнувшуюся в три погибели женщину в короткой кожаной куртке, влачившую по мокрому асфальту два здоровенных баула.

– Чего ревёшь? – она остановилась и, удобнее перехватив широкие ручки сумок, посмотрела на Валентину.

Этот островок участия, неожиданный в обтекавшем её океане равнодушия – в городе, не верящем слезам, – заставил Валентину рыдаться. Женщина деловито подтолкнула её к припаркованной у обочины потрёпанной серой «Волге» и забросила тяжеленные сумки в багажник. Усадив Валентину в покрытое пахучей овчиной пассажирское кресло, она завела мотор и, по-мужички раздвинув обтянутые потёртыми джинсами мощные чресла, уверенно переключила рычаг коробки передач, украшенный кусочком оргстекла с томящейся внутри розочкой. Машина покорно заурчала, как ручной медведь на цепи, и, благодарно мигнув уступившему дорогу собрату, нырнула в бурный автомобильный поток.

Через полчаса Валентина пила чай на просторной кухне мамы Риммы, как её звали многочисленные друзья и знакомые, и, не сдерживая эмоций, рассказывала простую повесть о своей неудавшейся негодии. После скрупулезного изучения ожерелья мама Римма уверенно подтвердила истинность предыдущей геммологической экспертизы и, используя преимущественно непечатную лексику, выразила своё отношение к козням противоположного пола вкупе с поддельными доказательствами их поддельных чувств.

Так Валентина оказалась в рядах покрывшей себя увядающей славой особой касты людей – энтузиастов, на своих хрупких плечах удержавших от окончательного падения экономику родного государства, озабоченного в то время узаконенным разграблением достояния, нажитого непосильным трудом многих поколений.

Мама Римма, недавно преподававшая математику в провинциальной школе, не избежав некоего головокружения после первых успехов, расширяла свой бизнес и ради увеличения продаж набирала себе компанию товарищей, неколебимых и непродажных, дабы совершать с ними небезопасные вояжи за рубеж. Она обеспечила свежеиспечённого предпринимателя стартовым капиталом, загнав фальшивое ожерелье за пятьсот условных единиц, и Валентина, оставив дочку на попечение бабушки, бросилась в опасный водоворот непрерывного товарооборота.

Первая поездка Валентины состоялась в соседнюю восточноевропейскую страну, жители которой демонстрировали безмерное вы-

сокомерие по отношению к своим северным братьям, хотя некогда входили в состав обширной империи и в момент её очередного обрушения были непредусмотрительно отпущены на все четыре стороны. Валентина топталась в грязи на огромном, совершенно необустроенном вещевом рынке возле разложенных прямо на земле, на картонке, неказистых советских ботинок из черного кожзаменителя, и рассеянно прислушивалась к громкоговорителям, настойчиво увещевавшим законопослушных граждан:

– Увага! Панове-обыватели, увага, не покупайте водку у россиян!

Торговавшая рядом товарка, бывшая доярка, едва ли знавшая разницу между краковяком и коровяком, в недоумении пожимала плечами, встречая уничижительные взгляды покупателей – сплошь потомков панов:

– Чего они такие злющие?

Какая-то старушка в шляпке с вуалью и в манто, сшитом, очевидно, задолго до исторического материализма, придирчиво щупала ручками в потрескавшихся замшевых перчатках, знавших лучшие времена, неприязнительный ботинок родом из ненавистного совка, бормоча надтреснутым голосом:

– Матка боска! Як дорого! Клятые москали!

Когда Валентина, на удивление быстро распродав ботинки, бежала за новой партией товара к своей захудалой гостинице, подсчитывая в уме довольно приличный навар, из переулка выскочили головорезы с воинственно размалёванными физиономиями и выкрашенными в бело-красные цвета ирокезами. Добры молодцы как-то не по доброму подступили к ней и, грубо столкнув в уличную грязь, осыпая ругательствами, сорвали с пояса кошелек со всей бывшей в наличии наличностью. Один из нападавших, голенастый прыщавый паренёк, бешено тараща голубые глаза, прыгал вокруг Валентины, совершая немыслимые для человекоподобного существа скачки, и дурным голосом вопил:

– Курва! Курва!

Вдруг дверь одного из крытых красной черепицей домов открылась, и на пороге показалась давеча обругавшая её на рынке старушка, одетая уже по-домашнему в пестрый байковый халатик с выцветшими фиолетовыми цветочками и стеганую фуфайку. Сдёрнув напоследок с шеи Валентины подаренную когда-то бабушкой золотую цепочку, трусливые подростки дали дёру, и хозяйка позвала её в свой кукольный домик, где она кое-как отмылась от грязи. Разглядывая аккуратно заштопанные тюлевые занавесочки, горшки с геранью, кровать с горкой подушек, на которых, прижав к голове короткие, будто обрезанные ушки, вальяжно возлежал рыжий кот необъятных размеров, чуть заметно похлопывая кончиком хвоста по пёстрому покрывалу, Вален-

тина прихлёбывала удивительно вкусный кофе из тоненькой фарфоровой чашки. Старушка сидела напротив, подперев сухонькой ручкой морщинистую щёку, и качала головой, закатывая бесцветные глаза:

– Матка боска! Бедные, бедные русские жинки, як же вам тяжко...

Затем интересы челноков переместились в сторону восточного соседа, испокон веков, словно спящий дракон, терпеливо ожидавшего своего часа. Туда летали на дребезжавших от старости самолётах с предварительно убранными сиденьями – до отказа забив салон сумками, коробками и тюками, купечество эпохи перемен взмывало в синие небеса, удобно устроившись на сине-клетчатых баулах.

Пока за иллюминаторами мелькали круто замешанные в синеве неба облака, они азартно постукивали по кнопкам калькуляторов наподобие муляжных состоятельных кротов, которые с помощью допотопных деревянных счётов совершенствовали навыки счёта, пока невеста одного из них – достойная большего маленькая девочка – не слишком расторопно прощалась с ясным солнышком.

Подсчитав прибыль, – были времена, когда суммарный доход доходил до головокружительных четырёхсот процентов, – они забывались тревожным сном под разухабистые байки мамы Риммы и лязганье налетающих все мыслимые и немыслимые сроки железных птиц, то и дело попадавших в воздушные ямы и турбулентные потоки.

Потом неумолимые челноки обратили свои взоры на южного соседа, вольготно раскинувшегося между двух морей...

За время этих поездок за кордон Валентина перетаскала на себе тонны мануфактуры и, хотя не нажила миллионов, всё-таки приобрела скромную малогабаритную двушку в типовой панельной пятиэтажке в тихом спальном районе, утопавшем в зелени тополей, высаженных еще во времена отца оттепели, кукурузного земледелия и строительного функционализма.

Деньги текли если и не бурным потоком, то неиссякающим ручейком – она не умела лихо подсовывать непуганым лопухим покупателям вместо роскошной шубки из норки обычного зайца или спорить за каждую копейку с несчастными стариками, чьи жалкие жизни ничтоже сумняшеся молодые и не очень реформаторы положили на алтарь вождя золотого тельца...

На Старом рынке Валентина, примостившись на складной табурет, пыталась сосредоточиться на сканворде из захватанного журнала. Торговля не шла, со сканвордом дела тоже не ладилось. Она уныло грызла синий колпачок оранжевой китайской ручки, с тоской вспоминая времена, когда была весьма востра и могла быстро одолеть любую задачку.

Навязчивая мелодия, застрявшая в зубах, словно забытая во рту жвачка, беспрестанно вертелась в голове – Гога, торговец контра-

фактной аудио- и видеопродукцией, стоял прямо напротив нее. При танцующая и хлопая кожаными перчатками по озябшим плечам, он тайком отхлебывал чашу из плоской бутылочки и с маниакальностью подавляющего преступную страсть садиста слушал хриплый голос шальной эстрадной императрицы-самозванки, требовавшей неприменных танцев у неведомого мальчика из младшего офицерского состава.

Было хмуро и слякотно, стоял ноябрь – не самая любимая пора Валентины. Промозглая сырость, казалось, добралась до мозга костей, и, ёжась, она накинула поверх короткой пуховой куртки доставшееся ей от прежнего хозяина точки старое одеяло, потасканное до такой степени, будто оно с тяжёлыми потерями выбиралось из-под интенсивного обстрела.

На площадке перед торговыми рядами, по-хозяйски взвизгнув тормозами, остановилась вишнёвая девятка – весь рынок в духе высокого коллективизма подобрался и напружинился, словно единый живой организм. Двое шуплых парней в надвинутых на бойкие чёрные глаза кепках, в неизменных спортивных под косухами, которые гладкоствольно оттопыривались с правой стороны, начали деловитое общение с продавцами, явно не доставлявшее последним особого удовольствия.

Валентина за весь день не заработала ни копейки, однако дискуссии по поводу пересмотра давно оговорённого тарифа темпераментные сборщики дани, ее земляки, воспринимали как личное оскорбление, поэтому, не поднимая шума, она безропотно положила в протянутую волосатую руку положенную сумму.

Валентина уже собиралась свернуть торговлю, когда перед ней остановилась миловидная молодая женщина в броской боевой раскраске, с высоко зачёсанными, блестящими от лака волосами, будто скрученными из тонкой ламинированной проволоки. За руку она держала мусолившую громадный «Чупа-чупс» девочку в красной курточке с капюшоном и в вязаной шапочке, намокший помпончик которого напоминал недовольного чем-то ежа, выставившего все свои колючки.

– Вон ту, бабушка, – женщина показала на синий пуховик с перламутровым отливом.

Внутренне вздрогнув от не самого лестного обращения, Валентина выложила на прилавок облюбованную покупательницей куртку, кутаясь в свое затрапезное одеяло. Пока женщина шупала и мяла синтепон, придирчиво рассматривая со всех сторон и в самом деле не очень качественное изделие китайского производства, девочка околачивалась у прилавка и, забыв про свое лакомство на палочке, широко распахнутыми голубыми глазёнками смотрела на Валентину. Потом, положив обмусоленный леденец прямо на расстеленную на при-

лавке куртку, она испуганно дёрнула за рукав мать и сказала громким шёпотом:

– Мама, это Баба Яга, да?

– Замолчи сейчас же! – лицо женщины покрылось пятнами, такими же лиловыми, как тени на её веках, и, шипя, как потревоженная в неурочный час кобра, она за руку поволокла прочь дочку, едва успевшую схватить свой леденец.

«Устами ребенка, как говорится...» – усмехаясь, Валентина оттёрла куртку от липких подтёков патоки, и обречённо посмотрела по сторонам в поисках альтернативной неудачливой претендентки на звание заслуженной Костяной ноги.

Взгляд наткнулся на предназначенное для примерок зеркало в потертом деревянном окладе. Тусклая поверхность амальгамы с червоточинами отразила завёрнутую в тряпьё тётку в тёплой старушечьей шапке с наушниками, кутавшую сизый от холода нос в синий вязаный шарф.

«Да, уж! – похмыкала она. – Куда там Бабе Яге!»

Дома, перехватив кое-какой еды и приняв душ, Валентина с опаской села перед зеркалом и по-новому взглянула на себя. «Душераздирающее зрелище!» – вспомнила она реакцию отторжения на своё отражение в тихих водах пруда меланхоличного приятеля самого симпатичного, не смотря на опилки в голове, мишки. Мешки под глазами, желтоватые белки, мелкие морщинки на несвежей пористой коже... Вот она какая теперь – мужем стреляная, грабителями пуганая, панами битая! И хотя её зеркало ранее не было замечено в наличии оппозиционных настроений, оно доходчиво донесло до Валентины не особо приятную истину: есть на этом свете особы милее и белее её...

Чувствуя себя бойцом-юниором, свалившимся в нокаут после мощного удара противника и переосмыслившим свои приоритеты, Валентина наутро позвонила маме Римме, не слушая её уговоров, передала ей весь свой товар, нашла работу в частном вузе и перевезла дочку к себе...

У людей – свои законы,
У весны – свои:
Тает холод законный,
Сохнут крыши и балконы,
Строят микротерриконы
Дружно муравьи.

Всюду гомон и веселье
После холодов,
Каждый день – как воскресенье,
Мрачных мыслей унесенье,
От унылости спасенье
Сёл и городов.

Пробуждается природа
Прямо на глазах,
После стрелок перевода
И на час и на полгода,
Райской кажется погода,
Как на Небесах.

Первые майские грозы:
Водно-невольные кроссы
В обуви и босиком,
Если машина, как катер,
Веерно грязью окатит –
Машешь ей вслед кулаком!

Первые майские браки,
Свадьбы, порою до драки,
В градусах лишних когда,
Переходящие в дружбу,
Где полюбовную кружку
Делят, мирясь без труда.

Первые майские строчки,
Словно листочки из почки,

Множатся, радуя глаз,
То ли сомкнутся рядами,
То ли поблёкнут с годами –
Кто угадает сейчас?

В квартире – ночная прохлада,
Снаружи – дневная жара,
И хочешь, не хочешь, а надо
Всё время куда-то с утра.

Поблизости или в поездку,
Да чтоб не растратить жирок,
Хоть проще послать эсэмэску
И нос не совать за порог.

Но мы проявляем характер
И делаем всё, что должны –
Пылинки в одной из Галактик,
Живое богатство страны.

Ночные раскаты весеннего грома –
Так небо бесплатно врачует поля,
А утром выходишь из душного дома –
И праздничной свежестью пахнет земля.

Как после болезни, что жить не давала,
Вдыхаешь пьянящий мгновенно озон,
И вроде бы ездил и видел немало –
А всё ещё хочется за горизонт!

Но держат на привязи тысячи нитей –
Порвать эти путы мы только грозим,
Да годы не те уж для новых открытий,
И силы – с авоськой сходить в магазин.

И вот и завидуем тем бесшабашным
Натурам, что вечно легки на подъём,
И вязнем всё больше в уюте домашнем,
И песен былых у костров не поём.

В своих крепостях прозябаем уныло,
Не смотрим восторженно вверх, в небеса,
Пока изнутри нас гроза не умыла,
Встряхнув и напомнив, что есть чудеса.

На крыше – аист, ласточка – под крышей,
И где-то рядом – дивный соловей,
Я каждый день и вижу их, и слышу –
И на душе от этого светлей.

Отечество, твои родные дали
Влекут, как неба ситец голубой –
Ни ордена, ни званья, ни медали
Не стоят ни гроша перед тобой!

Пою тебя и не стыжусь прижаться
Щекой к берёзе, влажной от росы,
Не уставая многим поражаться
Кому всё чуждо, кроме колбасы.

Туман, как молоко парное,
Плывёт над речкой тихоструйной.
Земле в предутреннем покое
Легко без нашей жизни буйной.
Ей хорошо, пока не слышно
Тяжёлого дыханья века,
Среди раскинувшихся пышно
Увешанных плодами веток.

И в этот чудный час восхода,
Хоть не доказано научно,
Но кажется, что вся природа
С Великой музыкой созвучна.

Как пахнет скошенной травой,
Лежащей возле дома –
Не хуже свежей луговой,
Что многим не знакомо.

Среди забот и суеты
Мы чувствами мельчаем
И настоящей красоты
Вокруг не замечаем.

А из-за этого всего
Черствеют наши души
И вянет жизни волшебство,
Как от жары и стужи.

Казалось бы – ну, ерунда,
Нестоящая малость,
Но всё от мелочей всегда
К большому поднималось.

Жужжат косилки за окном
С утра еженедельно,
А мы с природой не в одном
Пространстве, а отдельно.

После ночного ливня
Воздух слегка парит,
Солнце сияет дивно,
Зоркий орёл парит.

Профиль зубчатый горный
Издали, как пила.
Где-то гремит повторно,
Чтобы земля пила.

Это природы мощной
Круговорот простой –
В ней, как и в жизни общей,
Недопустим простой!

Серебрятся железные крыши
Над надраенной яркой луной.
Днём по цвету они грязно-рыжи:
Видно, этому ржавость виной.

Очень хочется, чтобы под каждой
Были счастье, удача, любовь,
Не таилось душонки продажной,
Не плодилось господ и рабов.

Но фантазии – дело пустое:
В жизни чаще не лучшим почёт.
Свежий воздух ночного настоя
По щекам щекоотливо течёт.

Вот напротив все окна погасли,
Обезличив домов колорит,
Но в одно залетел не Пегас ли –
Так оно вдохновенно горит?!

День не жаркий, но солнечный,
Чуть шумят тополя,
Вдоль дороги просёлочной
То пруды, то поля.

Виноградников линии,
Молодые сады,
Хуторочек без имени,
Огородов зады.

За кустами смородины –
То ли луг, то ли лог.
Это всё – нашей Родины
Небольшой уголок.

АЗИАТСКИЙ ДЕФТЕР

Великой Победе в Отечественной войне 1941-1945 годов посвящается

Не покидай меня надежда...

1

Он стоял на краю могилы, которую только что вырыл. Фашист отошёл от него на несколько шагов, держа наготове автомат. Сгущались сумерки. А обречённый думал только лишь об одном – скорей бы уже, ведь он страшно устал: плен, полуголодное существование, работа до изнурения, истощение. А теперь уже последнее, что остаётся для смертника – два кубометра собственной могилы. Сам себе вырыл, сам и ложись. Тот, кто пристрелит, и засыплет землёй... «За упокой души врага эти душегубы молитвы не читают», – так думал он, пока фашист отходил и целился. Смотреть вперёд было тяжело, солдат смотрел в землю. Ноги подкашивались, и потому, в ожидании, он снял свою арестантскую шапочку и рукой поправил лохматые, нечёсанные волосы.

Вдруг фашист остановил свой взгляд на его руках и стал что-то выкрикивать. Затем он подошёл и показал на кольцо, которое пленный русский берёт пуще глаза своего. Это было обыкновенное медное, хотя нет, не простое, обручальное кольцо. Оно напоминало ему о мирном времени, о жене и детях, оставшихся дома и неизвестно где находящихся сейчас. Вроде талисмана. Солдату иногда казалось, что кольцо его оберегает, хранит. Ведь даже ранен не был. Вот в плен попал – это плохо. Всех захватили. Приказали побросать оружие, а потом в колонну и в путь прямого назначения...

Да и тут вроде спасение: выжил же! Хотя могли всех пристрелить. Бывало, глянет в минуты отчаяния на гравировку на кольце М + П = Л, и откуда силы брались терпеть дальше эту невыносимость каторги, голода, издевательств конвойных. «М» – это его жена Мария, «П» – это он сам, Пётр. Смешно! Сразу как поженились, Мария настояла выцарапать, чтоб все знали, с кем он обручён. Сделал, чтоб отстала... Вот уж смеялись оба, как коряво это получилось! «Зато глазеть на тебя девки меньше будут!» – сказала Мария сквозь смех. А своё кольцо она долго не носила, припрятала в сундучок. И от гравировки отказалась: «Уж

больно у тебя коряво получается. Да и за меня нечего беспокоиться. Я не больно-то на парней спорая. Это вас, мужиков, учить верности надо!» А Пётр всё себе места не находил: «Вот ведь хитрая баба! Меня выставила напоказ, а сама и тут смекнула свою выгоду». А потом и дети пошли, не до этих игр-забав было. Так и лежали в сундучке у Марии оба кольца. Только перед уходом Петра на фронт достала Марьюшка и надела ему кольцо на память: помни меня, воротись живой...

Немец заставил снять кольцо с пальца, примерил. У него пальцы толще оказались, но на мизинец свой натянул. Хотел было Пётр отобрать своё сокровище, да подумал, что теперь это уже не имеет никакого значения. Возможно, так оно и лучше. Не всё же человек с собой в могилу уносит, что-то же должно и на земле оставаться, чтоб о нём напоминать. Злобы, ненависти уже не было никакой. За годы плена всё притупилось. Лишь безысходность, полусонное состояние, усталость и голод командовали телом измождённого работой, худого, несчастного человека. Единственное, о чём думал: «Скорей бы всё это прошло. Смерть так смерть!»

Фашист покрутил палец, разглядывая гравировку, заулыбался. О чём-то спросил Петра, качая головой. Обречённый утвердительно кивнул. Тот отступил от него и выстрелил в воздух несколько раз. Заулыбался и показал, дескать, беги. Пётр, ничего не понимая, всё ещё ждал последнего выстрела. «Никуда я не побегу. Если выстрелит, хоть в могилу упаду. А не воронам и собакам на съеденье! Да и ноги не держат... Да и куда бежать на неметчине?» – зло думал Пётр и скривив рот в ухмылке.

Фашист подошёл, показал обречённому вперёд, толкнул в спину. Пётр пошёл, оглядываясь и едва перебирая ногами. Фашист стоял. Выстрела не делал. Пётр всё шёл и смотрел назад то через правое, то через левое плечо. Его страшно качало. Но он по приказанию немца старался идти. Когда в очередной раз обречённый оглянулся, то увидел, что тот закапывает лопатой его могилу. Пётр остановился, повернулся всем телом. Да! Это не видение. Фашист, действительно, был занят работой. В это время он потерял сознание и упал. Очнулся на земле. Было уже совсем темно. Впереди мелькала какая-то чёрная тень. Пётр понял, что это немец закопал его могилу, затем поднял с земли свой автомат, взял лопату и пошёл в сторону лагеря. Пётр остался в поле. Сил подняться не было. Но он понял главное: его палач на этот раз оказался его спасителем. Отпустил на волю... А значит, надо выжить! С трудом он встал и пошёл...

2

...В аэропорту было многолюдно. Пётр Евдокимович впервые за границей. Вся эта пестрота, суета, монументальность зданий удивляли его, радовали. То, что это не Россия – ясно сразу. «Ну здравствуй,

Германия!» – сокрушённо подумал ветеран. Когда-то здесь были полуразрушенные дома, разбитые дороги, воронки, грязь, пыль, мусор на улицах и вымотанные, измученные войной наши советские солдаты. А ещё перепуганные бомбёжками, артобстрелами старики, женщины, дети этого народа – немцы. Всё опять всплыло в памяти Петра Евдокимовича, поскольку тогда, когда его фашист отпустил живым, заключённый добрёл до леса, потом его нашли какие-то сельские жители в маленьком местечке, на хуторке. Старики-немцы пожалели лагерного, приютили, спрятали у себя в погребе за каким-то сараем. Одели в простую одежду, а робу заключённого сняли и сожгли. Они боялись, что его, беглого, будут искать немецкие солдаты с собаками... Всё это смутно помнил Пётр, поскольку был в состоянии истощения и забыть. События, лица мало оставляли свой след в его памяти в ту пору. Будто кто-то сверху за руку вёл тогда этого человека, требуя одного – безукоризненного подчинения.

Когда залпы орудий стали греметь уже совсем недалеко, он понял, что линия фронта приближалась. К тому времени он немного окреп. Поэтому ушёл от своих хозяев-стариков, поблагодарив за хлеб-соль. Встрече с советскими солдатами, со своими, был несказанно рад. Но ему не поверили. Снова арест. Восемь лет каторжных работ на лесоповале и опять жизнь впроголодь. Единственное, что грело здесь душу – это не Европа, Родина, здесь все свои. Казалось, ещё немного потерпеть, а там и до родной деревни рукой подать. Писать, искать своих не было смысла. Как объяснить матери, жене, что не по своей воле в немецком плену был и чудом остался жив? Не поверят. Такого не бывает. Единственное, что знал твёрдо – надо себя поберечь, чтоб мирной жизнью хоть немного пожить, свободой насладиться.

Так, после десяти лет общего заключения, Пётр Евдокимович в тридцать своих лет вернулся домой, в родную деревню. Сельчане в этом худом, седом человеке Петра поначалу не признали. Мать к тому времени скончалась, не дождалась сына. Сестра плакала от радости. Она также на фронте своего мужа потеряла. Одна с мальчонкой осталась и детей его, Петра, Алексея и Надюшку, к себе забрала, у себя приютила. А Мария... Мария погибла на лесозаготовках. Бревном придавило. Насмерть.

Пётр первое время не знал, что и делать. На всё произошедшее вокруг больно было смотреть. Но дети к нему потянулись. Он забрал их от сестры в материну избу. Сын Алексей уже подрастал, в армию должны были скоро забрать. Значит, у парня свой угол должен быть, чтоб было куда возвращаться. Надюшка оказалась хорошей хозяйкой. В свои тринадцать лет управлялась с домом и неплохо училась. Да его, отца родного, очень жалела. В общем, время лечило, затягивало душевные раны.

И опять какая-то судьба ведала делами и помыслами Петра. Под-

растали свои дети, подрос племянник, Натальин сын – Евдоким. Забрали его в армию. Попал на службу в мирные войска в Германию. Как получила Наталья письмо от сына, ну да и в слёзы! Хоть мирное время, а кто его знает, как оно там, в Германии? Каждый день прибегала плакаться: похлопочи, мол, как ветеран, чтоб съездить да попроведать. Посмотреть, дескать, хочу, как там, солдатикам нашим, на немецкой земле служится?

Парнишка письма писал домой хорошие. Но Наталья им не верила и Петру проходу не давала. Так прошёл год.

Приехал как-то Пётр Евдокимович в район и зашёл в военкомат. Рассказал военкому, как в плену на неметчине был и что там сейчас племянник в армии службу несёт. Объяснил, что хочет навестить, да и места, где горе мыкал, увидеть на старости лет захотелось...

Вот и приехал в Берлин спустя почти двадцать лет. Встретили люди из войсковой части. И ничего Натальину парню не сделалось. Здоровый, крепкий, дисциплинированный, в технике разбирается, товарищи уважают. Личный водитель командира. Что ещё надо? «Приеду, – думал про себя Пётр – Наталье расскажу, фотографии покажу. Обрадуется!»

Но была ещё одна мечта у ветерана: посетить те места в Германии, где когда-то чудом остался жив. Об этом рассказал командиру гарнизона, где служил племянник. Да вот беда, не помнит названия местечка, где всё происходило. Помнит только название лагеря. Общими усилиями обратились за помощью в исторический музей в Берлине. Последовал звонок. Пригласили ветерана в гости. Поехал Пётр. Встретили, разместили в гостинице. Через переводчика расспрашивали, когда и что с ним произошло. Пётр рассказал про кольцо. Один из сотрудников музея повёл его по залам. Через переводчика экскурсовод комментировал, подводя к витринам и показывая на экспонаты. Вдруг... взгляд ветерана упал на кольцо. Петру Евдокимовичу стало плохо. Закружилась голова. Падая и теряя сознание, он почувствовал, как чьи-то сильные руки успели его подхватить.

Очнулся он на диванчике. Вокруг хлопотали незнакомые люди. Доктор измерял пульс, давал нюхать вату, смоченную эфиром. Знакомый парень-экскурсовод, улыбаясь, протянул ему кольцо. Да, это было его, Петра, кольцо. Гравировка та же, разве что немного стёрлась. Но как оно попало сюда? Где тот человек, который когда-то ему второй раз подарил жизнь?

Петру Евдокимовичу помогли разыскать этого человека, договорились о встрече. И вот ветеран едет в автомобиле, в котором также сидят операторы, журналист, переводчик, сотрудники музея. Эта история заинтересовала местную прессу и телевидение. Вокруг Петра Евдокимовича находились доброжелательно расположенные к нему люди.

Однако сам ветеран был в подавленном состоянии... Ему сказали, что нашли его спасителя, того немца, который когда-то его отпустил.

Вот автомобиль остановился у аккуратно прибранного домика. Навстречу вышли люди. Пётр Евдокимович понял, что сам он пойти не сможет. Ноги подкашивались. В человеке, который так же, как и он, волновался и едва стоял на ногах, он узнал того молодого парня-немца, который в сумерках когда-то закапывал его могилу...

Люди улыбались, шутили... по-немецки, по-русски... Фронтовики же оба – плакали. Это были слёзы радости от встречи. От великой мудрости человеческой...

Щёлкали фотоаппараты, крутились вокруг кинокамеры. Только убелённые седinou старики этого не замечали. Они сейчас были так далеко... Они были в своей молодости, на той войне, которая, как потом оказалось, так ненавистна была им обоим. «Бойцы вспоминали минувшие дни и битвы...»

Пётр Евдокимович ехал обратно домой. Ехал с подарками, сувенирами, фотографиями от своего друга и его семьи, от работников музея, от командира и солдат военного гарнизона. Но главный подарок, который он вёз с собой в Россию – это медное кольцо на безымянном пальце с гравировкой «М + П = Л» – память о Марии.

«Вначале было слово...»

Эту историю нам, внукам, неоднократно рассказывала в детстве наша бабушка – рааметлы (джанна раахмет олсун) Хатидже-пкана. И всякий раз мы слушали с интересом, удивляясь не только самой истории, но и так называемым поворотам, превратностям судьбы. И потом уже, в зрелые свои годы, я начинала понимать, как может быть материально сильно, весомо сказанное вслух Слово.

Наш дедушка – деде-Маммет – до Великой Отечественной войны был одним из видных руководителей в системе управления сельского хозяйства Крымской Автономной Республики. Убеждённый коммунист, он с начала войны считал своим долгом быть на фронте и с оружием в руках защищать свою страну от фашизма. В первые же дни подал заявление в военкомат. Однако ему была поставлена задача: повсеместно организовать в республике сдачу на переработку имеющегося в колхозах и совхозах республики сельхозскота. И в течение летних и осенних месяцев 1941 года он ездил по животноводческим хозяйствам, руководил загрузкой и отправкой на кораблях через порты Севастополя, Феодосии, Ялты, Керчи – на мясоперерабатывающие

предприятия Кавказа и других регионов страны животных. Семью в этот период видел урывками. А в один из приездов отправил жену и детей из Симферополя в родовое село Къапсихор, подальше от бомбёжек, поближе к родителям, к односельчанам. Собственно, это была последняя встреча жены, детей с мужем и отцом. А потом... потом были для него – война, ранение, контузия, госпиталь в Краснодаре и опять – фронт, освобождение Чехословакии, ранение, и 1946 год – поиски в Средней Азии своей репрессированной семьи, родных...

А у жены и детей – жизнь в оккупации, а потом – жестокая депортация, голод, болезни, потери близких, выживание в бараках, как враги народа. Все годы – надежда, что Маммет жив, вернётся, что справедливость восторжествует.

И сквозь эти события на протяжении долгих лет – одна тайна, которая сверлила мозг, не давала покоя, обстоятельства, о которых говорить вслух было в те годы нельзя... Ведь в селе фашисты, везде снуют полицаи, предатели, которые находятся на услужении врага. Один из них – хитрый Ибрагим.

Так в первую военную весну в 1942 году, когда стало пригревать солнце, как-то прибежали домой старшие сыновья – Мустафа и Муртаза, и сообщили, что видели Ибрагима в отцовском пиджаке.

– Мама, мы узнали! Это папин пиджак на нём! Помнишь, ты ещё в Симферополе на рукав ему другую пуговицу пришивала, серую, вместо потерянной отцом чёрной. Ещё сказала: «Без пуговицы совсем нельзя, рукав висеть не должен!..»

– А вы не ошиблись? Откуда у коварного Ибрагима наш пиджак? Неужели с отца мёртвого снял? Что он знает о нашем Маммете? Где нашёл его пиджак, чтоб так открыто носить? Расспросить бы... Нет, нельзя мне на глаза этому чудовищу показываться. Вечером, когда стемнеет, схожу к сестре Алиме, посоветуюсь... А вы, дети, молчите, никому ничего не говорите!

Этими словами дала знать подросткам, что всё более чем серьёзно и надо молчать, пока время не придёт и само не прояснится...

Хатидже уложила на ночь детей спать, а сама закоулками, прячась, по-над сараями побежала к сестре. Та здесь всегда жила и людей лучше знала, чем её старшая сестра, которая долгие годы находилась с мужем в Симферополе. Да и характером была побойчее...

Солдатки долго обсуждали сказанное детьми, плакали по мужьям, от которых не было вестей с фронта... Так ведь просто не подойдёшь к полицаяу с вопросом: «Как оказался на тебе пиджак бойца Красной Армии?» Тут же расстреляет и отвечать не станет.

Но случай представился. В один из дней под командованием герркоманданта оккупационного режима полицаи собирали жителей селения для озвучивания очередных «рейховских» приказов. Фашисты

с автоматами оцепили территорию. Полицаи усердствовали: сгоняли со дворов людей, чтоб предупредить о комендантском часе и о запрете на перемещение в тёмное время суток. Хатидже спряталась в подвале родительского дома, её не нашли. Но старшие дети были на сходе. Держались рядом с тётей Алиме.

Среди группы полицейских стоял всё тот же коварный Ибрагим. В пиджаке Маммета. Алима тоже вспомнила этот наркомовский с погонами пиджак зятя. Высокомерно смотрел сытый толстомордый Ибрагим на полуголодных, измождённых войной, нуждой людей... а потом стал угрожать, что лично сам перестреляет тех, кто не будет подчиняться комендантскому режиму. Вот тут Алима и не выдержала, из толпы крикнула ему:

– Ты для начала скажи своим хозяевам, в чьём пиджаке так усердно службу несёшь? Думаешь, народ не узнал наркомовский пиджак Маммеда? Неровен час, возможно, ты сам втайне от своих начальников бегаешь невесть куда ночами, а нас устрашаешь для вида...

От услышанного у Ибрагима лицо побледнело, налилось гневом. И что только он не выкрикивал «бабе – дуре», как только не угрожал, что доберётся до неё, перестреляет их всех «до последнего курчонка»...

Немцы из сказанного им по-татарски «в толпу» ничего не поняли, как ничего не поняли из перебранки коварного Ибрагима и его услужливые немцам дружки-приятели. Зато всё поняли Алиме и два её племянника: «Да, это пиджак Маммета! Поэтому полицаи так обозлился на вопрос об одежде».

Женщины понимали, что пока немцы в деревне, эту тайну им не раскрыть. Оккупация продолжалась. Но люди не сломились, тайно помогали партизанам, в отряде которых воевал также и брат Маммеда – Исмаил. Старшие сыновья-подростки ночами, лесными тропами бегали в горы к своим с едой и со сведениями о перемещениях фашистов. Мустафа лично рассказал дяде, что коварный Ибрагим ходит в пиджаке отца.

А потом было освобождение этих территорий от немцев. Бывших полицаев, у которых руки были в крови, партизаны быстро убрали. А тех услужливых, кто только на патрулировании объектов стоял, не трогали, ждали всеобщего суда над предателями-перебежчиками, которые большей частью спрятались, сбежали... Среди них и коварный (но, как оказалось на деле – трусливый) Ибрагим.

Война ещё идёт, но Крым уже освобождён, и дядя Исмаил – герой-партизан – назначен райкомом партии председателем колхоза в селении. Как-то он был на выезде в районе, там и встретил случайно «паскудёныша» на рынке. Схватив за загривок, спросил, как пиджак брата попал к нему? Тот признался, что случайно ещё осенью 1941-го встретил на вокзале в Симферополе уходящего на фронт земляка

Маммета. Тот просил передать свой пиджак и немного денег жене, детям, которые сейчас в родовом селе Къапсихоре. «Каюсь! Мне не в чем было ходить самому, вот и носил, а деньги потратил», – навзрыд молил о пощаде лживый Ибрагим. Но кто ж поверит в правдивость его слов? Дома обсудили и пришли к решению, что только сам Маммет знает правду. Надо его ждать!

Не успели... 18 мая 1944 года, с утра, во все дома, во все семьи приехали чекисты. Представителей крымскотатарского народа от мала до велика насильственно, за считанные часы, вывезли в далёкую Среднюю Азию. Семьи Маммета (ещё находящегося в это время на фронте) и Ибрагима – партизана, а ныне – председателя колхоза, также подверглись депортации. Людей расселили в далёкой безводной степи, в бараках ДВЗ № 1, № 2, № 3, (Дальняя Выселка Заключённых), по 10-15 человек в комнатках-землянках. Утром конвой выводил всех работать на поля. Моему отцу тогда было шесть лет. С утра до вечера, дети в том числе, выселенные работали на полях, внося свой вклад в общую Победу над врагом.

Май 1945 года, день Победы был радостным для всех. Жёны, дети, матери ждали своих мужчин с фронта. Хотя все понимали, что на другом конце страны, в Мирза-Чульских полупустынных краях Средней Азии демобилизованным будет трудно найти своих родных. Они на чужбине. Но надеялись на встречу и торжество справедливости, на окончание незаконной депортации, в которой оказался весь народ...

Так и произошло в реальности. Маммед вернулся с войны в 1946 году, в боевых орденах, медалях. Правда, инвалидом... Едва передвигался с палочкой, ноги были перебиты. Нашёл свою семью, земляков. И вот тут опять все родные стали его расспрашивать, как получилось, что Ибрагим-предатель носил его пиджак во время оккупации, в Крыму, все военные годы? Маммет был удивлён, что ни в память о нём – пиджак сыновьям, ни жене последние свои деньги не передал лживый Ибрагим. Напротив, подался на услуженье к немцам и угрожал все годы оккупации семье красноармейца.

И, конечно, до самого Ибрагима тоже дошла весть, что Маммет вернулся и лично хочет его расспросить, почему тот не выполнил его просьбу? Ведь обещал!

Общеизвестно, что в каждой случайности есть большая доля закономерности. Ибрагим к этому времени уже сильно болел, его даже из барака выгнали люди. Спал он где придётся, чаще в сарае, работать его уже бригадиры не поднимали. И он просто попрошайничал, прося у людей хоть кусок хлеба, хоть заплесневелый сухарь. Совести у него никогда не было. Однако дороги его как-то сами привели однажды к домику ветерана войны, где уже определили Маммета и его семью на проживание власти района. Робко постучав в дверь, и услышав: «Вхо-

дите», вошёл. Ничтожество-Ибрагим сразу же бросился в ноги Маммеду, прося прощения. Раскаивался, горько рыдал, говорил, что не верил в победу нашей власти, хотел выжить...

В доме в это время были два повзрослевших уже сына фронтовика, жена. «Уйди ничтожество (пезевенк!) и не оскверняй мой дом своими мерзкими ступнями, грязными словами! Нет у тебя ни чести, ни совести! Нет тебе и прощения!» – не желая видеть эту комедию, сказал Маммет.

В это время ребята привстали, чтоб вывести нежеланного гостя. А жена, расплакавшись, сказала ему вслед: «Гори, сварись в кипящей смоле! Я ведь всю войну ночами не спала ещё и от своего горя. Думала, что ты убил моего мужа и поэтому носишь его пиджак так уверенно. И узнать правды не могла, за себя и детей боялась... Боялась, что и нас расстреляешь ни за что! Молилась о лучшем исходе. Нет тебе ни рая, ни ада на том свете! Смола кипящая пусть тебя унесёт, чтоб даже похоронить нельзя было твои останки!...»

Как пророчески были эти слова моей бабушки! Так и получилось. Именно в чёрной кипящей смоле сгорел предатель-Ибрагим.

Уехал после этого позора в районный центр, где его комендант определил на работу на стройку. Там заливали крышу смолой. Случайно (а может, и не случайно!) упал в огромный кипящий чан, где потом строители ковшом выловили только его кирзовые сапоги...

«В начале было слово...» А может, эта история не о «Слове», а об ответственности за сказанное, содеянное? А ещё эта история о чести, достоинстве, о Правде, которая должна восторжествовать, пережив все трудности, невзгоды...

ДЕЛО ВАСИЛИСКА

Рассказ

Что если в маленьком городке у подножия гор поселится василиск? Наверное, он быстро разгонит шипением всех змей в округе, спалит всю траву одним запахом и изведет все население – кого ядом, а кого взглядом. По крайней мере, именно так ему положено вести себя, если судить по разнообразным описаниям его жизнедеятельности в исторических, в смысле, давно написанных, источниках.

На деле же василиск, поселившийся в Нальчике, хоть и обладал взбалмошным характером и не умел совладать со своими эмоциями, соседей старался держать в добром здравии, пусть и в некотором страхе, ползучих не трогал, а разнообразные травы и вовсе специально выращивал в палисаднике у своего подъезда. Впрочем, когда он отгонял ребятню от своих грядок, никогда не повышая голоса, только переходя на угрожающее малоразборчивое шипение, разбегались не только нашкодившие дети, но и все, кто оказывался в зоне слышимости. Кажется, даже муравьи на всякий случай прятались подальше.

Звался мифический змей Митрофаном Потаповичем Васильковым. И жил он на самой старой улице города, Кабардинской, небольшую часть которой недавно сделали пешеходной. Ничего мистического во внешности Митрофана Потаповича заметить было нельзя – ни змеиной чешуи, ни, по средневековой моде, петушиного или жабьего тела. Зимой он носил синюю шапку с белыми полосками и логотипом спортивного клуба «Динамо» и лыжный костюм. Поговаривали, он вынес все это во время пожара со склада совета общества «Динамо», что до сих пор находится поблизости, на углу Нахушева и Чехова. Летом же он ходил в светло-серой шляпе из сетчатой ткани мелкого плетения и слишком теплом для этих краев твидовом костюме в елочку. Словом, ничего василискового в его облике не было, но Василиском его все равно исправно называли.

Можно, конечно, все списать на созвучие в фамилии. Однако приклеившаяся когда-то давно к соседскому деду кличка навела восьмилетнего Пашку, жившего в том же подъезде и недавно увлекшегося книгой о мифологических чудовищах, на совершенно иные мысли. Делать поспешные выводы отличник-Пашка не привык, так что он решил про-

вести расследование. А для этого, всем известно, надо завести дело. Пашка извлек из верхнего ящика стола блокнот, написал на первой странице «Дело Василиска» и растерялся – что дальше-то? Как можно разборчивее мальчик записал главный вопрос: «Действительно ли Митрофан Потапович Васильков является Василиском?». И выписал главные, на его взгляд, признаки «василисковости» – глаза, обращающие в камень, шипение, отпугивающее змей, запах, уничтожающий даже траву. Еще он читал, что василиски боятся ласок, зато их боятся и избегают другие животные. Василиски вылупляются из птичьих яиц. Тут пашкина книга «Мой первый бестиарий» путалась – то ли из яиц птицы ибис, то ли из яиц, снесенных старым петухом. Как выглядит ибис, Пашка представлял очень смутно, но еще более смутно он представлял, как петух, неважно, молодой он или старый, может снести яйцо. Этим же куры должны заниматься! А еще василиск вроде бы ест яйца. Или змей? Или яйца змей? Об этом в книге почему-то не писали. На всякий случай все это Пашка тоже записал. Затем, помявшись, зафиксировал-таки идею о том, что кличка Потапыча просто выросла из фамилии. И опять растерялся.

Расследование фактически зашло в тупик, как подтвердить или опровергнуть все это, Пашка не понимал. Тяжело вздохнув, мальчик отложил блокнот и отправился на кухню, чтобы выпить воды. Проходя мимо бабулиной комнаты, он услышал взволнованные голоса. Пашка остановился и прислушался – бабушка Катя смотрела свой любимый детективный сериал. Частный сыщик, имя которого напоминало мальчику сразу и ридикюль, и перо, как раз говорил кому-то, что сейчас проводит опрос свидетелей. Конечно! Свидетели! Надо опросить свидетелей! Мальчик ликовал. Забыв про воду, он ринулся обратно в комнату, чтобы все в том же блокноте составить список тех, с кем надо поговорить о Василькове. Первыми в списке начинающего детектива значились родители. Решив, что потрудился он на славу, мальчишка отправился спать совершенно довольный собой.

– А чего Потапыча Василиском называют, па? – спросил он за завтраком следующим же утром, ведь тянуть с расследованием нельзя.

– Не Потапыча, а Митрофана Потаповича! Из-за фамилии, наверное, – вместо отца на вопрос мальчика решила ответить мама.

Пашка мысленно поставил галочку возле самого нелюбимого им пункта в блокноте. Ну, куда же годится такое обычное и неинтересное объяснение?

– А вот и нет. Ты видел, как он на всех смотрит? Только так обращает вас, хулиганье, в камень одним взглядом, – вмешалась бабушка Катя и немедленно сделала страшные глаза.

Отсмеявшись, папа сказал:

– Я думаю, дело все-таки в фамилии, но бабулина версия мне тоже очень нравится!

И хотя Пашка понимал, что бабушка всего лишь пошутила, он поставил мысленную галочку возле соответствующего пункта. Не добившись больше ничего от родных, Пашка доел кашу и ушел в свою комнату – перенести свои мысленные галочки в блокнот. Из чувства справедливости возле версии с фамилией он поставил две галочки, ведь так думали и мама, и папа. «Что же это? Голосование какое-то получается», – подумал мальчик и вторую галочку стер. Но потом все же опять поставил.

За окном стояло теплое весеннее утро, да к тому же воскресенье, и Пашка решил, что пора идти во двор, чтобы продолжить опрос свидетелей уже там. Блокнот и карандаш он предусмотрительно взял с собой, решив не полагаться на свою память. А вдруг свидетелей окажется много, и он что-то важное забудет или перепутает?

На скамейке напротив мусорных баков сидели Лешка и Аслан. Мальчики лениво болтали ногами и явно не могли придумать, чем заняться. При виде Пашки с блокнотом они оживились.

– Ты зачем притащил это? Уроки, что ли, учить тут будешь, ботаник? – насмешливо спросил Аслан, тряхнул головой и повернул желтую бейсболку козырьком назад.

– А вот и нет, – Пашке стало обидно, но он решил не подавать виду, потому что расследование важнее. Да и как можно всерьез обижаться на друга за такую мелочь?

– Ого! Это дракон, что ли, на обложке? – спросил Лешка, протянув руку к блокноту.

– Дракон, да. Китайский, – ответил Пашка и начал рассказывать о разнице между японскими и китайскими драконами. – А европейские, они, вообще, другие!

– Не, ну ты точно ботаник, но интересный, – протянул Аслан, как бы извиняясь.

Пашка тут же растаял и даже подумал было выложить все друзьям. Но тут из подъезда вышел Митрофан Потапович. В руках у пенсионера были садовые ножницы, несколько больших мятых пакетов и ведро.

– Смотри, Василиск своих травок нарезать пришел, – прошептал Лешка, поправляя постоянно сползающие с носа очки. – Мама говорит, он на ярмарку ходит их продавать по воскресеньям.

– А вечером приходит и в этом ведре яйца приносит. И зачем ему столько? – вмешался Аслан. – Мама говорит, целиком он их, что ли, глотает.

«А вот моя мама ничегошеньки про Василиска не говорит, – подумал с досадой Пашка. – То ли дело у пацанов... какие внимательные мамы».

Срезав нужные травы и разложив их по пакетам, Потапыч по-

вернулся к мальчишкам и строго на них посмотрел. Пашка невольно вспомнил слова бабушки Кати. И ведь, правда, под этим взглядом замираешь, будто в камень превращаешься.

– Жуткий он все-таки, – прошептал Аслан, когда пенсионер ушел.

Тут Пашка все же не выдержал и рассказал друзьям о своем расследовании. Он немного переживал, а ну как Аслан опять обзывать начнет. Что Лешка будет смеяться, ему было не так страшно, Лешка ведь учился в другом классе, да и не было за ним привычки долго припомирать что-то. А с Асланом Пашка, вообще, сидел за одной партой. Зная характер друга, он был уверен, что тот может его подколоть в классе прямо перед учителями и другими ребятами. Или того хуже – перед девчонками. Те тогда до конца жизни над ним издеваться станут, все ведь знают, девчонкам только повод дай.

– Я щас! – вместо того чтобы смеяться, воскликнул Аслан и побежал к своему подъезду. – Не уходите никуда!

Пашка и Лешка переглянулись, ничего не понимая. Через пару минут их друг вернулся, совершенно запыхавшийся. В руках он держал большую лупу.

– Без лупы сыщик – никакой не сыщик! – заявил мальчик. И гордо добавил: – Я в кино видел.

– Я про василисков ничего не знаю, – развел руками Лешка, – и про сыщиков не особо. Но вот папа любит сериал по пятому каналу. Про полицию. Там они все время про наружку говорят.

– Про мышку-норушку? – хихикнул Паша.

– Нет, про наружную слежку, – отмахнулся Лешка. – Сокращенно – наружка. Вы будете следователи с блокнотом и лупой, а я буду наружка!

Пашка восхитился собой и друзьями. Собой за то, что догадался с ними поделиться, а друзьями за то, что они тут же решили ему помогать.

– Ты будешь главный следователь, а я твой помощник, – решил Аслан. – Я бы тоже хотел быть главным, но это же ты все придумал. Так справедливо.

Воодушевленные, ребята решили начать с осмотра грядок Потапыча, раз уж тот все равно ушел на ярмарку.

– Подошвы у него странные! – тоном эксперта сообщил Аслан. – Смотрите, вроде ботинок, а в центре каблука как будто птичий след.

– Так, в Средние века считали, что у василиска туловище или жабы, или петуха. А где туловище, там и ноги? Так? Так. Значит, все-таки петух, – заключил Пашка и сделал пометку в блокноте.

– Да не, тут просто голубь ходит, смотрите, – засмеялся Лешка.

Пашке пришлось пометку зачеркивать. Вдруг за спинами мальчиков раздалось тихое покашливание. Не помня себя от страха, все трое

обернулись. При этом Аслан забыл убрать от лица лупу, от чего один его глаз, скрывавшийся за ней, выглядел неестественно огромным.

– Вы тут глядки Василиска не затопчите, вернется вечером, одним взглядом сожжет, – это оказалась всего лишь тетя Марина, Лешкина мама.

Глянув на Аслана, она расхохоталась, а тот мигом спрятал лупу в карман.

– Взглядом василиски только в камень обращают! – растерянно ответил Лешка.

– Ой, откуда же ты это знаешь? Молодец какой, – умилилась тетя Марина. – Поди, Павел рассказал, это он у нас читать любит.

Все трое мальчиков синхронно кивнули.

– Вижу, у вас тут важные дела, но придется их отложить. Алексей, я иду на ярмарку. Выбирай, останешься с Ланой или со мной пойдешь?

Ланой звали самую младшую из сестер Лешки. Он жуть как не любил оставаться с ней один дома. Несolidно это восьмилетнему взрослому мальчику возиться с шестилетней несмышленой девчушкой, так он говорил.

– Я с тобой пойду, – выбрал Леша. – А с Ланкой пусть Анька и Ленка сидят.

– Ну, я так им и сказала, что ты дома оставаться не захочешь, – рассмеялась тетя Марина. – Идем.

– Наружка, – одними губами прошептал Лешка и многозначительно поиграл бровями.

Аслан с Пашкой остались во дворе одни. До обеда они прослонялись без дела, а потом, перекусив, встретились на улице уже все трое – Лешка вернулся с двойной миссии по походу на ярмарку и слежке за Василиском.

– И прикиньте, он такой говорит – какая собачка хорошая, – размахивая руками, говорил Леша. – А собачка давай на него лаять, аж слюни брызнули.

– Так, животные его не любят, – заключил Пашка и сделал очередную пометку в блокноте. – Как бы нам теперь проверить, боится ли он ласок...

– Каких ласок? По голове Василиска гладить собрался? Ты чо? – возмутился Аслан.

– Он ничо. Животные это такие. Типа хорьков, – вмешался Лешка и тут же засомневался. – Ну, или не типа. Животные, короче.

– Зоомагазин! – подняв указательный палец, важно изрек Пашка. – Можно ласку оттуда взять, когда Василиск будет идти с ярмарки, и показать...

– Да как ты его возьмешь? Кто тебе ее просто так отдаст? – возмутился Аслан.

Но в зоомагазин мальчики все же пошли, благо находился он тут же, только из двора на пешеходную часть улицы выйди. К их разочарованию, никаких ласок там отродясь не продавали. Хомяков, кроликов и даже флегматичную шиншилла – пожалуйста. Рыбок и аквариумов – сколько хочешь. И ни одной ласки.

– Найдем фотку в интернете! И распечатаем! И он придет, а мы ему как покажем! – не сдавался Пашка. – Я щас, мне папа как раз позавчера флешку свою старую отдал!

Мальчик вихрем кинулся домой, включил компьютер, нашел фотографию самой сурово выглядящей ласки, скинул ее на флешку и пропустил обратно на улицу.

– А распечатывать где? – Аслан снова искал трудности.

– Давайте в книжный пойдем, он туда вон, к «Побед» ближе, знаете? – предложил Лешка.

– Это не просто книжный, это Общество книголюбов! – медленно почти по слогам и с придыханием произнес Пашка. – Я свою книгу про чудии у них и купил. А папа мне там доклад распечатывал. Точно, туда!

Ласку благополучно распечатали и бегом кинулись обратно во двор – а ну как пропустят Василиска? И действительно, почти пропустили, столкнулись с Митрофаном Потаповичем у самой двери подъезда. Так уж вышло, что распечатанная картинка выпала из рук Пашки и упала прям под ноги пенсионеру. Тот от неожиданности подпрыгнул и едва не выпустил из рук ведро, полное куриных яиц.

– Да шшшто шшш за дети такие, – зашипел Василиск. – Пашшша. Бабушшшка дома? Я зайду чщщуть пощшше. А сейщщас маршшшшшс домой...

Обомлевшие друзья так и застыли статуями, глядя вслед поднимающемуся по лестнице Потапычу. Первым в себя пришел Аслан.

– Ну, все, тебе конец, Павел, – заключил мальчик. – Не ходи домой!

– Это как же не ходи, – пробормотал расстроенный Пашка. – Все равно достанется, если он бабе Кате настучит на меня.

– А чего стучать? Ты ничего не сделал! – возмутился Лешка. – Он ничего не докажет!

– Ладно, пацаны, пойду я, – вздохнул Пашка. – Завтра в школе увидимся.

– Ну, уж нет, мы с тобой! – уверенно заявил Аслан. – Мы же следователи! Один за всех и все за одного.

– Это же из книжки про другое совсем, – отмахнулся Паша.

– Неважно! – настаивал Аслан. – Идем, Лешка!

– Да-да, идем, – не так уверенно ответил Лешка. Но с друзьями все-таки пошел, один за всех, куда теперя денешься.

Бабушка Катя, казалось, совсем не удивилась, что Пашка в воскресенье вернулся домой так рано да еще и с друзьями.

– Баб Кать, дай воды, – как можно беззаботнее попросил Паша.

– Зачем же воды? Нечего перед едой душ в желудке устраивать. Мойте руки, ужинать будем, – захопотала бабушка. – Вот и Митрофан Потапович скоро зайти должен.

– Как? Ты уже знаешь? – обмер Пашка. Аслан с Лешей попятиться.

– Что знаю? Да он каждое воскресенье после ярмарки заходит, – ответила бабушка. – Ты-то по улице носишься, не видел его у нас ни разу, поди.

– Прямо каждое? – округлил глаза Лешка. – А мы думали, он ни к кому не ходит... он же... он же...

– А шшшто я же? – оказывается, Митрофан Потапович уже стоял в прихожей. В руках у него было то самое ведро, наполненное куриными яйцами. – Вот-ссс, Екатерина Сссергеевна, как вссегда.

Через несколько минут вся компания уже сидела на кухне, а бабушка Катя расставляла тарелки и чашки.

– Родители твои, Павел, по субботам да воскресеньям работают теперь, – рассказывала она. – А раньше я всегда отправляла их на ярмарку в выходные, мы уже лет восемь покупаем у одной женщины яйца домашние. А у них как поменялся график, я прям страдать стала. В магазине-то и яйца не яйца, так, пластик.

Митрофан Потапович важно кивал.

– Я и спросила как-то у соседа нашего доброго, не может ли он по пути домой мне ведерко яиц на недельку приносить. Семья большая, яиц уходит много, ведерко к воскресенью заканчивается. Он согласился.

На словах «доброего соседа» мальчики переглянулись, мол, не путает ли чего баба Катя?

– Отчего шшшш не помочищщ хорошшшшему чщщеловеку?

Мальчики снова переглянулись.

– Так вот зачем Василиску столько яиц, – прошептал Лешка и ойкнул.

Митрофан Потапович вопреки ожиданиям мальчишек не рассердился, а только сипло захохотал.

– Эх вы, Василиск-Василиск... – по-доброму проворчала бабушка Катя. – А почему Василиск, знаете? А знаете, что Митрофан Потапыч тридцать лет пожарным работал? Говорят, много народу из огня вытащил, а сам ни одного ожога не заработал!

– Не ссовсессем так, Екатерина Сссергеевна. Один ожжжог все-таки есссть, – вмешался Митрофан Потапович. – Я тогда жжжил не ззздессь, на Горной, прямо ззза Орбитой, зззнаете, где это, мальщщщики? Так вот. Выходной у меня был, я вечщщером ссс рыбалки на озз-

зере шшшел домой, сссмотрю – дым иззз окна сссосседской кварти-
ры. Я и побежжжал сскорее, там ссемья молодая и детишшек было
трое, ззза них исспугалссся!

Митрофан Потапович закашлялся. Пашка подумал, что раньше ни-
когда так долго Потапыча не слушал.

– Ох, Митрофан Потапыч, давайте я дальше расскажу, – сказала
бабушка Катя, когда кашель затих. – Раньше как было, телефоны дома
не у всех, сотовых вовсе не было, и пока пожарных смогли вызвать,
Митрофан Потапыч ребятишек вынести успел, все уцелели. И ожога
на нем, как всегда, ни одного не было, только вот голос пропал. Врачи
сказали, дымом надышался, сжег связки или что-то такое, я в этом не
очень понимаю.

– Как видите, говорить я ссмог, но не так, как раньшше, – тихо
добавил Митрофан Потапович. – Только шшшипеть могу.

– Ого, круто, – только и смог сказать Пашка. – А мы это... Про-
стите нас!

– Так, а почему Василиск-то? – набрался смелости и спросил Леш-
ка.

– Да это все изз-зза того, что не горел я в огне, – сипло рассмеялся
Потапыч. – А вассилиссски не горят и в огне ссспят, так мне друзззья
говорили.

– Нет, это про ящерицу, саламандру, так думали, даже название с
персидского переводится как-то с огнем связано, – машинально попра-
вил Пашка. – А василиски взглядом в камень превращают и шип... В
камень, в общем, превращают.

Под конец реплики мальчишка совсем стушевался и даже немного
покраснел. Вот тебе и расследование.

– Вот поганцсы! – снова рассмеялся Василиск. – Зззначит, вссе-
таки изз-зза фамилии.

САГА РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Часть первая

*Вечной памяти
моих земляков*

Год сорок пятый... пел Дунай
и ликовала Братислава –
Незабываемый был май!
Безвестного минула слава.

Обетованная краса
земли Нагорной! Манускрипты.
В раструбах ветра голоса
от днища бездны – вздохи квинты.

То за покосами ольха
шаманит вечною невестой,
то занедужит в ней серьга –
горька струна – пропал без вести!

То ропщет горная гряда
в зауспокойной переключке,
в раскатах эха – без следа –
дороги, а в промельках лики

безмолвных тех, кто в лютый год,
недокосив, недолюбивши,
ушёл в папахе наотлет,
из родника глоток испивши.

То, вопрошая синий свод,
седая Балка рвется в Леты,
речитативом в ступе вод
полощет вечное: «Сын, где ты?»

Непроходящая тоска
земли родной: хоть похоронку!

Цвела ольха. Неслась река.
И та строка... одна. Не в строку.

Но где-то в шелесте раки,
за далью лет, рассветом росным
Он шел и падал – твой джигит –
не отступал под перекосным.

Он уходил по первопутку,
и под Смоленском в страшный миг
он рысью поступью – в разведку –
в тылу у Абвера возник.

Он Дон форсировал. Горел
и снова наступал под шквальным.
Он в лагерях от тифа прел
и пил ледник в бреду астральном.

Твой сын знаменьем воскресал
в палящем небе Сталинграда,
дух гор никак не угасал
в потомке славного Ридада,

Объяв Днепро, стоял за Ржев.
Под Нарвой сбит. Сожжён в Бжезинке
и снова, тлен преодолев,
вступал в Варшаву под лезгинку!

...Так шар земной перемолоть
по пяди, горсть – до сукровицы –
оскудевающую плоть
строкой изъять, а дух томится!

Отполыхавшей той грозы
стон лихолетья – летописцы...
Прости, земля, под звон косы
Он не вернулся поклониться!

Тот юный, так и не испив
студёной балкинской весны,
под грифом «без вести», истлев,
навек ушел в ольховы сны.

Из лона льдистого – река
земли родной – в долину Стикса,
и в ней горчит одна строка
от вещи квинты, что вне списка.

Часть вторая

*Светлой памяти учителя –
М. А. Камбиева*

Разлетаясь брызгами фонтана,
в небеса уносятся стрижи;
бубенцами медного сопрано
память набирает виражи:
«Имя – в многоточиях... скажу,
красную строку заворожу,
чтобы длилась школьная молва –
вальсами кружилась синева!»
Нет, друзья, Учитель... не призванье,
а нелёгкой доблести зарок;
он тобой болеет не на званье –
он тобою дышит не во вздох,
для тебя лелея камелёк –
стужам вопреки – родной порог.
Пока ты от школьного причала –
путь свой мерил – по чужим вокзалам –
он прощался на крыльце щербатом –
вновь гадал в задумчивый рассвет –
возвращался к партам конопатым,
где застыл твой перочинный след –
где меня с тобой в помине нет
(но остался несказанный бред,
тот, который застит белый свет).
От настольной лампы – синим бликом –
грянет растревоженный апрель,
перекати-поле закоулком
вести с «кандагаров» донесёт,
а ему что «почта полевая» –
письма к нему ходят в май от мая,
он – в почтовых индексах – из лет,
где крепка береговая мачта –

где служили Родине вне злата –
где детей растили не за мзду –
где шалит мальчишечья рогатка,
и невинна девушка в цвету.
Нам бы из бессонницы воскреснуть –
летопись минувшую вернуть.
Нам – из росных ландышей возникнуть –
за порог замшелый заглянуть,
чтобы долгим стужам вопреки,
с ним перелистать те дневники,
где за стрехой потемневшей кровли
та же воробьиная возня;
где сирень завьюжится с апреля,
а жасмина хворь – до сентября.
У того родного камелька,
где «прости» и «здравствуй» – на... века.
Тут и застреножилась строка...
Ты прости, Учитель, что она
вовсе и не... красная пока!
Здравствуй, поседевшая тоска,
В имени твоём моя весна.

ЛЕСНАЯ ДЕВУШКА

Повесть

В глухом безлюдном лесу, где чаще встретишь зверя, чем человека, стоит эта хижина, сплетенная некогда из древесных стволов, словно гнездо гигантской птицы. По вечерам в хижине появляется молочно-белый свет, наподобие лунного, который, разливаясь вокруг, исходит дымчатым туманом. Сквозь шелест листьев, скрывающих хижину от докучливых взглядов, просачиваются голоса – властный женский и нежный девичий. Однажды зашел такой разговор:

– Мама, ты опять оставляешь меня одну. Пожалуйста, возьми хоть раз вместе с собой, – упрашивает Ляна, чье лучащееся лунной белизной лицо, словно легкие тучки, затемяют спадающие на лоб пышные черные волосы.

Стройный джигит в черной черкеске и белой папахе седлает лошадь. У джигита легкая стать, гордая осанка, редкая красота. У джигита прекрасное женское имя – Мадина.

– Не спеши, моя дикая козочка, покидать нашу хижину, – отвечает мать дочери, привычными точными движениями седлая коня и как бы не замечая, что дочь недовольно надула губы и нахмурила брови.

– Но ведь съестных запасов у нас еще достаточно, зачем же ты едешь? – говорит девушка, пытаясь отговорить мать от поездки.

– Ехать все равно надо. Сделаю запасы на зиму, а то, того гляди, снег выпадет, и тогда отсюда путь заказан уже до самой весны.

Мадина лихо стегнула коня и стремительно направилась к той единственной, только ей ведомой дороге, которая соединяла лесную хижину с огромным и яростным миром.

– Береги себя. Никуда не отлучайся, – крикнула она, удаляясь, дочери, чье голубое платье еще долго светлело среди потухающей листвы, словно клочок ясного неба. У девушки было напевное, как свирель, имя Ляна, может быть, поэтому ее верной подружкой была светлая дудочка, повиновавшаяся Ляне беспрекословно, услаждая ее слух таинственными волнующими звуками, отчего Ляне казалось, что весь лес замирает от восторга. Разные напевы знала свирель – и грустные, и веселые, и Ляна порой удивлялась, как быстро улавливает свирель любое Лянино желание, словно и впрямь эта скромная дудочка была создана для того, чтобы прислушиваться к голосу девичьего сердца.

В красноватом свете утренней зари, проникавшем сквозь узкую горловину ущелья, словно рубиновые капли кизиловой настойки, древесные стволы казались чернее обычного, проступая сквозь дымчатый белесый туман. Ляна хорошо знала породы деревьев, с самых первых шагов своей жизни окруженная доброй и неумолчной заботой зеленого друга. Одинокая дикарка считала лес своим домом, играя среди ветвистых сочленений, утопая с головой в раскидистых папоротниках и умываясь свежей росой или каплями прошедшего дождя. Особенно любила она мшистые стволы буков, их причудливые изгибы, казавшиеся то круторогим оленем, то распластавшейся в полете диковинной птицей. Любуясь движением стволов и ветвей, она часто воображала себя героиней нартских сказаний, о которых не раз напоминала ей мать, заботившаяся о том, чтобы дочь уважала обычаи далеких предков. Вот и сейчас, наигрывая на дудочке знакомый мотив и легко взбираясь по крутой, едва заметной тропинке, она наслаждалась ощущением собственной свободы и силы, ибо чем выше она поднималась, тем вольготнее ей дышалось, тем ярче сверкали ее глаза и горячее бежала по жилам кровь. Ляна приблизилась к источнику, узкой ладонью зачерпнула студеной водицы, радостно обжигая пальцы, улыбнулась солнечным бликам, стекающим с пальцев.

Одинокий всадник, возникнув на вершине горы и озираясь по сторонам, давно заметил девушку. Странно, откуда она здесь, почему она не боится так далеко уходить от жилья, не сопровождаемая никем? Знать, смелая горянка, которая верит в свою силу. А что, если она колдунья? Джигит, хоть и не слишком доверял всевозможным рассказам про нечистую силу, все-таки заволновался. Ему захотелось немедленно удостовериться в своем предположении, и он спустился к ручью. Но девушка исчезла. Напрасно джигит, спрыгнув с коня, искал ее в окрестных кустарниках. Будто она сквозь землю провалилась. Неужели она на самом деле колдунья? Джигита охватил суеверный страх. Тщетно он старался отогнать от себя тревогу.

А Ляна, заметив, что за ней наблюдает незнакомец, спряталась за камнем. Мать ей наказывала пуще лютого зверя остерегаться человека. «Зачем он здесь?» – подумалось ей. В складках голубого атласного платья Ляна всегда держала острый маленький нож, жалить которым научила ее мать перед тем, как разрешить дочери самостоятельные прогулки. Мадина внушала Ляне уметь повелевать своим сердцем и в трудную минуту быть хладнокровной и решительной. «Чем рука холоднее, тем удар вернее», – любила повторять мать, показывая дочери, как надо в минуту опасности владеть кинжалом. Одно только запрещала ей мать – нападать первой. «Нет ничего позорней, чем убивать ни в чем не повинного человека», – часто повторяла она. И вот теперь, вспомнив материнский запрет, Ляна прильнула к огромному камню,

каких немало в наших местах. Про них ходят слухи, что их разбросали по склонам лесов и пастбищ нарты, перекидываясь ими в былые времена, как забавными игрушками. Давным-давно нарты покинули земную жизнь, но память о них живет в песнях. Там, где они прошли, всюду остался нестираемый след, то в виде гигантских каменных глыб, то в виде скалистых пещер, а то и глубоководных озер, знаменитого озера Голубое, возникшего из-под копыт нартского скакуна Сосруко.

Андзор не заметил, как исчезла девушка. Напрасно он искал ее повсюду. Он только изодрал свою одежду о камни и колючки, исцарапал лицо и руки. Он злился на себя, на свою медлительность и нерасторопность. «Проворонил красавицу», – ругал он себя, отшвыривая ногами придорожные камни. Грустный, он возвратился к своим товарищам, которые, как ни в чём не бывало, лежали на траве в тени густой чинары. Занятые веселой болтовней, они даже не сразу заметили его.

– Что с тобой, Андзор? – встрепенулся один из них. – Не иначе как ты напоролся на какое-то чудовище или дикого зверя, который пытался разодрать тебя на части? Не правда ли, дружище? Ну, признавайся!

Друзья захохотали: уж не влюбился ли Андзор в лесную колдунью, которую частенько можно встретить в здешних местах и по ошибке принять за красавицу.

Андзор отмахнулся и зашагал к ручью. Приятели с любопытством смотрели, как он, смывая с лица усталость, словно пытался отделаться от какого-то навязчивого видения.

– Влюбился наш Андзор, мой кровный брат, – заключил Касбулат, простодушно подсмеиваясь над странным поведением приятеля. – Однако же нечего нам разлеживаться на траве. Пора ехать. Эй, седлайте коней скорей, иначе мы опоздаем к вечерней молитве, и тогда эфенди нам покажет, где прячутся черти лохматые!

Аул Тохтамыш, в котором остановились всадники, находится в глубоком ущелье. Каменная широкая улица рассекает аул на две части, каменные дома, затененные плодовыми деревьями. Эти дома настолько похожи друг на друга, что напоминают братьев-близнецов, и только мечеть возвышается выше домов. Давным-давно, в незапамятные времена, была здесь стоянка войск Тохтамыша, отчего и получил аул свое название. Тохтамыша разбил Тамерлан, которому так понравились здешние пастбища, что, согласно преданию, он прислал сюда пастись своих отборных лошадей. Да, коням в этих благодатных местах, действительно, было славно, так что всадники наши не торопили их до тех пор, пока не донесся издалека призывный голос эфенди, зазывающего всех мусульман на молитву.

– А-а-л-л-а-а-ху-у ак-ба-ар ла-и-ла-ха и-ла-ла-ах.

С переливами гортанного рокотания было связано шумное оживление на дороге, ведущей к мечети. Впереди процессии по обычаю сле-

довали почтенные седобородые старцы, за ними шли те, у кого седые волосы в бороде еще только намечались, а позади всех шли самые молодые, кого седина еще не успела коснуться вовсе. Джигиты присоединились к молодежи, стараясь придать своей внешности строгое молитвенное выражение. У входа в мечеть аккуратно разулись и поставили обувь рядом с сапогами других прихожан и бесшумно вошли в мечеть. Не будем задерживать внимания на скудном убранстве ничем не знаменитой мечети. Бесшумными шагами зашел эфенди. Все почтительно смолкли. Эфенди, хоть и был еще молодым, с черной густой бородой, почти не тронутой сединой, но уже белая чалма украшала его смуглый высокий лоб: несколько раз он успел побывать в Мекке, где набрался мудрости и поднаторел в славословии Аллаху.

– Мусульмане! Все вы знаете, какой на земле порядок учинил Аллах. Тот, кто первым проник в его учение, тот ханом стал, те, до кого закон Магомета дошел позднее, сделались князьями, а холопы – это презренное племя тех, кому закон Магомета поперек горла стал, и если бы почтенные правоверные не позаботились об их душе, вовек бы им не знать священного слова пророка. В наказание за их тупость и непослушание Магомет сделал их вечными холопами. Кто может быть презреннее гяура? Он оскверняет нас своим присутствием. А что придумал русский царь? Он, видно, думает, что можно свернуть кавказские горы и растопить льды на вершине Эльбруса. Нет, нельзя изменить порядок вещей, установленный некогда Аллахом. Стоит ли ждать, мусульмане, добра от урусов? Нехорошее дело задумал русский царь. Освободить холопов.

Собравшиеся в знак согласия закивали головами, поглаживая остроконечные бороды, словно стальные кинжалы. Они были довольны речью эфенди. Хоть и молод он, но Аллах внушил ему много умных мыслей. Еще долго жужжал, как осиное гнездо, внутренний двор мечети, испокон веков приспособленный для многолюдных собраний.

Андзор не остался дослушивать до конца речь муллы. По правде говоря, эта история с холопами его мало волновала. Вообще все события сразу как-то отодвинулись от него после того, как он встретил девушку. Он снова вспомнил тот родник, вкус холодной воды и ее журчание, напоминающее звуки свирели. Нет, пожалуй, никогда в жизни он не пил ничего более приятного, чем серебристая влага из этого источника. Может быть, родник, в самом деле, оказался заколдованным? Он вспомнил про Сосруко, вскормленного ледниковыми сосцами, про красавицу Адиух, чьи белоснежные руки излучали свет темной ночью, и ему снова подумалось, что эта прелестная незнакомка могла быть дочкой колдуньи. Томимый сладостным воспоминанием и непродоходящей тоской, он долго в тот день блуждал без всякой цели.

А Ляна в ожидании матери вся извелась. Она уже давно верну-

лась в хижину, поиграла с косулей, заменявшей ей и друзей, и подруг.

– Что, моя хорошая, проголодалась или соскучилась?

В отсутствие матери Ляна чаще всего грустила и не притрагивалась к пище. Косуля тоже оставалась голодной, и в ее больших блестящих глазах появлялась человеческая тоска.

Не зная, чем заняться, Ляна подошла к окну.

Был один из тех мрачных вечеров, когда завывание ветра напоминает стоны умирающего, частый дождь хлестал в окна, по временам стихая и сменяясь мертвой тишиной. Вся природа мрачнеет в такую погоду. Горы темнеют и ниже нахлобучивают шапки облаков, деревья раскачиваются, словно плакальщицы в своем безутешном страдании, птицы забиваются в кусты. В перерывах между взрывами ветра в лесу устанавливается зловещая тишина.

Слабый свет, проникающий сквозь маленькое окно, позволял в сгущающихся сумерках различать скудную обстановку внутреннего помещения хижины: две деревянные кровати застелены медвежьими шкурами, шкуры расстелены на полу, на почерневших от времени деревянных некрашеных полках различная хозяйственная утварь: глиняная посуда, несколько кумганов, изукрашенных таинственным орнаментом, приборы для изготовления приправ и всякого рода лакомств. Стоял еще в хижине маленький столик, легко переставляющийся из одного угла хижины в другой. Несмотря на скудость внутреннего убранства, в доме царил уют и порядок, всюду чувствовалась забота женских рук, хозяйского глаза, и Ляна любила свой дом так, что никогда бы не согласилась променять его ни на какие дворцы и хоромы.

Мрачное предчувствие холодило ей сердце. Ляна всегда тяготилась разлукой с матерью, но сегодня она не находила себе места, томясь ожиданием. Недаром говорят, нет ничего хуже, чем ждать да догонять. Ей уже давно подумалось, что с матерью что-то случилось. Не в силах оставаться более в хижине, Ляна вышла на крыльцо, села на ступеньки и, съезжившись от сильного холодного ветра, уставилась в надвигающуюся тучу. Косуля тоже пристроилась рядом и положила свою мягкую теплую голову на девичьи колени.

Мать показалась из тьмы внезапно, словно ее вытолкнул на поляну сильный порыв ветра. Ляна сразу заметила, что с матерью что-то неладно: она с трудом держалась в седле, а лицо было бледнее лунного света.

– Мама, что случилось? Ты заболела? – испуганно вскрикнула девушка и посмотрела, замирая от ужаса: при тусклом свете самодельного светильника она вдруг увидела, что мать ранена. Черкеска была в крови, шелковая рубашка изодрана. Приподняв рубашку, она увидела зияющую в груди рану. Ляна закричала. Крик ее вырвался из тишины, как кинжал из рук опытного джигита. Она осеклась.

– Ничего, доченька, не бойся. Радуйся, что добралась до дома. А теперь принеси-ка нашей целебной травки.

Ляна, точно следуя материнским указаниям, достала необходимые снадобья: промыла рану и наложила повязку. Мать тяжело вздохнула и опустила на кровать.

– Поди-ка принеси воды, – простонала она, облизывая пересохшие губы, – а также достань мешок. Там еда, и гостинцы тебе.

Но Ляне было не до гостинцев. Дрожащими руками развязывала она мешок, большой, кожаный, уже сильно потертый, но все-таки незаменимый в хозяйственных делах. Ляна хорошо знала все складки, отделения и кармашки этого мешка. Ароматный запах съестного ударил ей в ноздри, но она отвернулась и даже не притронулась ни к чему.

– Возьми, поешь чего-нибудь, – забеспокоилась мать. – Достань-ка гостинцы. Ты ведь любишь чуреки и сладкое.

– Я ничего не хочу, – горестно покачала головой Ляна. – Скажи, кто на тебя напал? Зверь или человек? И где твое кольцо с маленькими изумрудами, которые я называю «змеиные глаза»? Где, где оно?

Грозовые раскаты грома заглушили слова матери. Ляна так и не расслышала, что прошептала мать. Дождь хлынул как из ведра. Сильный порыв ветра распахнул дверь в хижину. Ляна еще плотнее прижалась к матери. Ее била лихорадка.

– Не бойся, моя девочка, ни грома, ни грозы. Это еще не самое страшное, что есть на свете, – мать слабеющей рукой погладила вздрагивающие плечи дочери.

– Мама, скажи, кто же тебя ранил?

– Ты его все равно не найдешь.

– Клянусь, найду.

– Он далеко отсюда. Я найду его сама. Знай, девочка, он пострашнее лесных зверей. Когда я упала с лошади и притворилась убитой, он обыскал все мои карманы, выгреб оттуда деньги и снял с пальца заветное кольцо – подарок твоего отца.

Мать никогда не расставалась с золотым кольцом, увенчанным головками двух свивающихся змей, у которых вместо глаз светились маленькие изумруды. Змеи, обвивающие друг друга, символизировали союз двух любящих сердец, и утрата драгоценного кольца была равной символу смерти.

– Мама, я сегодня встретила человека, но он другой. И он не похож на зверя, но, может быть, это он выстрелил в тебя?

– Где ты его видела? – забеспокоилась мать, привстав с постели. – Зачем ты удалялась от дома? Ты разве забыла, что я наказывала тебе никуда не отлучаться?

– А я ходила к ручью на свое любимое место, возле большого камня, где вода мне кажется слаще, чем где бы то ни было.

- Он тебя видел?
- Надеюсь, что нет. Я сразу спряталась за камень.
- Ты ему не нанесла никакого ущерба?
- Нет, ты же мне запретила нападать первой.
- Правильно, дочь моя.
- А что ты сделала с тем, кто тебя поранил?

Мадина, тяжело вздохнув, молча отворачивается. Голова ее пылает, губы пересохли.

– Мало ли из-за чего на тебя могут напасть, – тихо начала мать. – Порой просто без причины, а другим нужно золото, деньги или просто жизнь. Ляна, слушай меня, доченька, я должна рассказать тебе уже не сказку, каких рассказывала я тебе немало, а настоящую быль, которая страшнее всяких сказок.

– А что такое быль, мама?

– Я расскажу тебе быль про нашу жизнь. Ведь про нас говорят, будто мы колдуньи и сторонимся людей. Пора тебе знать про людскую жизнь, хотя и страшно мне за тебя, моя девочка.

– Почему?

– Тебе же хочется посмотреть на эту жизнь, испробовать ее, уйти туда, где живут люди. Это тебе не принесет ничего, кроме горестей и печалей. Люди жестоки, злы и охотники до богатства. – Мадина смахнула слезы и продолжала шепотом: – Ты уже взрослая, а ничего не знаешь о своем происхождении. Может, ты и не все поймешь, но все равно слушай, тебе пора об этом знать... Я из знатного кабардинского рода. Отец мой – князь Щужей Шогемоков. Его смелость и сила славились далеко за пределами Кабарды.

Мать моя была доброй. Почти все, что она делала, было втайне от отца: помогала дворовым, лечила больных. Когда она родила меня, мой отец разгневался: как она посмела принести ему дочь, когда он ждал сына. Он не захотел смотреть на новорожденную и приказал не упоминать моего имени. А если нянька вместе со мной попадалась ему на глаза, он отворачивался, няньке влетало за то, что посмела показаться с ребенком в неположенный час. И вдруг, когда я уже начала подрастать, произошло невероятное: князь спешно приказал меня привести к нему. Надо ли говорить, как засуетились няньки, собирая меня, – они надели на меня самое красивое платье, сшитое из розового атласа, в волосы вплели дорогие украшения. Сияя и блистая нелепым, как мне казалось, убранством, я предстала перед отцом.

«Аллах, всемогущий! Береги дитя от отцовского гнева», – шептали мне вслед дрожащие от страха няньки. «Взгляни, господин мой, как дитя на тебя похоже», – осмелела самая молодая из них, которую, помнится, звали Фатимат.

Князь долго изучал меня, казалось, пронизывал насквозь грозным

своим взглядом. Я оставалась безучастной, подвергая себя, словно диковинная птица, пойманная в клетку, придирчивому отцовскому любопытству. Когда он смеялся, я молчала, когда он хмурился, я в упор, по-детски набывчившись, смотрела на него. Наконец, князь изрек:

– Пойди ко мне, дитя мое! – и протянул холодные руки.

– Не пойду, – громко сказала я, – ты меня не любишь.

– Что ты, что ты, милая, он любит тебя, иди к нему, – подталкивала меня нянька, но я упиралась:

– Не пойду, и все!

Улучив момент среди общего замешательства, я стремглав выбежала из княжеских покоев и спряталась в кизилowych кустарниках. Была ранняя осень. Кизилковые заросли занимались нежным багровым пламенем, который, как огненный напиток, наполняет скалистые впадины. Мне хотелось раствориться в этом огненном колыпании, стать пламенной птицей и улететь за синие горы. Вскоре князь снова позвал меня к себе.

– Я научу тебя всему, что подобает знать храброму джигиту. Ты заменишь мне сына, и ошибку природы я исправлю. Тем самым я тебя прославлю, и ты познаешь храбрость в бою.

И вот появилось у меня вооружение джигита: и ружье, и сабля. Впридачу я получила отличного породистого жеребца. Князь никому не доверял моего воспитания. Мое обучение проходило так. С утра он учил меня стрелять. Днем ловко орудовать саблей, а по вечерам преподавал уроки верховой езды. Князь целиком был поглощен моим воспитанием и почти забросил свои ежедневные дела. Он был вспыльчив, порой нетерпелив, но все-таки доволен мной.

– Ненавижу слабых, – говорил он, придумывая для меня все новые и новые испытания физической выносливости. Мать жаловалась няньке:

– Он замучает ребенка. Он уморит ее.

Княгиня плакала. Нянька утешала ее, как могла:

– На все воля Аллаха, любезная госпожа. Может быть, у дочери твоей будет необычайная судьба. Взгляни, какая красавица из нее вырастает. А если она станет храброй и сильной, как настоящий джигит, так она затмит собой всех луноликих неженков из наших аулов!

Однако нянька про себя подумала, что она бы для своей дочери подобной участи не желала. Ведь у этого злодея что ни день, то новые выдумки.

Вчера этот самодур приказал привести из лесу медведя: хочу, говорит, чтобы дочь моя умела сражаться с диким зверем.

Однако с медведем шутки плохи. После первой встречи Мадина впала в беспамятство и к ужасу своей матери долго не подавала никаких признаков жизни. У Мадины оказался перелом ключицы. «Медведя надо отравить», – думала княгиня.

– Ах, неужели только дикий зверь здесь виноват? – размышляла

Мадина. – Но разве слабая женщина может справиться с этим извергом? Если бы нашелся добрый человек, на чью помощь я могла бы рассчитывать... Не могу видеть этого медведя.

Дворник Харун был именно тот человек, на кого можно было положиться. Он отличался молчаливостью и добросовестностью.

– Я помогу, – откликнулся он, поняв желание княгини. – Пусть это будет ценой моей жизни.

– Харун, я никогда не сомневалась в твоей верности.

В ту же ночь в спальню княгини заглянул Шужей. Он возник, как всегда, неожиданно, вырос, словно из-под земли. Густые с рыжей проседью усы его шевелились, рябоватое лицо было пепельно-серым, словно он окуривал себя трубочным табаком. В левой руке, изуродованной еще в детстве в схватке с медведем и потому всегда полусогнутой, он держал деревянный кубок с зеленоватым напитком.

– Выпей.

– Не спрашиваю, что это такое.

– Правильно делаешь. Выпьешь и умрешь легкой смертью.

Она сняла шаль, провела рукой по лицу, словно умываясь. Потом взяла кубок и выпила. Как она была красива! Князь с надменной улыбкой любовался ее угасанием. Пока не убедился, что княгиня безжизненна.

В комнату вошла Фатимат.

– Дочка-то уже проснулась. Маму просит...

– Значит, ничего не знаешь, видеть ничего не видела. Поняла?

Фатимат остолбенела. За что же такое наказание? Госпожа безжизненно распласталась на ковре. «Что же я скажу бедной девочке! – подумала она, и крупные слезы градом покатались из глаз... Она любила свою госпожу и теперь, оплакивая ее кончину.

Шужей вернулся в свой покой, устало погрузился в свое любимое красное кресло, достал огромный нож с красивой насечкой на лазуритовой рукоятке. Привычно полюбовавшись изысканным резным узором, он повертел нож в руках, словно желая убедиться в боевой готовности своего оружия. Потом он приказал позвать к себе Харуна.

Харун застыл на пороге в почтительном поклоне.

– Не хочется ли тебе отправиться на тот свет? – спросил его князь с любезной улыбкой.

Харун рухнул на колени:

– Смилуйтесь, ваша светлость! Я убил всего лишь медведя.

Князь кинул нож.

– Лови, подлец! Разве я приказал убить медведя? Смотри, не промахнись.

Слуги связали дворника.

– Подыхай. Ты мне верно служил, но даже и верность твоя мне встала поперек горла.

...Мадине шел восемнадцатый год. Будучи совершенно одинокой, она поневоле привязалась к отцу, который неустанно заботился о ней, чтобы слава о необыкновенной девушке распространялась за пределами Кавказа. Княжеская дочь сильна и непобедима, – не уставала повторять молва вслед за князем. А как метко она стреляет, как умело сражается с медведем, как ловко скачет на коне, и никому не уступает в сабельной схватке – говорили про нее! Чувство страха, казалось, вовсе ей не было присуще, и только девичья стыдливость обжигала ее нежные щеки ярким целомудренным румянцем. Щужей часто ловил себя на мысли о том, что он готов пожертвовать для дочери любым своим сокровищем, сдвинуть с места Эльбрус и растопить его вечные льды. Одно только огорчало старика – томная грусть в глазах девушки. Он понимал, что пора ее выдавать замуж. Но кто же мог стать достойным женихом? Случай сделать выбор скоро подвернулся.

В то лето в Кабарду пожаловал русский царь. Вся кабардинская знать встречала царя. Царь был весел и дружелюбен. По кавказскому обычаю, в его честь устроили пышный пир на большой поляне в тени вековых деревьев. Длинные столы, застланные парчовыми скатертями, были уставлены золотой и серебряной посудой, в которой дымились изысканные блюда. Рядом с царем сидели старейшие князья, чьи белые бороды напоминали снежные вершины гор. Младшие князья, одетые в расшитые золотом черкески, подавали угощения. В больших деревянных чашах, украшенных причудливой резьбой, кипела и пенилась махсыма. Ее наливали в крутобокие рога, отделанные серебряной и золотой чеканкой, и подавали по кругу. В глубоких котлах, словно в горловине ущелья, варилось баранье мясо. Над поляной клубился такой аппетитный аромат пряных кавказских угощений, что даже птицы, слетевшиеся отовсюду, кружились.

В разгар пира началась игра. В стремительном танце вылетели на поляну юноша и девушка. Словно серебристый ручей, превращающийся в водопад, заливалась гармоника. Легко, почти не касаясь носками земли, несетя в танце Мадина. Рядом с нею незнакомый молодой джигит. Он так танцует, что, кажется, и деревья любятя.

Вдруг музыка смолкла. Танцующие замерли на месте.

– Мне здесь нравится. У вас красивая природа, прекрасные люди, добрые обычаи, неиссякаемое гостеприимство. Выпьем же, горцы, за нашу дружбу, – и царь опорожнил рог. Перевод царской речи огласил на кабардинском языке состоящий на службе при дворе генерал Жамбот. Горцы радостно закивали головами. С ответными словами выступил старейшина.

– Берыкат бесын царю-урусу. Оказать большую честь высокому гостю – наш долг. Мы рады, если гость остается довольным нашим приемом. Выпьем же, братья, махсыму за ту дорогу, которая ведет нас

к России, а из России – в Кабарду. Выпьем за то, чтобы эта дорога никогда не зарастала сорной травой, а чтобы ширилась она день ото дня. А теперь, молодежь, покажите русскому царю наше древнее искусство.

Несколько джигитов выехали на красивых белых конях. Это юноши и девушки, одетые в мужские одежды, будут соревноваться в ловкости и скорости.

Издалека видна белая шелковая шаль, трепещущая на ветру. Временами кажется, что это возникает среди скал девичий силуэт. Шаль, согласно правилам состязания, должна принадлежать самой красивой девушке, выдержавшей испытания в ловкости и быстроте наравне с мужчинами. Эта шаль принадлежит Мадине, но кто же ловкий и быстрый джигит? Позор джигиту, если он пропустит вперед девушку.

Вот прозвучал выстрел, означающий сигнал к отправлению. Всадники ринулись вперед. Щужей не сомневается, что победительницей будет его дочь. Он только хитро прищуривается и пощипывает усы от удовольствия. Самый красивый конь у Мадины – черный, с тонкими ногами. Обогнать такого скакуна вряд ли кому удастся. Единственное белое пятно во лбу коня горит, как яркая полуночная звезда. Все складывается как нельзя лучше. Вон тот красавец-джигит, которого Щужей уже давно приметил, вырвался вперед и поравнялся с Мадиной. Они уже скачут во весь опор к намеченной цели.

Мадина не спешит. Она поняла, что будет лучше, если свадебный платок первый сорвет джигит. Не к лицу ей выходить замуж за того, кто слабее ее. Именно поэтому Мадина, что есть силы, стегнула камышом своего холеного коня, и он взвился, как ужаленный змеей. Никто его еще так грубо не хлестал, и оскорбленный конь пытался сбросить обидчика на землю. Мадина едва удержалась в седле. С ней такого еще не бывало, и она боялась опозорить своего отца. Усилием воли и напряжением всего организма она выровняла бег норовистого жеребца, но теперь, сколько бы она уже ни старалась, догнать Тембота было невозможно. Его смелая рука сорвала шаль. Мадина чуть заметно усмехнулась.

Щужей сыграл Мадине и Темботу пышную свадьбу. Мадина, казалось, была счастлива, и только внезапная болезнь любимой няньки Фатимат омрачила новобрачным медовый месяц. Проворная старушка слегла. Силы ее таяли с каждым днем. Чувствуя приближение конца, Фатимат решила открыть ту страшную тайну, которая камнем лежала у нее на сердце. Мадина оцепенела. Гневные мысли, словно всадники кровной мести, пронеслись в ее сознании с быстротой молнии, пока окончательно не созрел план расправы с отцом.

Вечерело. Теплые душистые испарения поднимались над лесистыми лощинами. Горы густели на горизонте, тяжелея с каждой минутой под напором темноты. Глядя на знакомые хребты, Мадина проникалась

привычным чувством сопричастности чему-то возвышенному и гордому, зато мелкие, цепляющиеся за одежду придорожные колючки раздражали Мадину, вызывали в ней брезгливость, ко всему, что казалось ей оскорбительным с детства.

«Нет, хоть он и отец, надо отомстить за свою мать, – решительно подумала Магина, надевая черкеску и шапку, преобразилась до неузнаваемости. Она вооружалась и вскочила на коня. Конь привычно вынес ее на ту самую дорогу, по которой столько лет она ездила с князем на учения. – Пусть узнает, что не зря меня учил владеть кинжалом!»

Магина не ошиблась в своем расчете. Именно в это время и по этой дороге князь обычно возвращался с охоты. Вот уже показались всадники из княжеской свиты. В центре шагом ехал князь. К седлу была привязана тушка подстреленного фазана.

– У меня к вам дело, князь, – нарочито грубым голосом обратилась Магина к отцу. Князь остановился, махнув рукой свите:

– Езжайте. Я потолкую с этим юношей.

Магина, чье лицо, закутанное башлыком, было уже почти не различимо в быстро сгущающихся сумерках, грозно сверлила Щужей глазами. Взгляд ее был, как острие кинжала. Щужей слез с коня.

– Ну, говори. Здесь нас никто не слышит.

– Пришел твой час прощаться с жизнью. Какую смерть выбираешь? Я хочу расплатиться с тобой за все твои злодеяния.

Князь молчал. Молчание становилось угрожающим. В резкой близи вдруг закричала лесная птица. Ее глухой крик походил на выстрел. Щужей поднял глаза к небу. Звезда, всегда светившая ему, ускользала куда-то далеко.

Они дрались врукопашную. Мечи звенели, как струи ледяного дождя. Магина поскользнулась и выронила меч. Ее охватило безразличие. «Пусть убьет сразу!» – подумала она. Но князь не привык убивать безоружного.

– Становись на бурку, – властно приказал он своему противнику. – Будем мериться силой. Если ты слабее меня, – раздавлю своим кулаком. Нам все равно теперь тесно вдвоем на этой земле.

Во время этой схватки, когда противники поочередно приближались к кровавой победе и в немой ярости катались по земле, несколько раз начиналась гроза, орошая дерущихся то скудными каплями влаги, то крупным градом. Дикая лесная птица продолжала глухо вдыхать.

Собрав убывающие силы, отец сжал плечи Мадины так, что затрещали кости. Она до крови закусил губу, и чуть было не потеряла сознание. Неожиданным рывком с невероятной яростью она опрокинула на спину своего врага и узкими цепкими пальцами впилась ему в горло. Голова князя ударилась о камни, потекла темной струйкой кровь.

– Отец, отец, – не выдержала Магина, – узнал ли ты меня?

– Узнал, узнал и твою мать узнал. Вот она довольная смотрит на меня...

Мадина подняла голову вверх, тайно надеясь увидеть мать, но, кроме одинокой луны, прорвавшей волнистую пелену туманов, она ничего не увидела.

– Вот зачем я учил тебя храбрости, – твердо и чисто произнес князь и в его голосе не было сожаления. Он попросил пить.

Пока Мадина ходила за водой, князь испустил дух. Мадина и сама в изнеможении упала на дорогу, и так лежала, освещенная высоким холодным блистанием желтой луны. Когда, наконец, она поднялась, то увидела странную и чудную картину: два коня, поднявшись на гребень ближней горы, вытянув шею и наострив уши, застыли, как каменные памятники, а над ними медленно блуждала луна, но уже не похожая на ту, что была раньше. Обликом своим она напоминала желтоватую рысью морду, лицо Щужа.

О гибели Шогенокова разговоров было много, но все сходились в одном, князя убил его зять Тембот, который скрылся вместе с женой в горах. Их напрасно искали, чтобы судить по шариату, за поимку их было обещано крупное вознаграждение.

Вот с какого дня началась у молодоженов жизнь в лесу, полная опасностей и лишений. Поначалу они нашли приют в хижине одного абрека, давнего приятеля Тембота. Про абрека ходили слухи, будто он спалил княжескую усадьбу и занялся разбоем, прячась от суда. Тембот покровительствовал абрекам, носил еду, одежду. Тембот сразу увез Мадину в лес, к абрекам, но их и след простыл, зато хорошо знакомая, но почему-то пустующая хижина стала надежным пристанищем беглецов.

– Если не знакомое ржание твоего коня, вряд ли бы я так скоро нашел тебя, – вспоминал Тембот подробности той страшной ночи, когда решилась участь изгнанников.

Мать прервала свой рассказ. Грудь ее высоко поднималась и снова опускалась. Ей было тяжело говорить.

– Ты поняла, доченька, как мы попали в эту хижину? – спросила она, сбрасывая с себя одеяло, ей было тяжело дышать.

– Прости меня, я многого не поняла, – призналась Ляна, совершенно сбита с толку, растерявшаяся перед нагрянувшими событиями.

– Да, жизнь такова, что задает нам такие загадки и зрячий оказывается беспомощнее слепого, а уже тебе, моя девочка, и вовсе не под силу разобраться. Здесь, в этой хижине ты и появилась на белый свет. Родовались мы с отцом, глядя на тебя, только недолго продолжалось наше счастье, Однажды Тембот уехал в дальнейшее селение и не вернулся. Сколько лет прошло с тех пор, а я все жду Тембота. Сердце мое не желает мириться с несчастьем. Мне временами кажется, что он должен вернуться. Бывают же чудеса на свете. Часто я вижу его во сне: будто

раненый он лежит и просит воды. А вот недавно приснилось мне, что упал он в глубокую пропасть и не может подняться. Просыпаюсь, выхожу из хижины, зову его, но вокруг только ночь и безмолвие, и даже лунный свет тускнеет в эти минуты, как старый серебряный кинжал. Мы с тобой обречены жить в лесу, в этом наша сила и доблесть, ибо слабым здесь не выжить! Ох, как я устала. – Мадина безжизненно откинулась на подушку. – Иди-ка сюда... Я хочу подарить тебе рубиновое кольцо. Это кольцо носили все женщины нашего рода... Я грешная, на мне большой грех поэтому и боюсь смерти!

Мадина замолкла. Ляна сидела у ее изголовья, дрожа от страха. Она не спускала глаз с матери. Мать менялась на глазах. Она лежала уже совсем другая, будто сама не своя, неестественно вытянувшись, словно отдыхая от долгой изнурительной ходьбы. Щеки побледнели, а глаза, скорбные и ввалившиеся, смотрели не на Ляну, а куда-то вдаль, поверх земли и неба, покачивающих хижину на высоких волнах бытия, словно утлую лодчонку.

Ляна безутешно зарыдала над бездыханно распластавшейся матерью... Бедная сирота чувствовала себя совершенно одинокой скалой, нависшей над пучиной и готовой обвалиться при малейшем порыве ураганного ветра.

В душе ее крепла решимость отомстить за погубленную мать. Ее сердце билось так громко, что все звуки мира замерли. Лес не шелестел. Птицы стихли. Трава полегла на землю, и даже ручеек умолк. Клокотала только девичья кровь, заставляя сердце биться так, как бьется молот о наковальню в священной кузнице Дебета златоликого, в чьем характере навек сплавилось железо и пламень.

«Я буду искать твоего врага и днем, и ночью, – мысленно клялась Ляна, глядя на каменеющее лицо Мадины. – Я убью его!»

Правда, отвлекаясь от горестно-гневных мыслей, Ляна возвращалась к сладостно-печальному воспоминанию о том прекрасном юноше, чей след, возможно, еще не остыл у голубого родника. Здесь даже Ляна могла бы поспорить с матерью, будь она жива, что не всякого человека следует остерегаться и особенно того, кто вовсе и не похож на злодея.

Андзор, томимый мечтой о встрече с девушкой, решил снова углубиться в лес, тем более что он точно помнил направление той едва приметной тропинки, которая вывела его к роднику. Он с трудом нашел следы на примятой и чуть окрашенной кровью траве. Эти следы и вывели его в глубокое ущелье, где в лунном свете он с любопытством обнаружил темнеющую, наподобие гигантского обломка древесины реликтового дерева, убогую хижину. Именно туда вели зыбкие и неверные, окропленные дождем, и смоченные кровью человеческие следы. Возле хижины паслись две красивые лошади: одна была такая белая, что, казалось, рождена лунным сиянием, а другая – вороная со звезд-

дочкой на лбу, явное порождение ясной звездной ночи. Таких изящных лошадей он отродясь не видел. Долго любовался Андзор на их точечные ноги, на волнистые густые гривы, склоненные к земле, как ветви плакучих ив. Набравшись храбрости, он распахнул дверь в хижину и остолбенел на пороге: посреди кровати на медвежьей шкуре бездыханно лежала женщина, а над ней склонилась в безутешном горе та самая девушка, ради которой он предпринял это соблазнительное, но сомнительное путешествие.

Ляна, узрев незнакомца, беспокойно вскочила:

– Ты кто? Как ты осмелился переступить порог этого дома, где уже много лет не бывало ни одного мужчины? – грозно спросила она, сверкая глазами. Рука ее схватила кинжал.

– Меня зовут Андзор, – ответил юноша и добавил вполне миролюбиво: – Никогда не спеши убивать человека, красавица.

Он не спускал с нее восхищенного взгляда. Она была невысокого роста, хрупка и тонка, как высокогорная лань. Андзор, любуясь ею, отступил на шаг – так она казалась несколько выше и стройнее. Он тут же решил, что это лучшее создание Аллаха. Он чувствовал себя наверху блаженства и даже не сразу понял, чего добивается от него девушка.

– Это ты смертельно ранил мою мать? – продолжала наступать на него девушка.

– Клянусь Аллахом, я бы грудью заслонил твою мать в неравной схватке. С этими словами он откинул черную шаль, которой Ляна прикрыла покойницу. Мадина и после смерти была так красива, что напоминала мраморное изваяние.

– Может быть, она проснется? – с детским простодушием спросила Ляна.

– Нет, она уже не проснется, – покачал головой Андзор, – и потупил свой взор.

Ляна бросилась на него, как дикая кошка. Она кусала его, царапала, била.

– Раз ты знаешь, что она уже не проснется, значит, ты убил ее.

Андзор терпеливо утешал ее. Так прошло неизвестно сколько времени. Когда Ляна успокоилась и они выглянули на крыльцо, все было обагрено лучами восходящего солнца. На высоком бугорке под сенью плакучей ивы Андзор и Ляна похоронили Мадину.

– Не сыпь так много земли, – попросила Ляна. Ей вдруг захотелось еще раз посмотреть на мать. Когда Андзор завершил погребение, он взял Ляну за плечи и повел домой. Она безвольно шла, совершенно ослабевшая от пережитого...

Андзор пытался развеять печаль Ляны. Он взял ее за руку. Рука казалась такой нежной и прозрачной, излучавшей и свет, и тепло, что Андзор подумал: «Наверное, все, что в народе поется и говорится про

красавицу Адиюх, у которой руки светились в темноте, как лунные лучи, – не выдумка. В самом деле, у девушек, выросших в лесу, руки очень красивые».

Ляна выросла на вольном воздухе, в тени вековых деревьев, под лучами горного солнца. Ветер расчесывал ей кудри, роса умывала ей лицо, а ветви деревьев скрывали ее красоту от посторонних глаз, позволяя радоваться девичьей красотой разве что зеркально чистому ручью. Ляна – дитя природы, и природа заботилась о ней с материнской щедростью.

– Что же ты не торопишься домой? – спросила Ляна Андзора, заметив, что он занялся приготовлением пищи. – Твоя мать, наверное, о тебе беспокоится.

– Как же я могу оставить тебя одну? Ведь тебе, наверное, страшно, – ответил Андзор, разжигая очаг.

– Нет, мне вовсе не страшно. Мать часто оставляла меня одну, и я привыкла к одиночеству. Вот только грозы очень боюсь, – призналась девушка.

– Гроза не самое страшное, что есть на свете. Ты грозы не бойся. Может быть, тебе следует отдохнуть?

– Да, я так устала, кажется, сейчас упаду. Ноги меня не держат! Ты тоже хочешь поспать? Я уложу тебя на отцовскую кровать.

Ляне хотелось спать, но как только голова ее коснулась подушки, сон как будто подшутил над ней, и она не могла сомкнуть глаз, сколько бы ни старалась. Глядя в одну точку, она все время пыталась расслабиться, стряхнуть с себя оцепенение, вернуться в прежнее безмятежное состояние души и тела. Но ее как-будто подменили: новые, непонятные ей чувства подступали к сердцу. Ей то хотелось плакать, то смеяться, и она никак не могла разобраться в той путанице мыслей, которая дурманила ей голову...

Рассвело. Холодное расплавленное золото заливало верхушки деревьев. «Если проживу здесь хотя бы несколько дней, – думал Андзор, – она привяжется ко мне и уже не захочет расставаться. Ляна не сможет жить без меня так же, как я без нее!» Андзор не узнавал самого себя. Он и не предполагал, что любовь так цепко хватается за сердце и не отпускает потом никогда.

«Я жить без нее не могу», – с удивлением для себя понял Андзор. – Но согласятся ли родители на столь скоропалительную свадьбу? Понравится ли им девушка, столь не похожая на других ни своей судьбой, ни своим обликом, ни своими привычками?! Да мне и не надо родительского благословения...»

Андзор уже предвидел массу всяких осложнений и неприятностей. Впрочем, как бы то ни было, он останется жить с Ляной в лесу. О большем счастье для себя он и мечтать не мог.

Она ввела Андзора в крохотную комнату, в которой едва умещалась огромная деревянная кровать, застеленная медвежьей шкурой.

– Ложись здесь, – велела она и вышла из комнаты.

Андзору не спалось. Он лежал на этой гигантской кровати, которая, наверное, показалась бы велика и нартскому великану, и размышлял. Ляна могла бы стать ему прекрасной женой. Она совсем не избалована мужским вниманием, чиста и простодушна.

– Доброе утро! – сказала она неожиданно чистым и звонким голосом.

И в этот момент грянул птичий хор. Андзор вышел на крыльцо, расстегнул ворот шелковой рубашки, свежий ветерок щекотливо пробежал по разгоряченному волнением телу. Вскоре вышла и Ляна. Настроение Андзора было такое, что, казалось, горы сами расступались перед ним. Они пошли гулять, и вышли на зеленую поляну. Отсюда хорошо был слышен шум водопада, утешающий смятенную душу и вызывающий высокие и красивые мысли. Те, кто бывал в наших краях, видел чегемский водопад. Про него недаром говорят, будто это серебряные слезы красавицы, оплакивающей своего жениха. Они льются и льются из глазниц огромной скалы. Ляна вынула свирель и заиграла.

О чем они говорили и говорили ли вообще, – история наша умалчивает. Вернее всего, они не обмолвились ни словом, а просто лежали в траве, растворенные в шелесте трав и стрекотании кузнечиков. Так чувствуют присутствие себе подобных цветы, листья, зверье, летучие облака. Над ними висел, распластавшись в пронизанном солнцем и высотой воздухе ширококрылый орел... Он оберегал их покой и счастье...

Через три дня Андзор собрался в аул. Ляна провожала его взглядом. Она стояла, прислонившись к стволу корявого бука.

– Ляна, никуда не ходи. Береги себя. Я скоро вернусь, – наказал Андзор, отправляясь в путь. Девушка покорно кивнула головой. Да, она будет его ждать.

Возвратившись в аул, Андзор прежде всего нашел Касбулата.

– Ты клялся мне в верности. Я хочу доверить тебе тайну.

– Разве ты сомневаешься в моей честности? Твоя тайна – моя тайна. Я никогда тебя не предавал, Андзор, и если я нарушу клятву, пусть меня покарает Аллах.

Андзор рассказал Касбулату о своей встрече с лесной девушкой, о ее погибшей матери, о своем немедленном намерении жениться.

– Как ты думаешь, мои родители дадут согласие на свадьбу? – Касбулат пожал плечами.

– Не знаю, дорогой друг... Но я тебе помогу...

– Сходи к моим родителям, объясни им все, как можешь, понятнее, что я все равно женюсь на ней!

Долго ждал Андзор возвращения Касбулата. Чего он только не передумал за это время, в одном остался тверд – женюсь на Ляне и все! Касбулат принес плохую весть!

– Андзор, они срочно послали за знахарем, они думают, что тебя лесная колдунья напоила любовной отравой.

– Этого еще не хватало. Я люблю эту девушку. Как они этого не могут понять? Я так и предполагал: с камнем договориться легче, чем убедить моего отца!

Касбулат пытался образумить огорченного друга:

– Пойми, Андзор, ведь ты ничего не знаешь о ней, о том, какого она роду. Может быть, она нечестива и ее породил презренный, может она незаконнорожденная.

– Касбулат, представь себя на моем месте! Неужели ты стал бы слушать все эти глупости, когда речь идет о любви, о девушке, без которой я не могу жить? Нет ничего дороже и важнее любви... Мне все равно, какого рода моя невеста.

Однако бедному Андзору не удалось избежать родительского гнева. Вызванный к отцу, Андзор увидел известного в округе знахаря Локмана, которого приглашали всякий раз, когда дело касалось непонятной болезни, сопровождающейся не столько лихорадкой и телесным недомоганием, сколько бредовыми рассуждениями. Локман сидел за невысоким столом. Перед ним лежал Коран. Отец переводил взгляд с Андзора на Локмана, а потом перестал смотреть на сына, как будто во все его и не было...

Перевела с кабардинского Залина Маршенкулова

СУДЬБА МАРИЯМ

Рассказ

Мариям я знаю давно, мы оба из одного села, жили на одной улице, по соседству. Пили из одного родника.

Она была красивой и весёлой, свет излучающий цветочек, что выходит из-под земли, пробивая снег и лёд. Каждый, кто её видел, говорил: «О, боже, как она прекрасна! Слава создателю такой красоты!».

Отец и мать называли её Мариям. А я говорил: Красивая Мариям. Мы учились с ней в одном классе, и я часто заходил к ней домой. Она помогала матери по хозяйству. А какие хичины готовила! Запеченный в тесте свежий сыр, крепко обжаренные с двух сторон и обмазанные сливочным маслом лепешки. Было просто объеенье.

В школу ходили вместе и возвращались домой также. Она любила петь. Дома всегда что-то напевала. Мне было рядом с ней хорошо, приятно. Я к ней так привык, что всё время хотел её видеть. Особенно в последний год учёбы.

Появилось у меня какое-то чувство к ней. Я ещё не понимал это. Не видимся – плохо. Ищу её. Увижу – начинает сердце стучать быстро-быстро. Даже в самую солнечную погоду, когда я встречал её, мне казалось, что день становится ещё светлее.

Так прошёл последний год учёбы. Прозвенел последний звонок. И мы разъехались кто куда. Мариям поступила в техникум. Я провалился и вернулся домой. До следующей весны работал в колхозе. А весной забрали в армию.

Мариям всегда была в моём сердце. Я её ни на одну минуту не забывал. Но о своих чувствах не мог сказать. Наверное, от неопытности.

Так, не признавшись Мариям ни в чём, и ушел служить. Что такое два года? Когда они впереди, кажется, это далеко, края не видно. Особенно, когда кого-то ждешь.

И мои два года тоже прошли. Вернулся домой. Узнал, что Мариям вышла замуж. Познакомилась с парнем из другого села, создала с ним семью. Говорили, что парень хороший.

Что теперь поделаешь. Сам виноват. Не смог признаться в любви. Прошло несколько лет. Я тоже обзавелся семьей. Двое детей у меня – дочь и сын. Они уже пошли в школу. Однажды пошёл слух, что у Мариям трагически погиб муж. Её родственники ездили на похороны.

Молодой осталась Мариям без мужа. Трое детей на руках – две

дочери и один сын. Отец Мариям хотел их привести в село, к себе домой. Но Мариям не захотела вернуться в родное село. Сказала, что дети должны расти в отцовском доме, в роду. В доме своего отца, который построил дом для своих детей.

Так прошло лет десять, может, чуть больше, как-то незаметно, в суете жизни. Что такое десять лет, оглянуться не успеешь.

Что бы ни случилось, Мариям всегда оставалась в моём сердце. Потому, наверно, её часто вспоминал. Особенно когда были какие-то неполадки или ссоры в семье. В такие моменты я думал: если бы я жил с Мариям, она бы меня поняла.

Но жизнь такая штука, ты мечтаешь об одном, но получается совсем по-другому. Знаешь, что не сбудутся мечты, а всё-таки мечтаешь.

Мариям осталась в другом селении. За долгие годы мы с ней ни разу не встретились.

А недавно мне пришлось поехать в село, где живет Мариям. Были последние дни осени. Солнце светило, но воздух уже был холодный.

Я был легко одет и поэтому как-то продрог, когда, закончив свои дела, шел вниз по горной тропинке к остановке.

Навстречу идёт немного сгорбленная, седоволосая женщина. Шаг делает, потом отдыхает. Я подошёл к ней, поздоровался и прошёл мимо. Мне показалось, что её лицо очень знакомо, как будто её где-то видел.

Остановился, повернулся. Она смотрела в мою сторону. Я подошёл к ней, а про себя думаю: «Боже мой, кто она?» – и всматриваюсь в неё. Она тоже смотрит на меня. «Ну что, Осман, не узнал меня, свою соседку. Забыл Мариям? Ты меня Красивой Мариям называл. Но не беспокойся, сейчас меня уже многие не узнают. Нет никакой обиды», – сказала она.

Аллах, Аллах, Мариям, моя Красивая Мариям, неужели это ты... Тот прекрасный цветочек, что рос на нашей улице. Та девочка, которая так красиво пела, от улыбки которой и в непогоду становилось светлее и теплее. Что случилось с тобой, душа моя? Не заболела ли ты? Может, нужна какая-то помощь? Аллах свидетель, для тебя я ничего не пожалею.

Двоём простояли там немного. Я смотрел на неё и думал: «Что стало с таким прекрасным созданием? Как она так быстро превратилась в больную, сгорбленную старушку?»

Потом она сказала: «Здесь места ветреные. Я вижу, ты легко одет. Я недалеко живу, пойдем ко мне. Чаем угощу, согреешься, чуть отдохнёшь, потом поедешь домой».

Мы шли по тропинке вверх. Я старался идти ещё медленнее,

чем она. Так мы дошли до её дома. Хороший, добротный дом. И во дворе, и в доме порядок, чистота.

Мариям быстро накрыла стол из всего, что было дома, начали говорить, вспоминать своё родное село, школьные годы, всех, с кем учились вместе, своих учителей, и как мы всегда ходили в школу. Кто выйдет первый из дома, тот второго ждал. Какие были прекрасные времена. Если можно было бы вернуться туда, хотя бы на миг, на одно мгновение!

Она говорила больше. А я слушал и смотрел на неё. А перед глазами пробегали одна за другой картины нашего детства и юности.

Не было и тридцати лет, когда трагически погиб ее муж. На руках остались трое малолетних детей. Она сильно горевала о муже. Но живые должны жить. Надо поднять детей. Она пошла работать. Ей помогли родственники мужа, чем могли. Но малые дети – малые заботы, большие дети – большие заботы.

Мариям была швейей. Мастером своего дела. Работала в ателье. И на дом брала работу, закончит дела по хозяйству, уложит детей спать и за пару часов сошьет кому-то рубашку или платье.

Так время шло. Дети ни в чем не нуждались. Одевались, ели не хуже других.

Прошли годы. Старшая дочь окончила школу. Сказала матери, что хочет продолжить учебу в городе. Мама хотела, чтобы она хоть один год поработала дома, для семьи. Но дочь настояла на своем и уехала учиться, все её расходы легли на мамины плечи. Так проучилась она три года, вернулась домой. Мама обрадовалась, что пришла помощница.

Но в один из вечеров дочь говорит ей, что выходит замуж за иноверца из далекого города, с которым училась вместе.

Не понравилось это Мариям. Она её и по-хорошему, и по-плохому отговаривала. И братья отца говорили с ней. Но она никого не хотела слушать. Через пару недель, когда Мариям была на работе, собрала свои вещи и уехала. Мать это с болью перенесла. После смерти мужа это был для неё большой удар, долго не могла прийти в себя. С тех пор её сердце начало болеть.

Не прошло и полгода, как вторая дочь вышла замуж за односельчанина. Парень неплохой. Жили нормально. Часто навещали её и по дому помогали. Через год родился мальчик. После родов что-то случилось с дочерью. Она сильно изменилась. Стала раздражительной. Часто ссорилась с мужем. И в конце концов они разошлись.

Вернулась домой с ребенком. Оставила его маме. Сама устроилась на работу. Приходила домой поздно ночью, на ребенка мало обращала внимания. На замечания матери начинала кричать и ругаться. А бедная мама терпела и скрывала всё.

«Ты за плохого парня выдала меня замуж», – твердила она матери. А мама ей не препятствовала, кого дочь выбрала, за того и вышла.

Тут и сын захотел жениться. Мариям долго думала, какая будет невестка, уживется ли с ней. Все свои накопления собрала, продала последние ценные вещи и купила дочери в городе однокомнатную квартиру. Теперь она живет там.

Сын говорит матери: «Мама, ты не беспокойся, если невестка не понравится или в чём-то упрекнёт тебя, я её ни секунды здесь держать не буду».

Настал этот день. В дом пришла невестка. Прошло немного времени, мать слышит разговор невестки с сыном: «Я что, хуже твоей сестры? Она живет в городе. Почему я должна жить в селе? Давай продадим дом твоего отца. Купим в городе квартиру и маме однокомнатную, зачем ей большой дом».

После этого разговора у Мариям ещё на одну болезнь стало больше. На какое-то время она слегла. За мамой смотрела младшая дочь. Сын с женой уехали в город. Старшая дочь за пять лет приехала два раза. И то на пару дней. Ни одного внука не показала.

Младшая дочь, как уехала в город, тоже редко навещает маму. Приезжает, в основном, когда ей что-то нужно.

Сегодня Мариям живет одна. Правду говорят: «Боль и радость родителей – их дети». А жизнь обязательно возвращается бумерангом.

Асхат Мечиев – один из лучших на сегодняшний день журналистов в Кабардино-Балкарии. Легкий на подъем, любознательный до дотошности, обладающий широким, даже огромным литературным кругозором, фантастической памятью, которая позволяет ему цитировать практически любого классика слово в слово.

За свою профессиональную карьеру он успел поработать и в «Кабардино-Балкарской правде», и в «Газете Юга», и в «Советской молодежи», и в пресс-службе Главы КБР, писал для «Московского комсомольца», несколько лет был сотрудником отдела криминальной хроники в одной из калининградских газет – в общем, это один из самых сильных журналистов-профессионалов нашей республики.

При этом Асхат Вячеславович – человек редких душевных качеств, общительный, остроумный, добрый, немного ворчливый (как любой интеллигент), – впрочем, это ясно видно по его текстам.

Несколько лет назад, решив попробовать себя в другой ипостаси, он за полгода выучил английский язык и устроился работать гидом в крупной международной туристической компании. Посмотрел мир, людей, внутреннюю кухню туристической отрасли, но затем опять вернулся к любимому делу на своей родине.

Все эти знания и впечатления – в его текстах, которые выделяются индивидуальностью, чувством стиля, глубоким погружением в материал, страстью, недвусмысленно выраженной личной позицией. Предлагаемая подборка прозы Асхата Мечиева, по нашему мнению, должна вывести его за рамки, которые он сам себе установил, и сподвигнуть его на более серьезное литературное творчество. Все для этого у него есть.

Его фамилия – уже в истории культуры Кабардино-Балкарии. Мы помним и глыбу – Кязима, и скромного, необыкновенно талантливоего поэта – Хадиса... Уверены, что и имя Асхата должно украсить этот ряд. Традиция не должна прерываться.

Расул Гуртуев

ВНУТРЕННИЙ МОНОЛОГ

Эссе

Культурное наследие

Давно не подворачивался случай поговорить о литературе. Сейчас подвернулся – 13 июля родился Валентин Пикуль. Понимаю, что Пикуль – писатель достаточно неоднозначный. И критиковали его, и откровенно ругали, а один раз даже, пишут, избili на улице. Но хорошим писателем он от этого быть всё же не перестал. Поэтому, не слишком углубляясь в эпопеи со скандалами, просто постараюсь описать моё личное к нему отношение.

Каюсь – оно тоже не всегда было одинаковым. Помню, как в юности, после прочтения его первого исторического романа «Баязет» (потом, кстати, достаточно бездарно экранизированного) я долго пребывал под впечатлением, какого не помнил со времён прочитанного в детстве «Властелина колец» (прошу заметить: я сравниваю не романы, а впечатление от них), а через много лет, когда появился интернет, полез туда, чтобы узнать, что же там было на самом деле. Каково же было моё удивление, когда я увидел, что изображённый в романе гнуснейшим предателем и вообще полным дураком Исмаил Хан Нахичеванский на самом деле – прославленный российский военачальник, кавалер кучи орденов, герой такой же кучи военных конфликтов, в пятидесятилетнюю годовщину службы под русским флагом получивший от государя-императора звание генерал-лейтенанта, да ещё и телеграмму военного министра: «Государь Император, по случаю исполнившегося сего числа пятидесятилетия службы Вашей в офицерских чинах, Всемилостивейше соизволил произвести Вас в Генерал-Лейтенанты, с оставлением при войсках Кавказского Военного Округа и с производством жалования по чину из усиленного оклада по 2034 рубля в год».

А уж в ходе событий, о которых идёт речь в романе, то есть во время знаменитого «баязетского сидения», он и вовсе проявил себя как герой (если верить официальным историческим данным), потому что не дал выбросить белый флаг, который таки вывесили, дав туркам повод приналечь на ворота, о чём есть интервью в газете «Кавказ» за 1895 год. Однако досталось от Пикуля и ему, и капитану Штоквицу.

Почему же после всего этого я всё равно считаю Пикуля выдающимся писателем? Наверное, я просто его простил. Простил за все достоинства как «Баязета», так и прочих его романов, которые, как мне кажется, всё же перевешивают недостатки. В конце концов, задача романиста в том, чтобы погрузить в атмосферу эпохи. Именно это делает, например, «Игру престолов» прекрасным произведением

о средневековье, хотя историзма в ней нет совсем. Согласен – лучше, если романист при этом ещё и не слишком наврал, а с «Баязетом» он, похоже, и правда перегнул.

Ну так не «Баязетом» же единым! Ведь есть и знаменитый роман «Из тупика», где я впервые увидел незнакомое слово «плутонг» (совокупность орудий одного калибра на корабле)! Да такие боевые сцены – ещё поискать! Пикуль, такое ощущение, даже слова кладёт, как тот же плутонг – снаряды: «В утробе корабля провыл мотор, и воздушный лифт плавно поднял в башню первый снаряд. Наверху он со вкусом чмокнул воздух, словно поцеловался с любимой пушкой. Проклянувшись наружу зеленой головкой, снаряд застыл – весь в нетерпеливом ожидании. Это и был пристрелочный. За ним, за зелененьким, как огурчик, уже лавиной хлынул через башню боевые, с красными шапочками на головах, нарядные, как игрушки...».

А море у Пикуля какое? Причём не просто море, а море, в котором воюют? «Громящая орбита войны охватывала земной шар от Дувра до Гонконга, и по этой орбите – зигзагами! – двигался русский крейсер первого ранга «Аскольд». «Аскольд» болтало у черта на куличках – там, где Россией и не пахло, – между Филиппинами и Японией, от Адена до Коломбо. В погрузку похоронили двоих: один задохнулся в бункере от угольной пыли, а второго убило разрывом перегнившего топенанта. В этом большом человеческом мире, где-то на морских перепутьях, затерялись русские письма. Писали их бабы, коряво и неумело, при свете лучинок, клеили жеваным хлебом, мочили слезой... Боже ты мой! До чего же далеко от деревни Ломтяево до обожженной библейской Хайфы! Какой большой мир! Какое страшное время!».

А «Моонзунд», где «Лёд, лёд... всюду лёд. До весны вмерзли дредноуты на рейдах Гельсингфорса – за частоколами скал и рифов, за постами неусыпной брандвахты...». Я уж не говорю про «Реквием каравану RQ-17», где я прочитал про кошмар потерпевшего крушение – сигнал «Следую своим курсом»? Это когда корабль не имеет возможности вытащить утопающих из воды (а дело происходит, на секундочку, в холодной Атлантике) и плывёт далее... прямо, бывает, по чернеющим в воде головам.

Прощения просим за обилие цитат. Но они бьют похлеще залпов по истерзанному железом турецкому берегу. Может, поэтому и требовали читатели Пикуля, хотя в Советском Союзе было много писателей, работающих в схожем жанре?

Да и претензии не всегда были заслуженными, откровенно говоря. Я ещё понимаю – за «Баязет». Но как насчёт другого его романа – «Нечистая сила». За него автор, кстати, и был избит – якобы за то, что в нём в неллицеприятных подробностях описана жизнь Распутина.

Но, если Распутин такой хороший был, за что его отравить хотели господа во главе с князем Юсуповым? А когда не вышло отравить, то утопили? Тогда поищите Юсупова по Парижу, куда он благополучно потом эмигрировал, да попытайтесь избить за то, что хорошего человека утопил.

Впрочем, это всё – дело прошлое. Культурное наследие меряют не так. Вот цифры: за 40 лет литературной деятельности Валентин Пикуль написал более 30 романов и повестей. Даже смерть застала его за работой – над романом «Барбаросса». Общий тираж книг Пикуля составил более 500 миллионов экземпляров. Вот это я понимаю – наследие. Вполне достойное того, чтобы зваться «культурным».

Оборотная сторона

«Люди деньги платят, чтобы сюда приехать, а ты здесь живёшь, да ещё и деньги за это получаешь!..» Чаще всего в таких случаях я отмалчивался, но поскольку 27 сентября у нас – Всемирный день туризма, решил всё же высказаться по поводу оборотной стороны этой, на первый взгляд, действительно весьма романтической профессии.

Сначала немного истории. Праздник учреждён в 1979 году в городе Торремолинос (это в Испании), после заседания Генассамблеи Всемирной туристской организации. А первую в мире туристическую компанию, продававшую туристические путёвки, открыл баптист-трезвенник (это уточнение мне особенно нравится, позже поймёте, почему) Томас Кук в 1847 году.

Жители нашей страны воспользовались возможностью повидать мир с большой охотой. Самыми популярными направлениями стали Турция, Египет и Таиланд с Индией. Ненамного отставали более дорогостоящие Доминикана, Греция, Мексика и Куба. Почему именно они? Да потому, что в этих странах есть море, без которого житель нашей не самой тёплой в мире державы отпуска не мыслит. К тому же, в первых трёх морской сезон – круглогодичный. Зимой, конечно, море там не самое гостеприимное и лучше всего приезжать туда поздней весной или ранней осенью, но житель какого-нибудь Хабаровского края, получивший отпуск зимой, разницу в температуре воды в десяток-другой градусов даже не заметит.

Но я немного о другом. Как мы знаем из знаменитой повести «Трое в лодке, не считая собаки», «всё на свете имеет оборотную сторону, как сказал один человек, когда у него умерла тёща и пришлось раскошелиться на похороны». В случае с современным туризмом этих сторон целых две. Одна – для потребителя данной сферы услуг, вторая – для её работника. Первый ощущает её ещё во время сборов, которые в точности повторяют таковые в тех же «Троих в лодке...». Потом – в день вы-

лета, когда его рейс вдруг переносится несколько раз и к концу первого дня отпуска он всей семьей торчит в аэропорту в компании таких же несчастных и их крикливых детей, хотя рассчитывал к этому времени валяться на пляже где-нибудь в Белеке. Потом – когда выясняется, что хваленый «вид на море», за номер с которым он отдельно доплачивал, означает маленький кусочек акватории, к тому же видимый, только если высунуться из окна с риском для жизни. Или ещё лучше – когда к «виду на море» приравнивается «вид на воду», то есть на бассейн отеля, и ты живёшь с видом на шумную и нетрезвую толпу соотечественников. А главный сюрприз «вида на море» – когда ты обнаруживаешь, что он абсолютно не нужен, потому что в окно ты согласишься посмотреть только в день приезда.

Кстати, о трезвости. Тут мы плавно перейдём уже к «оборотной стороне» работника отрасли. Кроме моря, есть ещё одна причина популярности зарубежного отдыха и имя ей – «олинклюзив» (all inclusive, буквально – всё включено). Уж будьте уверены – тут ни один турист своего не упустит, особенно в части включённого в стоимость алкоголя. Кстати, иностранцы тут ничуть не лучше наших соотечественников, можете не сомневаться. И все последствия лягут на плечи представителя туроператора, который постоянно проживает при отеле. Один случай, произошедший со мной в Египте, я не скоро забуду. Один молодой человек, мягко говоря, отличался большой любовью к спиртному и талантом на поприще его потребления. Когда к ночи у него вышли все запасы, он попытался взломать бар на пляже, после чего стал убегать от меня и вызвавших меня секьюрити. Заборов и живой изгороди на своём пути он не замечал, преодолел их с упрямством носорога и выбежал за пределы отеля, где вскочил в один из стоявших на пограничном контроле у израильской границы (дело было в городе Таба) автобусов с российскими паломниками. Автобусы направлялись в Иерусалим: по ту сторону располагались магазины дьюти-фри, и молодой человек хотел уговорить кого-нибудь купить ему там алкоголь и даже стал размахивать стодолларовой банкнотой. Паломники (в основном старушки категории «божий одуванчик» в платочках и с Библиями в руках) чуть не попадали в обморок. Скрутили его только под утро.

Другой товарищ поссорился с женой и стал требовать, чтобы его отправили домой, а когда ему было отказано, выпил для храбрости, стал распускать руки, а когда его закрыли в конференц-зале отеля, за ночь переломал там всю мебель. Однажды туристка измерила площадь комнаты рулеткой, установила, что та на полметра меньше обещанной и угомонилась только после двухдневного скандала. Как-то раз турист, забывший тапочки на острове у побережья Вьетнама, кинулся на обратном пути к капитану катера, стал отбирать

у того штурвал, чтобы плыть обратно, и чуть не утопил всю группу. Житель Барнаула, считавший себя писателем, всю ночь мотал мне нервы отсутствием горячей воды в его номере, пока я не сказал, что Хэмингуэй вообще жил в обстреливаемом франкистами отеле и даже написал там пьесу «Пятая колонна». Другой требовал у меня расписку в том, что слово «алабастр», услышанное им от продавца статуэток где-то в Старом городе Хургады – всего-навсего исковерканное «алебастр». Ещё один в пьяном виде заблудился в районе хургадского порта, позвонил среди ночи родственникам, которые стали требовать, чтобы я лично его эвакуировал. Дело осложнялось тем, что сам турист почему-то считал, что находится у себя в Приморском крае.

В общем, есть, что вспомнить. Насколько это романтическая профессия – решайте сами, но пару слов в защиту туризма я всё же скажу. Главную задачу – сближать людей – он выполняет. Я работал бок о бок с людьми сотни национальностей – от вьетов до гагаузов – и с уверенностью могу сказать: хороший человек – хороший всегда и везде, что в Турции, что в России, что в Египте.

Видели и ведали

Некоторых неграмотных дураков лучше не поправлять. А напротив, выставлять на всеобщее обозрение. Чтобы все – и они в том числе – видели, что творят, и ведали, что творят.

Глядишь, и поумнеет хоть один.

Это я о графоманах говорю. Даже не столько о графоманах вообще, сколько о самой бездарной и безграмотной их части. К сожалению, именно эта их часть является наиболее многочисленной и активной. Причём многочисленной и активной настолько, что иногда создаётся ощущение, будто все, кто пишет в газету или приносит в редакцию свои творения, бездарны и безграмотны.

Я не говорю, что мы в редакциях поголовно даровитые и грамотные. Но элементарные законы русского языка мы всё же попираем не настолько грубо, как некоторые.

К примеру, вот несколько строк из некоего автора (написано, судя по всему, «на смерть» кого-то). Учтите, кстати, что это ещё и стихи! Итак: «Ушёл из жизни человек с высокой честью, Не гордясь своею славой, Не имея в душе греха, Поникнув гордой головой». Хорошо ещё, что не «со свинцом в груди»!

Как видите, не зря я заметил, что это именно «на смерть». Автор даже из лермонтовского «На смерть поэта» строку слямзить не постеснялся! Бедный Михаил Юрьевич!

Не думайте, кстати, что стих – белый. В нём есть рифмы. Во всяком случае, попытки их найти. Так что если он и белый, то не весь:

«Не было причины для смерти. Во всех делах преуспевал. Человек высокой культуры и врач, Советы полезные всем давал». Каково? При всём желании «преуспевал» и «давал» я лично считать рифмой не могу. Это примерно как Незнайка рифмовал «палка» и «селёдка»!

Затем следует загадочное: «В час смерти никто над тобой не глумился, Кругом тебя были люди свои...». Без комментариев.

Не подумайте, что я не уважаю покойного или попытки автора выразить свое уважением этому покойному. Но, право слово, попытка сделать это таким способом, по-моему, лежит за гранью понятия об уважении.

Ну, и напоследок (опять с выдернутой из классика строкой): «К твоей могиле, как к роднику, не зарастёт народная тропа. Пока мы живы и наши потомки – Ты будешь славен на века».

А вот поэт-мистик: он накатал балладу про двух ангелов – чёрного и белого. Вот пара строк из «чёрного»: «Я не могу смотреть на счастье И наблюдать за радостью. Я начинаю рвать на части И делать людям гадости. Для этого я и живу. Это мое призвание. Я всё ломаю, гну и рву По своему сценарию». По-моему, очень автобиографично. Я советую автору прислушаться. По-моему, у них с персонажем найдутся одинаковые стремления в части «делать людям гадости». В смысле – призывать читать свои творения.

Вот из него же: «Он к ней в судьбу вошёл внезапно. В ней дар врождённый балерины. И времени ей не хватало На то, чтоб нарушать режимы. В неё вложил немало спонсор, Который к ней равнодушен. А время тратил он не просто, Ведь получал взамен всё больше». Какая правда жизни!

У следующего автора плоховато с географией. Он свалил в одну кучу ресторан «Сосруко», Голубые озёра (вместе с голубыми елями), Эльбрус, водопады и назвал это «Люблю свой город Нальчик». Мало того: он жестоко поступил с теми, кто ещё надеялся на то, что в Голубых озёрах водятся феи. Их особенно жалко!

«Феи там не водятся, В Голубых озёрах, И всё до дна видать там, Как будто на ладонях. Там ели голубые Нежны, как недотрога, Там к голове Сосруко – Канатная дорога»...

А ещё мне нравится такая вещь: когда подобные авторы приходят, они суют тебе свои творения и говорят: «Ну, вы тут ещё подредактируйте...» Дорогие мои! Фотограф не может быть пластическим хирургом!

Вот так. Много ошибки, очень много... Чёрт, кажется, и я заразился! И ладно бы это был единичный случай. Нет, это иногда кажется эпидемией. И пусть никто не обижается, но я лично предлагаю посвящать таким авторам в газете колонку и публиковать их там без купюр и псевдонимов. Может, хоть так до них дойдёт...

Чтоб не убивать вас окончательно, закончу стихами, написанными настоящим поэтом по тому же поводу. Это Леонид Филатов, «Памяти графомана»:

«Он все редакции в Москве
Стихами отоваривал,
Он приносил стихи в мешке
И с грохотом вываливал...
В тот день, когда его мослы
Отправили на кладбище,
Все редколлегии Москвы
Ходили, лбы разгладивши...
Почил великий аноним,
Трудившийся до одури.
Снимите шляпы перед ним,
Талантливые лодыри!!!»

Думай о хорошем

Я тут решил хотя бы на время забыть про всякое плохое и написать сегодня про что-нибудь светлое. Написать так, как будто его, этого плохого, в нашей жизни вовсе нет. Короче: забыть, что есть «плохо», и вспомнить, что есть «хорошо». И так...

На днях прочитал хорошую книгу. Называется «Разговор в «Соборе». Её написал замечательный перуанский писатель Марио Варгас Льоса, лауреат Нобелевской премии по литературе. Главный герой её – журналист. Начинается она словами: «Из дверей редакции Сантьяго глядит на проспект Такны, и во взгляде его нет любви». Помню, что я купил её, как только увидел эту фразу. По-моему, звучит очень жизненно. И меня радует, что, когда я гляжу из дверей редакции на проспект Ленина, в моём взгляде с любовью пускай тоже как-то не очень, но всё же не до такой степени. И удаётся убедить себя хоть ненадолго, что толп всяких невоспитанных тинейджеров, отравляющих жизнь своим поведением, на этом проспекте как будто бы и нет.

В сквере на площади Согласия живёт дворняга с целым выводком щенков. Я всегда жалел всяких зверушек и переживал, что с этим семейством может что-нибудь случиться. Видя, как собак регулярно подкармливает компания школьников, я радуюсь, потому что вижу что-то доброе. А пропивших последние мозги живодёров, поящих кошек водкой, как будто бы и нет.

Я радуюсь, когда вижу, как ровесники этих самых школьников помогают какому-нибудь пенсионеру перейти дорогу, зайти с тяжёлой сумкой в общественный транспорт или уступают в этом транспорте место. А сплетников с длинными языками, не стесняющихся трещать без умолку в полный голос о том, что в нормальном обще-

стве считается личным, и доходящих в этом до эксгибиционизма, как будто в нашем общественном транспорте и нет.

Я радуюсь, когда автовладельцы пропускают пешеходов на «зебрах». А бывает, что даже и вне «зебр»! А молодых идиотов на «Приорах» в Нальчике как будто и нет.

Не знаю, получилось ли у меня хоть чуть-чуть забыть про плохое и вспомнить, что есть и много хорошего. Как у Довлатова: «Тут главное – найти источник положительных эмоций. Вон бабке место уступили. Студент конспекты перелистывает. Даже у военного приличное лицо...». А невоспитанных хамов, националистов, сплетников, «Приор», живодёров, невеж и прочего в нашей жизни как будто и нет. Нет! Нет! Совсем нет! Ни одного!

Русский Жюль Верн

Так называли «литературного отца» знаменитого Ихтиандра Александра Беляева. Помню, в детстве я слышал, как старший брат рассказывал сестре сюжет фильма «Голова профессора Доуэля», причём чуть ли не шёпотом – кино считалось почти хоррором (хотя мы и не знали такого слова). История про учёного, оживившего умершего, звучала и правда жутковато, особенно для нас, не слишком избалованных «ужасниками». Параллельно обсуждался «Человек-амфибия». Здесь рассказ сопровождался ещё и восторгами женской половины аудитории по поводу внешних данных Владимира Коренева – актёра, сыгравшего Ихтиандра. Нам, мальчишкам, ахи-охи были, конечно, чужды – нас интересовали в первую очередь приключения!

Увы, это были пересказы фильмов, снятых по романам, а не самих романов, поэтому вышеописанные восторги вовсе не дают мне повода подозревать молодое поколение в излишней любви к чтению. Просто кому-то повезло вовремя оказаться у телевизора или в кинотеатре. Поэтому, кстати, и существовал в наше время отдельный дворовый повествовательный жанр: «рассказывать» кино. Как сейчас вижу собравшуюся вокруг рассказчика компанию, жадно впитывающую все детали виденного им фильма, часто рассказчиком же и выдуманные.

Можно было бы придумать сейчас драматическую историю о том, как эти рассказы сподвигли меня (в излишней любви к чтению не то, что подозреваемого, но даже отчески за неё битого) обратиться к первоисточникам и открыть для себя Беляева «за пределами кинематографа». Увы, «открытие» происходило куда как более прозаично: книга, куда, помимо «Человека-амфибии», входил ещё и «Остров погибших кораблей» с «Продавцом воздуха», мирно лежала себе на диване в номере санатория, где мы отдыхали с мамой. Там Беляев мне в руки и попался. И вырвался он из них очень нескоро. Впрочем, я из его – тоже.

Помню, что знаменитые «Человек...» с «Головой...» произвели на меня ещё не самое сильное впечатление. Гораздо больше поразили «Остров погибших кораблей» и «Продавец воздуха» (если быть честным – изрядно напугали). А уж «Ариэль», «Последний человек из Атлантиды» и «Вечный хлеб» и вовсе вогнали в депрессию.

Меня можно понять: всё вышеперечисленное сегодня назвали бы «чёрной фантастикой», а мне не было и тринадцати лет. Но книги и правда более, чем серьёзные.

Но всё же некоторый оптимизм произведения внушают. И не только тем, что относительно хорошо заканчиваются. Но и тем, что остросоциальные вопросы, в них поднимаемые, тоже разрешаются, в общем, положительно. «Ноздрю Ай-Тойона» (пишу по памяти) из «Продавца воздуха» благополучно прикрыли красноармейцы, Ариэль вернулся к друзьям в Индию (и даже стиральный порошок потом не смог испортить историю). А главное – зло в конце концов оказалось наказанным. Я лично только лишний раз убедился в том, что автор был абсолютно прав, когда изобразил, как предприимчивые торгаши, которые видели в «вечном хлебе» лишь источник наживы, а не избавление человечества от проблемы голода, оказались посрамлены, а Ихтиандр и Ариэль не смогли приспособиться в жизни в капиталистическом мире, оказавшись для этого слишком чистыми морально. Да, сегодняшнему читателю мировой капитал представляется не злом, а совсем наоборот – сути дела это не меняет. И пусть сегодня мне скажут, что в реальной жизни всё кончилось бы не так, как у Беляева – уверен, что любые иные концовки в его романах были бы неправильными. Впрочем, насколько всё действительно «хорошо» кончится в мире капитала – большой вопрос и человечеству это ещё только предстоит выяснить.

Немного о «виновнике торжества». Здесь особо углубляться не буду – всё есть в сети. Скажу лишь, что история с «Головой профессора Доуэля», как бы странно это ни звучало, имеет больше общего с реальностью, чем можно было бы подумать: Беляев три года был закован в гипс, и вся жизнь его сводилась к жизни головы без тела, которого он совершенно не ощущал. Ну, а по поводу «предвидения будущего», за что он и был прозван «русским Жюлем Верном», всё известно и без меня. Наиболее точно пророчества Беляева сбылись в океанологии, медицине, биологии и исследовании космоса. Так, в романе «Чудное око» 1935 года рассказывается о первых попытках спуска под воду телекамеры, при помощи которой можно находить затопленные корабли, изучать морское дно, его обитателей. Сегодня это никакое не чудо. А в том же «Продавце воздуха» он предупреждает о надвигающейся экологической катастрофе, когда чистый воздух превратится в товар, который будет доступен не каждому.

А напоследок, по традиции – лучшее: «Здесь не то, что в океане. Здесь все чужое, все поделено, все разгорожено, все охраняется. Одни только вольные птицы ничьи, летают, кричат вдоль дороги. Здесь легко умереть от голода и жажды среди водоемов, садов и стад». «История знает примеры, когда безумные короли управляли огромными государствами, и народ даже не догадывался об этом». «Борьба и алчность обращают высочайшие открытия в зло, увеличивая сумму человеческого страдания». «Все женщины болтливы. Вы женщина – это плохо. Вы красивы – это ещё хуже». «На земле, да будет вам известно, наивное создание, торжествует порок и только порок! А добродетель... Добродетель стоит с протянутой рукой, вымаливая у порока гроши». «Талантливое зло опаснее вдвойне». «Женщина без тела. Это хуже, чем мужчина без головы». «Вся моя жизнь была посвящена науке. Пусть же науке послужит и моя смерть». «Кто же будет копаться в шахтах, если рабы станут заниматься наукой?». «Высшая Тайна в том... что ее нет!».

Безграмотность как вид искусства

Я уже как-то поднимал проблему засорения разговорного русского ненужными словоформами, но один недавно полученный пресс-релиз убедил меня, что дела ещё хуже, чем казалось: тенденция перекечевала из разговорного языка в официальный, и этот процесс, похоже, не собирается останавливаться.

Конечно, любой журналист вам скажет, что пресс-релизы – это отдельный вид «искусства», причём абстрактного. Но этот превзошёл всё, виденное ранее. Вот цитата из «виновника торжества»: «Помимо акселератора в гибридном режиме идет работа ещё по шести трекам: форсайт новых рынков НТИ, рынки и проекты-маяки, сквозные технологии, «Точки кипения Hi-Tech», развитие региональных технологических сообществ, лаборатории школ мышления и оценки гуманитарного воздействия».

Лично я прочитал вышеприведённый абзац раз семь, после чего плюнул и сдался. Кстати: вы думаете, что авторы этих шаманских заклинаний как-то удосужились объяснить, при чём тут «акселератор»? Ничуть не бывало! «Акселератор» остался за бортом читательского понимания точно так же, как и таинственные «школы мышления» с их лабораториями, не говоря уже про форсайт.

Там было ещё много интересных упоминаний неких событий, именуемых странным словом «интенсив» и совсем уж загадочные вещи под названием «кросс-питчи». Опять цитирую: «Образовательные, акселерационные и деловые мероприятия объединены общей идеей – созданием долгосрочного образа будущего России с горизонтом 100

лет». Там было ещё что-то про «стратегическое видение будущего» и «прогноз развития системы образования в России и мире на ближайшие 10-15 лет». После упоминания про систему образования мне лично захотелось сказать: «А может, не надо?»

И хотя тут мне всё же хватило семи повторов, чтобы хоть что-то уяснить, суть, сами понимаете, поменялась мало. Дополнительно удручало, что знание такого количества умных слов не сказалось на желании авторов вычитать собственный текст и исправить опечатку в одном из абзацев.

Всё это – то самое, что знаменитый Джордж Оруэлл назвал «новоязом». Правда, он говорил о тоталитарных обществах, однако современные лингвисты пишут, что «актуальность проблемы формирования языков власти не исчезает вместе с исчезновением тоталитаризма, ибо общество потребления, информационная революция, информационные войны создают новые типы «новояза», влияющего на особенности нашего мышления и поведения» («Формирование «новояза» в современном российском обществе». «Молодой ученый», 2016).

Понятно, что процесс этот неостановим и неизбежен. В конце концов, язык – вещь подвижная, подверженная влиянию извне и в разговорной своей части даже неуправляемая. Но ведь существует ещё и язык литературный! То есть тот, на котором пишут. И здесь вполне во власти автора сделать так, чтобы читатели не продирались сквозь написанное, как конкистадоры аделантадо Франсиско Писарро сквозь джунгли Тауантинсуию. Про конкистадоров и джунгли я написал специально – в качестве примера того, как на пустом месте усложнить простую вещь. А усложнять нельзя, поскольку релизы для того и придуманы, чтобы разъяснять, а не запутывать! В этом плане авторам вышешприведённого творения хочется привести в пример самый короткий пресс-релиз в истории, выпущенный баскетболистом Майклом Джорданом. Состоял он всего из двух слов: «Я возвращаюсь». И никакой работы «в гибридном режиме», да ещё «по шести трекам»!

Те, кого не убедила история Джордана, могут вспомнить первый релиз в истории. Он был выпущен в 1906 году в США после крушения поезда. Тогда железнодорожная компания не только осознала необходимость распространить публичное заявление, но и выделила специальный поезд для доставки журналистов к месту происшествия. Такой инновационный подход настолько впечатлил знаменитую «Нью-Йорк Таймс», что пресс-релиз был перепечатан в газете дословно. Что-то мне подсказывает, что релизу про «шесть треков» это точно не грозит.

Можно было бы сказать: шут с ними, с релизами! Всё равно они в идеале должны служить лишь отправной точкой для журналиста. Но я говорю о тенденции. Например, о фразах, типа: «Мы вам представим

наш лучший челлендж, будем расширять наши компетенции, внедрять лучшие практики, у нас будет два интенсива». Так вот: оставьте это издевательство над «великим и могучим» интернет-пользователям или, как они сами себя называют, «юзерам». Но в официальных сообщениях им не место! Хотя бы потому, что «практика» и «компетенция» в русском языке не бывают во множественном числе! А уж причём тут «челлендж», который переводится, как «вызов», я, наверное, никогда не пойму.

Впрочем, мало ли чего я не пойму. Но есть исследования, пока малочисленные, которые показывают, что сегодня интернет-сленг отрицательно влияет на культуру речи и общий уровень грамотности. Всё дело в элементарной моторике: если целый день писать «нра», то в тот момент, когда надо будет написать «нравится», носитель «новояза» застрянет над вопросом «-ться или -тся?» с вероятностью намного большей, чем такой же «юзер», хотя бы иногда читающий книги. Ему попросту будет трудней переключиться из-за выработавшейся привычки. А уж когда такие «юзеры» садятся за составление прес-релизов, тогда и появляются жуткие сочинения про «акселераторы» и «форсайты».

Поэтому очень надеюсь, что процитированный мною уникальный релиз – ещё не показатель и дело им одним и ограничится. В конце концов, хватит с нас несущихся с официальных трибун бессмертных «в двухтысячно втором году», «согласно указа» и «в мае-месяце».

Верните образованность в моду

На днях один знакомый, в силу каких-то таинственных причин считающий себя познавшим некую, как он это называет, Высшую Истину, вдруг заявил мне, что я не имею права заявлять, что Земля – круглая, поскольку сам этого не видел.

Назвать причину, по которой он так считает, я не могу, поскольку, подобно Остапу Бендеру, чту Уголовный кодекс, в котором теперь есть соответствующая статья. Но я сказал ему, что ровно 215 лет назад, 17 августа 1806 года шлюп «Нева» под командованием Юрия Лисянского бросил якорь на кронштадтском рейде, завершив первое в России кругосветное плавание. Хотел бы я посмотреть, как кому-нибудь в тот день пришлось бы в голову отобрать лавры у отечества, заявив, что Земля – вовсе не круглая! Я уже не говорю про тёзку Лисянского по фамилии Гагарин. Так почему же сегодня находятся личности, заявляющие об этом в открытую?

В самом деле интересно: что вдруг произошло с людьми, которым в школе преподавали географию, на уроках которой всё доходчиво объясняли?! Однако такие находятся! Даже певец Юрий Лоза

выпустил серию видео, в которых обосновывал эту ахинею с пеной у рта. И что вы думаете? Оно собрало огромное количество хвалебных отзывов. Лозу назвали чуть ли не пророком.

Если кто не знает, то плоскоземельщики считают, что Земля на самом деле плоская, а ученые, моряки, космонавты, пилоты самолетов устроили грандиозный заговор, чтобы скрыть правду. Затеял все в 1816 году английский изобретатель Сэмюэль Роботэм. Его последователи основали странно называемое Зететическое общество, которое разрабатывало даже собственную «зететическую космологию». Согласно придуманным ими бредням, Земля является плоским диском диаметром 40000 километров, постоянно движущимся вверх с определённым ускорением, следствием которого объясняется притяжение. Небесные тела, включая Солнце и Луну, вращаются над Землей. Вокруг Земли есть сплошная стена льда, которая мы, невежи, считаем Антарктидой. Другие небесные тела круглые, но Земля — особенная. Идеи Зететического общества поразили головной мозг американского религиозного деятеля Джона Александра Доуи, который и перевез их в США, где они существовали в вялотекущей форме и почти уже засохли, но в 1956 году «гений» Сэмюэля Шентона возродил их, основав «Общество плоской Земли».

В 1920 годах Шентон предложил запустить в атмосферу летательный аппарат, чтобы он там висел неподвижно, а Земля бы тем временем сама под ним крутилась до желаемого пункта назначения. В голову Шентона закрались смутные подозрения. Как же так, почему власти игнорируют такое открытие? Возможно, бедняга помаялся и выздоровел бы, но однажды он наткнулся на «Зететическую астрономию».

И тут все стало ясно: власти скрывают. Шентон бросился заниматься научными изысканиями и разрабатывать теоретические основы нового учения, призванного разоблачить Заговор! Запуск Советским Союзом спутника не поколебал уверенности непризнанного гения. Выступая перед своими сторонниками, Шентон заявлял, что спутники просто летают по кругу над плоской Землей (все вышеизложенные данные – с сайта vizitnlo.ru).

В общем, как часто бывает – было бы смешно, если бы не было так грустно. А грустно потому, что и сегодня, когда форма Земли давно уже доказана, у этих мракобесов находится аудитория! И она отваживается бросать вызов самой системе образования! Вот, например, один юный последователь небезызвестного Германа Стерлигова ушел из седьмого класса и начал выступать на своей странице в соцсетях, где протестовал против школы. В 2017 году он завёл канал на YouTube и стал активно продвигать идею плоской Земли. А всем известно, что сегодня, благодаря Интернету, все громкие заявления, включая самые

бредовые, могут вызвать моментальную реакцию миллионов людей. Видимо, это и произошло, если на полном серьёзе сегодня тебе в лицо могут такое заявить. Конечно, и в моё время в школе частенько пропускали всю науку мимо ушей. Но таких, что считали планету плоской, по-моему, даже среди самых отъявленных не находилось!

Я пытался оперировать логическими доводами. Говорил, например, что, будь Земля плоской, Солнце светило бы на всю её поверхность одновременно, следовательно – смена дня и ночи происходила бы везде сразу, а не по часовым поясам. Это для моего оппонента оказалось слишком сложно. Тогда я сказал, что ещё ни один корабль не доплыл до края плоской Земли и не свалился с неё, а ни один самолёт не пересёк границы этого края. Потом я заявил, что в Австралии вода в раковине движется в сторону противоположную той, что в наших раковинах. Мой оппонент, как положено демагогу, проигнорировал мои доводы и потребовал доказать это. Тогда я потребовал доказать его Великую Истину. Кончилось всё скандалом.

Некоторые заявляют, что причина появления «плоскоземельщиков» и прочих обскурантов не только в кризисе образования, но и в таком глобальном явлении, как «кризис рациональности», когда некоторым почему-то показалось, что мир так же далёк от постижения, как и сто лет назад. В общем, довольно сложная штука.

Мне лично кажется, что всё проще. Давно известно, что «образованным быть не модно». Так верните образованность в моду. В конце концов, кризис – кризисом, но уж некоторые факты об этом мире наука всё же постигла! И форма Земли – точно в списке! Поэтому напоминаю: сложные проблемы часто решаются простыми способами. Так что давайте вместо идеи Великой Истины будем активней продвигать школьную программу.

БЕСЦЕННЫЙ ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ УЧЕНОГО, ПЕДАГОГА
К 80-летию со дня рождения Б. Б. Хубиева

Б. Б. Хубиев

Башир Билялович Хубиев – доктор философских наук, профессор, научный руководитель кафедры теории и технологии социальной работы КБГУ, на протяжении долгих плодотворных лет он возглавлял кафедру, заслуженный деятель науки КБР, академик Академии социальной работы, член Президиума Совета УМО вузов России по образованию в области социальной работы, член диссертационных советов по философским наукам в КБГУ и ПСТУ. Научные интересы: проблемы социальной философии и социологии, философия и социология семьи, социология молодежи, социальная политика, гражданское общество, защита прав человека, теория и методология социальной работы.

Им опубликовано более 250 работ, монографий, учебно-методических изданий, научных статей в реферируемых изданиях ВАК, Скопус. Выступал в качестве научного руководителя 15 заявок на гранты: Правительство РФ, РНФ, РГНФ. Занесен в библиографический справочник «Современная энциклопедия социальной работы» (М., 2008).

Б. Б. Хубиев удостоен награды «Серебряный почетный знак им. Петра Великого» – «за достижения в социальном образовании» (2006). Удостоен звания «Почетный работник высшего профессионального образования РФ» (2012). Награжден почетными грамотами Парламента КБР (2018), Правительства КБР (2004), Минобрнауки КБР (2012), Минтрудсоцразвития КБР (2007), КБГУ (2008, 2013, 2018).

Достоинство мыслящего человека заключено в необратимой потребности в духовном обогащении, его поиски устремлены в познание и широкое видения преобразующего мира. На протяжении своего пути человеку надлежит усвоить всю гамму задач, поставленных им жизнью, рядом сложившихся обстоятельств, начиная от всеобъемлющих ценностей до самых простых материальных вещей. В какой бы сфере деятельности ни оказался человек, его внутренний рост должен достигнуть прогрессивного развития.

Рассуждая о главном, одновременно мысленно прочитываю образ достойного человека, чье личностное содержание в буквальном смысле отождествляет цельность, волну, чистоту нравов, душевное благородство, сдержанность, уважение к человеку, труду, профессии и многие другие

незаменимые качества. Пожалуй, это те непреходящие ценностные составляющие, которые должным образом соответствуют природе взглядов и жизненных принципов Башира Биляловича Хубиева – яркого общественного деятеля, видного ученого, гуманиста, человека с выверенной социальной ответственностью и чувством гражданского долга. Как видно, все присущие ему интересы гармонично встраиваются в качество его жизни, направляют его сознание для восприятия важного, а именно того, что наполняет его жизнь смыслом. С точки зрения профессора Б. Б. Хубиева есть одно простое правило, которому он следует неизменно: «Человеку следует постараться подняться на ступеньку выше элементарного быта и приблизиться к более высоким понятиям смысла жизни».

Сколько раз мы убеждаемся в правоте изысканных изречений классиков, которые зачастую созвучны образам знакомых нам людей. Отличающиеся глубиной мышления, притягивающие своей положительной аурой интеллигентности, они скромны и непритязательны. Видимо, в параллели между пониманием скромности и сдержанности проложена определенная грань совести, она по сути и подразумевает чистоту сознания и души человека. Все это характеризует человека интеллигентного как носителя высокой общечеловеческой культуры. Между тем, человек культуры не может быть просто знающим, интеллектуальным: он должен быть еще социально вовлеченным, быть чувствительным к проблемам современного общества. Все эти ориентиры нацелены на принцип служения обществу, и они глубоко созвучны главной социальной роли профессора Б. Б. Хубиева. В самом широком смысле этого слова, они вплетены в основу его жизни.

В формуле успеха профессора Б. Б. Хубиева заключены обязательства, – это неизменное движение вперед, ответственность за собственный выбор, вера в себя и своих коллег. Его научная и педагогическая деятельность многогранна и плодотворна, а это так важно, особенно для ученого, который не знает жизни без того пространства, где он получает бесконечный поток научного познания, без той атмосферы, где он востребован как педагог от Бога, любящий и понимающий своих студентов, коллег.

В подготовке перспективных кадров Башир Билялович придерживается определенной стратегии: сначала необходимо разглядеть талант человека, затем направить его и, главное, помочь ему не сойти с выбранного пути. С точки зрения заведующего кафедрой теории социальной работы, Б. Б. Хубиев должен не только руководить, но и взаимодействовать со студентами и сотрудниками на всех уровнях: научном, образовательном и личностном. Его всегда беспокоит мотивация обучения социально востребованным формам коммуникации, для него очень важно, когда в данном диапазоне существует контакт обратной связи со студенческой молодежью. Именно эта грань общения с образованной аудиторией восполняет необходимость и полезность научных, учебных практик и мировоззренческих взглядов, которыми владеет ученый, исследователь Башир Билялович Хубиев. Он при-

знается – научно-исследовательская работа для него давно стала образом жизни. Его деятельность всегда подчинена жажде научного познания, интересной, захватывающей работе, дающей заряд творческой энергии. Видимо, он сам не раз убеждается в том, что алтарь – его рабочий стол, за которым он трудится с полной самоотдачей, где каждая рожденная идея получает свое благословение, ибо только личным усердием, стремлением можно взрастить бесценные плоды познания. Ведь познание еще раз доказывает созидательную силу человека, его поисков, устремлений к совершенству.

«В той степени, в какой человек трагит себя ради великой цели, в той же самой степени он обретает в своей работе высочайшее счастье», – подтвердил Букер Вашингтон. Башир Билялович абсолютно убежден, что истоки его силы находятся в его достойной дружной семье, в поддержке друзей, близких по духу единомышленников, коллег, в понимании, что работа – это не только должностные обязанности, это, прежде всего, люди, которые эту работу делают, а родная альма-матер – это дом счастья, где радуется его сердце.

Общественное мнение как суждение народа содержит истину. Ведь так велико значение слова, когда оно исходит от достойных людей, чьи познания и личная жизненная поступь характеризуются бескорыстным служением профессии, обществу, людям.

В знак глубокого уважения и благодарности, в канун знаменательного юбилея ученого, яркого общественного деятеля Башира Биляловича Хубиева соратники, коллеги запечатлели свои искренние отзывы о нем на страницах замечательной книги. На протяжении долгих лет они плечом к плечу идут вместе с ним по жизни, дополняя его шаги к успеху, признавая его незаменимую роль в трансляции научного, образовательного и культурного наследия.

Уверена, что есть бесчисленное множество дорогих и близких людей, которые остаются всегда благодарными Баширу Биляловичу Хубиеву. В их числе его ученики, а сегодня уже его коллеги, они не перестают удивляться его безмерному человеколюбию, терпению и пониманию по отношению ко всем, кто обращается к нему за помощью, поддержкой и советом. В подтверждение ко всем высказываниям и в знак глубокого уважения к своему Учителю, в эпиграф книги вынесены слова У. Уорда: «Посредственный учитель излагает. Хороший учитель объясняет. Выдающийся учитель показывает. Великий учитель вдохновляет». Так и есть, для всех Башир Билялович стал мудрым наставником, на редкость понимающим и неизменно щедрым своим участием.

Зная жизнь и трудовой путь Башира Биляловича Хубиева, от лица многих, кто знаком с этим скромным человеком, могу с уверенностью сказать, что в нем мы видим легендарную личность, Учителя с большой буквы. Своим душевным богатством, талантом, одаренностью, эрудицией, исключительным педагогическим мастерством, творческой увлеченностью и широким кругом интересов он всегда является примером для всех нас, для всего коллектива КБГУ.

Фатима ТАЗОВА,
преподаватель русского языка и литературы
Кабардино-Балкарского колледжа «Строитель»,
член Союза журналистов РФ

«МАСТЕР ЖИЗНИ, КОТОРАЯ ВЫВОДИТ В ЛЮДИ...»

Очерк

*«Если ваш план на год – сажайте рис.
Если ваш план на десятилетие – сажайте деревья.
Если ваш план на всю жизнь – учите детей!»
Конфуций*

Путь просвещения тернист и долог. Труд одного педагога, который своим умом, личным примером, мудростью сердца и чистой мыслью может облегчить многим этот путь, бесценен и требует больших усилий. Сам педагог может не увидеть плоды своих трудов и благодарности просвещенного поколения, он работает на будущее. Поэтому наш План – напомнить всем окружающим о тех, кто является эталоном, собрав в себе самое лучшее, доброе и разумное, учит жизни и выводит в люди целые поколения. И «Год педагога и наставника» – хороший повод поблагодарить их, преклониться перед талантом, самоотверженностью и самопожертвованием современных учителей.

Р. Х. Шорова

Педагог-наставник, о котором пойдёт речь, Раиса Хашоровна Шорова – преподаватель общественных дисциплин, мастер производственного обучения, заведующая структурным подразделением «Техническое обслуживание» Кабардино-Балкарского колледжа «Строитель». Более 40 лет отдала она педагогической деятельности, воспитанию и обучению подрастающего поколения.

Из биографии: Шорова (из рода Хуровых) Раиса Хашоровна родилась 25.04.1949 года в селе Урух Лескенского района. Окончив среднюю школу в 1967 году, поступила в Кабардино-Балкарский государственный университет на отделение истории филологического факультета. По окончании университета (1972 г.) начала свою трудовую деятельность в Григорополисском сельскохозяйственном техникуме (Новоалександровский городской округ Ставропольского края) в должности преподавателя общественных дисциплин. В 2005 году семья вернулась в Кабардино-Балкарию. В Нальчике Раиса Хашоровна продолжила тру-

довую деятельность в Лицее (ныне колледж) «Строитель». У неё трое детей: дочери Мадина и Татьяна, сын Руслан. Все получили высшее образование, устроены в жизни и трудятся на благо родины: Огурлиева Мадина Хасановна – учитель младших классов МКОУ «СОШ № 27» г. Нальчика; Шорова Татьяна Хасановна – ведущий специалист в головном МФЦ г. Нальчика; Шоров Руслан Хасанович – индивидуальный предприниматель, живёт и работает в г. Ставрополь.

Раиса Хашоровна с любовью рассказывает о большой семье, в которой родилась и выросла: семеро братьев и сестёр и ещё пять детей дяди Хаути, рано оставшиеся без матери, выросли вместе с ними. В семье простого колхозника были установлены и чётко действовали строгие правила приличия: жить дружно, уважать и ценить друг друга, соседей, всех окружающих; оказывать помощь всем, кто в этом нуждается. Образованию в семье уделялось особое внимание.

– Сколько себя помню, занимаюсь самообразованием, – рассказывает Раиса Хашоровна. – Старший брат Володя после школы поступил в престижный юридический институт в Саратове. Зная о моём стремлении к знаниям, привозил дефицитные тогда в стране книги, справочники, различные учебники. С большим рвением изучала «Основы политических знаний», готовилась к поступлению в вуз. Успешно сдала экзамены и, выдержав огромный конкурс, поступила самостоятельно. Помнится, члены приёмной комиссии были удивлены глубиной моих знаний, владению русским языком, поэтому поинтересовались, где я училась. Я с гордостью отвечала: «Средняя школа № 1 селения Урух». Кстати, с Хасаном Муратовичем Шоровым, моим будущим супругом, мы были знакомы ещё со школьной скамьи. Думается, именно своими познаниями в учебе я произвела на него впечатление, он очень галантно ухаживал целых четыре года, курируя мою учёбу, позже предложил создать семью.

После рождения первого ребёнка мы вместе уехали в Ставрополье по распределению КБГУ, вместе работали в техникуме. Успели построить свой большой дом. Весь коллектив считал своей обязанностью помогать нам в стройке. Светлая голова, золотые руки, Хасан сам проектировал наш дом, всё умел делать и никогда не попросил бы помощи, но коллеги приходили после работы и помогали нам строить. С теплотой вспоминаю те времена, хороший и дружный коллектив был. Уезжали мы из Ставрополя, скрепя сердце, моей тяжелобольной матери Азинат требовался уход. Прожили мы с Хасаном вместе в мире и согласии сорок лет. Вообще его жизнь заслуживает написания не только отдельной статьи, но и целой книги, поскольку он проработал в системе образования сорок лет, преподавал технические дисциплины «Инженерная графика», «Техническое обслуживание и ремонт автомобилей», «Устройство автомобилей». Человек-легенда в системе профессионального образования, он рано ушёл из жизни.

Безусловно, любой современный педагог является образованным человеком, но, чтобы увлечь сегодняшних учеников, надо обладать целым набором личностных качеств, в том числе и хорошо владеть языком своего предмета. Раису Хашоровну, говорящую чётко, выразительно, приятно слушать. Культура речи для нее играет важнейшую роль. Контингент учащихся профтехобразования сложный. Всегда найдутся те, кто захочет испытать педагога, подготовив ему несколько каверзных вопросов, но и они уступают лидерство в коллективе, если чувствуют компетентность педагога во многих вопросах.

Раиса Хашоровна не останавливается на достигнутом, изучает свою профессию, развивается и совершенствуется. Самое главное, у неё есть желание поделиться знаниями не только со своими студентами, но и с коллегами. Студенты больше всего ценят в ней умение объяснять даже самый трудный материал легко и увлекательно. Форма подачи темы играет для неё решающую роль. «Нудные лекции, прочитанные скучно монотонным тихим или чрезмерно громким голосом, студенты не воспримут должным образом. Материал лекции не должен быть сухим изложением фактов, каждому педагогу надо уметь заинтересовать слушателей», – говорит она. По признанию коллег сама она – интересный собеседник, всегда в курсе всех изменений и событий, происходящих в республике, стране, мире. Для неё жизненно важно показать своим ученикам пути решения проблем, помочь выбрать правильный путь, вывести в люди. А для этого у неё есть целый арсенал воспитательных методик и техник. Она и сама старается во всем быть примером. Мягкая, спокойная манера речи, классическая одежда, выразительная мимика, изящные жесты, аккуратная причёска. Ей не свойственны гнев, злость, непонимание, повышенный тон. Раису Хашоровну отличают особая тактичность, неутомимость, высокий ум, терпение, коммуникабельность, добросердечность и порядочность.

«Профессия педагога всегда побуждает идти в ногу со временем, а может быть, даже и на шаг вперёд. Здесь нужны упорство, целеустремленность, способность адаптироваться и самосовершенствоваться, – говорит она. – Очень метко написал Симон Соловейчик о нас, педагогах: “Он артист, но его слушатели и зрители не аплодируют ему. Он – скульптор, но его труда никто не видит. Он – врач, но его пациенты редко благодарят его за лечение и далеко не всегда хотят лечиться. Где же ему взять силы для каждодневного вдохновения? Только в самом себе, только в сознании величия своего дела”». И действительно, Раиса Хашоровна дорожит и гордится своей профессией, это чувствуется в каждом слове, взгляде, жесте, и даже в её величавой походке. С гордо поднятой головой она идёт каждое утро на работу, живёт жизнью колледжа и честно трудится долгие годы.

Труд учителя с каждым днем всё усложняется. Разумеется, глав-

ным для педагогов остаётся урок, но быть мастером производственного обучения – огромная ответственность. Для своих подопечных Раиса Хашоровна как вторая мама. Опекает их, учит самостоятельно оценивать свои знания и знания однокурсников. Её уроки построены так, что обучающиеся не спешат покинуть аудиторию сразу после звонка. Всегда задержатся, кто-то обязательно захочет что-то уточнить, переговорить с ней по различным вопросам, иногда и не касающимся учёбы.

Раиса Хашоровна щедро делится секретами мастерства: «В нашем колледже очень много детей, которым не хватает родительской ласки, внимания, любви. Я стараюсь создать для них приятную семейную атмосферу, хочется, чтобы они ценили всё, что здесь делается для них. Одним словом, пытаюсь быть для них старшим другом, с которым можно было бы поделиться мечтами, проблемами, сокровенным...».

Подлинный мастер своего дела, она подготовила к самостоятельной жизни не одно поколение авторемонтников, строителей дорог и аэродромов. «Сколько было их – по-настоящему талантливых ребят – за мою трудовую жизнь, – вспоминает Раиса Хашоровна. Все, кого я воспитала, учила, приносят пользу Отечеству, трудятся в разных уголках нашей страны, став механиками, строителями, предпринимателями, рабочими и просто хорошими людьми. Современный мир ставит новые задачи, задаёт множество вопросов. И нам приходится искать на них ответы каждый день. Наш колледж “Строитель” – уже результат этого поиска. Территорию колледжа я называю территорией Жизни для всех желающих строить благополучную жизнь, найти ресурсы для самопознания и самореализации. Мы можем быть энергичны и счастливы только в том случае, если поймем то, что делает нас по-настоящему живыми и помогает грамотно выстроить отношения с окружающим миром, те есть стать Мастерами жизни. Стать автомехаником или мастером строительных работ – просто, а вот стать Мастером жизни, создать свою территорию жизни – задача непростая. Наш педагогический коллектив вместе со своим вдохновителем, Заудином Шамсадиновичем, справляется с этой задачей уже около полувека. Целеустремленность директора, его ответственное отношение к своему делу являются примером для нашего коллектива».

Восхищает и благодарное отношение Раисы Хашоровны к окружающим, родным и близким, просто знакомым, особенно к коллегам. С благодарностью за полученные знания отзывается она о первом учителе русского языка – Николенко Николае Лаврентьевиче, о школьных преподавателях Уруха, КБГУ, коллегах из Ставрополя.

Многие годы Раиса Хашоровна ставит оценки своим ученикам. Пришло время – и жизнь выставляет оценки ей самой за доброе сердце, за ясный ум, за педагогические будни, полные забот и хлопот, и возраст здесь совсем не помеха. Ищущий, неутомимый человек тон-

кой души и твёрдого характера Раиса Хашоровна награждена множеством почетных грамот за многолетний безупречный труд, в том числе за первенство во всероссийском конкурсе-смотре по основам права и чемпионатах «Молодые профессионалы России». За личный вклад в подготовке специалистов среднего звена ей присвоено звание Почётного работника СПО РФ. Но самая высшая оценка для неё – мнение окружающих людей. Вот как отзываются о ней коллеги в колледже:

Калякова Екатерина Борисовна, заместитель директора по воспитательной работе: «Жизнестойкость и оптимизм Раисы Хашоровны поражают наше воображение. Ей легко выступить на педсовете с докладом на трудные темы, организовать открытый урок, провести воспитательное мероприятие, собрать команду, разработать проект и участвовать в конкурсе, и за что бы ни взялась – всё сделает на достойном уровне. К доверенному делу относится с полной ответственностью, пользуется большим уважением в сообществе педагогов не только колледжа, но и в городе Нальчике, во всей республике и за её пределами. Особенно активно она занимается профориентационной работой: часто выезжает в районные школы рекламировать образовательные возможности колледжа “Строитель”, посещает регулярно городские школы, встречается с родителями, общается со старшеклассниками, даёт интервью на радио и ТВ, вместе со студентами выпускает специальные номера газеты “Строитель”. Мы дорожим таким квалифицированным специалистом, ценим её труд, любим всей душой. Желаем Раисе Хашоровне радостных праздников души, преуспевать во всех делах и задумках, доброго здоровья и хорошего настроения каждый день».

Машукова Фатима Амировна, преподаватель русского языка и литературы: «Наш многоуважаемый коллега Раиса Хашоровна – мудрый наставник молодых, думающий, переживающий за общее дело, плодотворно работающий, великий труженик и просто надежный друг, незаменимый член нашего большого коллектива. Сложно без неё представить бурлящую жизнь колледжа. Ежедневно, не жалея сил и времени, щедро делится с нами опытом. Она готова работать без выходных, первая приходит на работу и последней уходит. Это надёжный человек, который всегда поможет в трудную минуту. Она отдает всю себя работе без остатка. Одним словом – профессионал! Она умеет создавать такую приятную атмосферу вокруг себя, что с ней не хочется расставаться. В общении с ней переносишься в какие-то чудесные миры, где всё правильно и справедливо, забывается мирская суета и усталость. Она

не любит яркие наряды, но всегда одета со вкусом. Ко всем относится с большим уважением. В глазах её всегда живость и бодрость, а с губ не сходит улыбка. Хочу пожелать ей долгой жизни и неисчерпаемого источника вдохновения. Пусть это благородное учительское ремесло и дальше приносит ей довольство и счастье!»

Тахушева Инна Сарабиевна, преподаватель истории: «Наша любимая Раиса Хашоровна – очень мягкий, интеллигентный человек, специалист широкого профиля. Всегда подскажет, как правильно поступить в той или иной ситуации. Отдает своему делу душу и сердце. Каждый день у Раисы Хашоровны расписан по часам: уроки, документы, совещания, родительские собрания, индивидуальные беседы. А надо ещё успеть уделить внимание собственным детям, внукам, многочисленным родственникам, сделать важные домашние дела, а Раиса Хашоровна ещё и вкусно готовит, прекрасная домохозяйка, сестра и бабушка. Ни одно торжество в рабочем коллективе, в роду Хуровых и Шоровых не обходится без неё. Часто её приглашают и в качестве тамады, зная о её красноречии и душевной щедрости. Нам приятно работать рядом с таким человеком, приятным во всех отношениях, Мастером своего дела».

Значимость учреждения и педагогов во многом определяется успешностью его выпускников. За свою историю Раиса Хашоровна выпустила сотни специалистов, которые стали достойными людьми и добились успеха на выбранном поприще. Каждый выбрал свой жизненный путь, но для всех колледж был и остаётся надежной точкой опоры. Выпускники – особое богатство Раисы Хашоровны. Некоторые из них поделились своими воспоминаниями по телефону.

Иналов Аниуар Заурович, выпускник МГИМО, старший преподаватель: «Колледж нас не только научил, но и воспитал. Раиса Ха-

шоровна вела у нас “Обществознание”, будучи мастером нашей группы, прививала чувство ответственности, уважение к чужому труду, стремление к саморазвитию и повышению уровня профессионализма. За время учебы благодаря ей я участвовал в различных мероприятиях профессиональных и творческих, развивая в себе новые способности и обретая уверенность в будущем. Для меня колледж был вторым домом, в котором я оставил частичку сердца. Надеюсь, и я остался в памяти и огромном сердце Раисы Хашоровны. Получив диплом, я не раз возвращался в родные стены колледжа, в основном, чтобы повидаться с Раисой Хашоровной и поделиться своими достижениями. Я просто знал, что она точно будет рада за меня. С теплотой и благодарностью вспоминаю годы учебы».

Кульчаев Залимхан Магомедович, техник-механик, гл. специалист сельского хозяйства с.п. Жанхотеко: «О колледже остались только хорошие воспоминания. Каждый новый учебный год мы по традиции начинали с “похода в мастерские”, и всегда это было интересно, участвовали в спортивно-массовых мероприятиях. Группа Раисы Хашоровны всегда была передовой, мы не могли послушаться её, она умеет убеждать. Был дружный коллектив, везде участвовали, стремились к лучшему. В профессиональном мастерстве всегда показывали неплохие результаты. Можно вспоминать многое, но самое главное то, что ни один выпускник из нашей группы не сменил направление, все пошли работать именно по своей профессии – техник-авторемонтник. Для Раисы Хашоровны это наверняка большая гордость, что все её усилия не пропали даром. Спасибо огромное всем преподавателям! Желая процветания всем, колледжу умных студентов, а нашей Раисе Хашоровне – терпения и крепких нервов!»

Дурсунов Али Фадлиевич, выпускник (2021 г.), призёр IV регионального чемпионата «Молодые профессионалы» Кабардино-Балкарской Республики: «Я пришёл в колледж “Строитель” в 2017 году с намерением получить рабочую профессию и начать зарабатывать. Участие в различных мероприятиях и конкурсах не входило в мои планы, но это оказалось неотъемлемой частью моего обучения. Больше всего мне запомнились классные часы Раисы Хашоровны, где она умело “прочистала мозги” всем студентам. Я не блистал знаниями по её предмету “Обществознание”, для меня это было сложно, но машины я любил, ковырялся в старых моторах, не вылезал из мастерской, за что меня часто хвалила именно она. От неё же я узнал много важного и полезного о предстоящей взрослой жизни и увидел новые горизонты своего развития, занял 3 место на Чемпионате WorldSkills («Молодые профессионалы-2020») в компетенции «Ремонт и обслуживание легковых автомобилей». Слова огромной благодарности мастерам, пре-

подавателям, ведь без них колледжа бы просто не было. Дальнейшего развития коллективу а самое главное, чтобы труды таких настоящих педагогов-наставников, как Раиса Хашоровна, приносили плоды в виде таких хороших специалистов, как я...»

Подводя итог вышесказанному, хочется низко поклониться нашей замечательной коллеге Раисе Хашоровне, настоящему Мастеру жизни, за её безупречный и неустанный труд, за её интеллигентность, порядочность и добродушие. Она принадлежит к числу тех педагогов, которые совмещают в себе бесценный преподавательский опыт, громадный объем знаний и по-настоящему творческое отношение к процессу обучения и воспитания. Педагогическое мастерство Раисы Хашоровны невозможно оценить никакими разрядами, квалификациями, званиями и наградами. Таких педагогов в системе СПО считанные единицы. Учителю с большой буквы, педагогу-наставнику, мастеру производственного обучения и Мастеру Жизни, который выводит подрастающие поколения в люди, наш коллективный респект. Искренне желаем долгой и плодотворной жизни. Пусть профессия приносит ей столько же радости, сколько она отдает ей сил, терпения и времени. Пусть её человеческое неравнодушие и педагогический оптимизм никогда не иссякают, а плоды трудов множатся. Пусть цветы, комплименты и благодарность в её жизни случаются ежедневно, а не только в День или Год педагога! Раиса Хашоровна, спасибо, что Вы есть!

ФЕСТИВАЛЬ «КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ»:
ТОЛЬКО НОВЫЕ ФИЛЬМЫ

«И вновь кинофестиваль: двенадцать фильмов из пяти стран! С 26 по 29 июня в республике пройдёт международный кинофестиваль «Кабардино-Балкария – 2023», – сообщили СМИ, сайты, соцсети и группы в мессенджерах. И всё прошло по намеченному плану без сучка и задоринки. Во всяком случае, такое впечатление сложилось у зрителей, которые искренне выражали свой восторг по поводу культурного события в Нальчике: «Все фильмы и артисты, которых привозит Новожилов, для нас всегда открытие».

Смотри и слушай в оба!

Организаторы – Министерство культуры РФ, Министерство культуры КБР и фонд «Благая весть» – включили в программу двенадцать фильмов из России, Германии, Чехии, Великобритании и Кыргызстана. Обратите внимание: и Кыргызстана. Ах, это достопамятное национальное кино! «Киргизфильм», «Молодова-фильм», киностудии других союзных республик и, конечно «Узбек-фильм» с удивительной лирической картиной 60-х годов «Нежность», где под песню «У моря, у синего моря со мною ты, рядом со мною...» мальчишки до сих пор сплавляются по реке на камерах от автомобильных колёс и где главный герой стучит на барабанах лезгинку, а персонаж неизвестной национальности лихо исполняет усредненный кавказский танец, подбадривая себя вполне кабардинскими возгласами «Ойжи!»

Но, вернемся в настоящее. Вернее, в совсем недавнее прошлое, в Государственный концертный зал на пр. Шогенцукова, 28 в Нальчике, где проходили кинопоказы.

«Я люблю кинематограф, потому что он создает иллюзию, уводящую меня от действительности, но огорчаюсь, что так редко бывают хорошие фильмы», – писал в середине прошлого века Николай Бердяев. В Нальчике, в июне 2023 года ему не пришлось бы огорчаться.

Каждый день – четыре картины, анимационные, художествен-

ные и документальные. Хорошо студентам и школьникам – у них летние каникулы. Неработающие пенсионеры и просто неработающие могли позволить себе сидение в прохладном кинозале. Впрочем, работники учреждений культуры благодаря содействию республиканского минкульта тоже регулярно заполняли залы во время кинопоказов и концертных программ, а также «создавали» публику на церемониях красной дорожки.

В общем, кто мог, наслаждался зрелищем, а не мечтал, как булгаковский герой в «Записках юного врача»: в уездном городе сладостная жизнь, «кинематограф есть, магазины. В то время как воеет и валит снег на полях, на экране, возможно, плывет тростник, качаются пальмы, мигает тропический остров...»

Фильмы показывали самые разные – для людей всех возрастов и интересов. И все – самые свежие – 2022 и даже 2023 года выпуска!

От Якутска до Дагестана

На старте детям и их родителям предложили посмотреть анимационную полторачасовую ленту «Суворов: великое путешествие» режиссёра Бориса Черткова. По сюжету, юный главный герой становится «участником захватывающих приключений и судьбоносных событий во время легендарного Швейцарского похода», совершает подвиг и выручает генералиссимуса Александра Васильевича.

На контрасте – широко обсуждавшийся историками, критиками и зрителями фильм «Нюрнберг» (Россия/Германия/Чехия/Великобритания, 2023. Реж. Николай Лебедев). Нюрнбергский процесс – первый и ключевой из серии судебных процессов над рядом военных преступников нацистской Германии. «Любовь на фоне международного трибунала» – характеризуют ленту критики. «19 февраля 1946 года. Германия, Нюрнберг, Дворец правосудия. Зал номер 600. Свидетели рассказывают о преступлениях нацистского режима, о зверствах, пытках, уничтожении целых народов. Их рассказы настолько шокируют, что слушатели с трудом верят в них.

Все, что в кадре на процессе произносит актер Сергей Безруков – это реальные речи Романа Руденко и других обвинителей со стороны Советского Союза. Руденко в 1944-1953 гг. был прокурором Украинской ССР, а на Нюрнбергском процессе в 1945-1946 гг. – главным обвинителем от СССР. Кульминация роли Безрукова – момент, когда советский прокурор приносит на процесс вещдоки – сумки, абажуры из человеческой кожи, говорит, что на производство мыла пошло столько-то людей.

«Нюрнберг» снят по мотивам книги Александра Звягинцева «На веки вечные». Интересно, обратился ли кто-то из зрителей к

этому тексту после фильма? Ведь в былые времена такое явление было массовым. Перечитывали (или брали в руки впервые) романы и повести, легшие в основу киносценариев, сравнивали, сопоставляли. Обсуждали, спорили. Кто-то находил более привлекательным киношного героя, а для кого-то он совсем не соответствовал сложившемуся образу литературного персонажа... Фильмы провоцировали чтение. Не постов в соцсетях, а книг.

А сценарии! Они издавались большими тиражами, их читали взахлеб. До сих пор в библиотеках большой популярностью пользуются книжные издания текстов авторства Эмиля Брагинского и Эльдара Рязанова.

Однако, хватит ностальгировать, пора к настоящему

«Продаётся дом» (Кыргызстан. Реж. Таалайбек Кулмендеев) – фильм для тех, кто старше 16, потому что в основе фильма – история молодой семьи, которая живет в лачуге, воспитывает трехлетнюю дочь, ждет еще одного ребенка, при этом глава семьи пытается взять кредит на открытие бизнеса, а чтобы погасить долги, занимается деньгами у родственников, взамен обещая отдать новорожденного ребенка.

Фильм якутского режиссёра Степана Бурнашёва «Наша зима» стал для зрителей в какой-то степени экзотикой – действие разворачивалось в «самом холодном городе мира», как представили его создатели, а съёмочная группа работала на улицах Якутска в 50-градусный мороз.

В числе российских фильмов на фестивале также показали «Огород» (реж. Лариса Садилова), «Искусство смерти» (реж. Владимир Бельдиян), «Плакать нельзя» (реж. Наталья Назарова), анимационный «Чинк: хвостатый детектив» (реж. Григорий Вожакин), «Голова-жестянка» (реж. Иван Капитонов, «Один настоящий день» (реж. Георгий Шенгелия).

Спасибо организаторам – были и северокавказские ленты: «Золотая бронза» (Северная Осетия, реж. Игорь Копылов) – победитель Всероссийского фестиваля патриотического кино «Русское элементарное кино», «Приключения маленького Бахи» (Дагестан, реж. Александр Галибин) – награда XVIII Казанского международного фестиваля мусульманского кино.

Ба! знакомые всё лица!

«Помимо кинопоказов пройдут концерты, творческие вечера. Гостями фестиваля станут звёзды театра и кино, музыканты, среди которых народная артистка России Наталья Гвоздикова, народная артистка РСФСР Лариса Лужина, астролог, телеведущая Тамара

Глоба, а также Максим Колосов, Екатерина Волкова, Анатолий Гущин, Елена Захарова, Сергей Шолох, Вахтанг Хурцилава, Хорен Чахалян, Максим Онищенко, Татьяна Яковенко, Елена Калинина, Пётр Баранчеев, Александр Бобров, Евгения Лютая, Павел Новиков, Сергей Савин, Игорь Скрипка, Сейдулла Молдаханов.

Состоятся творческие вечера известных артистов, в Кабардинском театре специальные гости фестиваля проведут мастер-классы для тех, кто интересуется режиссурой и актерским искусством.

Перед зрителями выступают мастера искусств Кабардино-Балкарии».

Фанаты в Нальчике ждали своих кумиров. Тёплый приём и яркое открытие при аншлаге... Участие в церемонии заместителя министра культуры КБР Аминат Карчаевой, концертная программа с участием гостей и хозяев сцены, детских вокальных и танцевальных коллективов, государственных ансамблей «Кабардинка» и «Балкария». Песни и арии из мюзиклов, которые молодежь слышала впервые, а в финале, конечно, песня о Кабардино-Балкарии, которая «словно в букет нас всех собрала».

Безусловно, зрители рады видеть воочию артистов из большого экранного кино, телесериалов, но какой мудрый ход – вплести в канву фестиваля их коллег из нашего региона! Ведь наши артисты время от времени тоже бывают задействованы в киноиндустрии. И даже если не задействованы, тоже хотят, имеют право и достойны хотя бы иногда пройти по красной дорожке под восторженные аплодисменты публики.

Конечно, представители других профессий заслуживают не меньшего почитания и внимания, цветов и аплодисментов, но такая уж прерогатива у артистов – быть на виду, быть узнаваемыми и любимыми. Они этим преимуществом и пользуются. В Нальчике – с 2016 года, с первого кинофестиваля «Кабардино-Балкария».

Ты помнишь, как всё начиналось?

«Главное кинособытие Северного Кавказа! Столица Кабардино-Балкарии впервые принимала гостей и участников международного фестиваля «Нальчик-2016». По красной дорожке прошли зарубежные кинодеятели и всеми любимые российские артисты: Лариса Лужина, Сергей Шакуров, Наталья Гвоздикова, Лиза Арзамасова, Юрий Чернов.

10 кинолент из России, Польши, Болгарии, Сербии и Италии, показанных на форуме, заставили задуматься об уроках истории, непростых человеческих отношениях, любви и вере в справедливость» – писали СМИ восемь лет назад.

И были отзывы: «Наконец-то в Нальчик пришло международ-

ное кино!», «Здорово, что на Кавказ приезжают киноактеры, происходит бесплатный показ фильмов, благодаря таким мероприятиям происходит приобщение к культуре, развивается интерес к кино».

Ну, по поводу высказывания об интересе к кино можно и поспорить. Он (интерес) не ослабевает уже лет 130, с момента первых публичных показов синема.

В 1895 году братья Люмьер провели несколько закрытых показов своих коротких роликов, в том числе в Париже на технической выставке. 28 декабря в «Индийском салоне Гранд-кафе» в Париже на бульваре Капуцинок (орден кларисс-капуцинок – женский монашеский орден католической церкви) состоялся первый киносеанс, проводившийся для всех желающих за плату в 1 франк. Присутствовало около 30 зрителей. Справочники сообщают, что среди сюжетов был комедийный сюжет «Политый поливальщик». Однако не было знаменитого ролика «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота» – он демонстрировался позже, в январе 1896 года, причем вопреки легенде зрители не пытались покинуть свои места, видя надвигающийся на них поезд.

«Из всех искусств для нас важнейшим является кино» – через четверть века утверждал В. Ленин, а его последователь И. Сталин усилил данный постулат: «Кино есть величайшее средство массовой агитации. Задача – взять это дело в свои руки».

Советские вожди воспользовались этим инструментом массового влияния – в отличие от лидеров старой России. Ещё в 1893 году заместитель главного инженера Балтийского завода Иосиф Тимченко изобрел собственные камеру и проектор, продемонстрировал свои аппараты ученым и предпринимателям, которые поняли, что проект имеет большое будущее, оценили его заслуги, но денег на дальнейшее развитие не выделили. Узнаваемая ситуация, не правда ли?

Роль личности в истории кинофестивалей

«Кино не умрет, пока в кинотеатрах будет темно», считал американский кинопродюсер Сэмюэл Голдвин. Видимо, он не подозревал, что в кинозалах может быть темно, когда в них нет ни фильмов, ни зрителей, ни луча кинопроектора.

Фонд «Благая весть», который с 2002 года занимается организацией мероприятий в сфере культуры, включает кинопроектор, и залы заполняются зрителями.

Руководитель организации – ведущий продюсер и организатор кинопроцесса, сценарист и актер, обладатель многих наград Сергей Новожилов почти десять лет был секретарем Союза кинематографистов России, является организатором многих крупных меропри-

ятий, полутора десятков кинофестивалей («Киношок», «Провинциальная Россия», «Амурская осень», «Хрустальный ИсточникЪ» (Кавминводы) и т.д. и т.п.).

«Сергей Новожилов – не равнодушный человек к проблемам и болям российского кинематографа, к старейшим актерам нашего кино, помогающий многим таким людям и совершенно не афиширующий эту свою деятельность», пишут о нем члены Гильдии киноактеров.

Хотите узнать об истинной жизни и бизнесе российского продюсера – прочитайте первое интервью целеустремленного, настойчивого, стойкого, нестигаемого Сергея Новожилова, которое он дал только в 2019 году <https://ampravda.ru/2019/07/25/089939.html>

Там много интересного. И, надеемся, много интересного покажет нам Новожилов в следующем году. А в 2023-м организаторы и гости фестиваля, выразив восторги по поводу красоты природы нашей республики и по-южному теплого приема, оказанного публикой, распрощались с нами, оставив воспоминания о луче света в темном зале.

Будем помнить и ждать. До нового кинофестиваля!

В номере:

Борис Зумакулов. Гениальный поэт Кавказа. <i>Статья</i>	2
Юрий Тхагазитов. Высокое слово Кавказа. <i>Статья</i>	10
Тахир Толгуров. Расул Гамзатов: эволюционное значение в контексте северокавказской поэтики. <i>Статья</i>	14
Расул Гамзатов. <i>Стихи</i>	20
Литература черкесского зарубежья. Ведущий рубрики:	
Мухамед Хафицэ	30
Дана Хафицэ. <i>Стихи (предисловие Марианны Керимовой)</i>	67
Сакинат Мусукаева. Мой руководитель. Где вера и молитва вместе... <i>Рассказы</i>	80
Ромета Баева. Номер раз... <i>Глава из повести</i>	95
Владимир Зарубин. <i>Стихи</i>	111
Сусана Чолакова. Азиатский дефтер. <i>Рассказы</i>	116
Дарья Шомахова. Дело Василиска. <i>Рассказ</i>	125
Асият Кармова. Сага родной земли. <i>Стихи</i>	133
Лилия Кибиева. Лесная девушка. <i>Повесть</i>	137
Хыйса Османов. Судьба Мариям. <i>Рассказ</i>	155
Асхат Мечиев. Внутренний монолог. <i>Эссе</i>	159
Мадина Буранова. Бесценный творческий путь ученого, педагога. <i>Статья</i>	174
Фатима Тазова. «Мастер жизни, которая выводит в люди...» <i>Очерк</i>	177
Ирина Вольская. Фестиваль «Кабардино-Балкария»: только новые фильмы. <i>Статья</i>	185

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Ш. С. Ахматова*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 30.06.2023. Подписано к печати 05.08.2023.
Выход в свет 31.08.2023. Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 918 экз. Заказ № 1714. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 41,77 руб., за 6 мес. – 125,31 руб.

В розницу – цена свободная.

Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-28-49,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

*Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с
электронной версией.*

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона, адрес электронной почты).

Международный кинофестиваль «Кабардино-Балкария – 2023»

